

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

На правах рукописи

КОЛЬОВСКА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА

**ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОД РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Специальность 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания
(русский язык как иностранный)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
доцент Д.Б. Гудков

Москва – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: КОДЫ КУЛЬТУРЫ И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	12
1.1. Взаимосвязь языка и культуры	12
1.2. Языковая картина мира: подходы к определению понятия	17
1.3. Коды культуры. Проблема классификации	25
1.4. Особое значение единиц кода культуры	36
1.5. Фразеологические единицы как компоненты кода культуры	40
1.6. Роль кодов культуры в межкультурной коммуникации	47
Выводы по главе 1	51
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	54
2.1. Природно-ландшафтный код в системе кодов русской культуры	54
2.2. Национальная специфика единиц природно-ландшафтного кода	56
2.3. Словарное описание фразеологизмов как экспликаторов природно-ландшафтного кода русской культуры	67
2.4. Отражение кода культуры в поговорках	121
Выводы по главе 2	137
ГЛАВА 3. ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОД КАК КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ	

РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОФОНОВ	139
3.1. Место единиц природно-ландшафтного кода в системе уровней владения русским языком как иностранным	139
3.2. Методические основы работы с единицами природно-ландшафтного кода в иностранной аудитории	147
3.3. Система заданий и упражнений для обучения инофонов природно-ландшафтному коду русской культуры	155
3.4. Результаты опытного обучения	190
Выводы по главе 3	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	206
ПРИЛОЖЕНИЯ	236

Введение

В современной гуманитарной науке активно разрабатываются вопросы взаимоотношения и взаимодействия языка и культуры. С точки зрения лингводидактики особый интерес представляет круг проблем, связанных с национально-культурной обусловленностью языкового сознания, поскольку эта проблематика имеет прямое отношение к методологическим основам преподавания иностранных языков, и в частности русского языка как иностранного (РКИ).

Одним из перспективных направлений исследования взаимосвязи языка и культуры, заявившим о себе в последние десятилетия, но еще не нашедшим достаточного отражения в отечественной теории и практике преподавания РКИ, является изучение кодов культуры. Настоящая работа посвящена изучению и описанию в целях преподавания инофонам одного из этих кодов – природно-ландшафтного кода русской культуры, являющегося неотъемлемой частью русской языковой картины мира. С овладением единицами кодов культуры напрямую связаны вопросы формирования и развития коммуникативной компетенции инофонов, что обуславливает **актуальность** данной работы.

Объект настоящего исследования – код культуры как вторичная семиотическая система, ее отношения с системой естественного языка, особенности структуры и функционирования. При этом языковой знак мы рассматриваем как основное средство экспликации культурных смыслов, как означающее для концептов культуры или отдельных их концептообразующих признаков [Телия 2006].

Предмет исследования – единицы природно-ландшафтного кода русской культуры как элемент содержания обучения РКИ на разных уровнях владения языком. Поскольку под кодом культуры понимается некая тематическая совокупность имен, которые, помимо общеязыковых, несут добавочные культурные значения и, следовательно, относятся одновременно к двум семиотическим системам, постольку природно-ландшафтный код определяем как совокупность

имен, относящихся к тематическому полю «природа» и обладающих дополнительными культурными значениями. Денотативно близкие в разных языках слова – наименования элементов ландшафта, характеризующих среду обитания того или иного этноса, могут существенно отличаться в этих дополнительных значениях.

Цель исследования – выявление принадлежащих природно-ландшафтному коду русской культуры имен (лексем) и тех сложных языковых единиц (фразеологизмов), в которых эти лексем наиболее ярко проявляют свое культурное значение, и последующее лингвокультурологическое и лингводидактическое описание этих единиц с целью преподавания инофонам.

Указанная цель обусловила необходимость постановки и решения следующих исследовательских **задач**:

1) проанализировать научную литературу, имеющую отношение к теме диссертации, и обобщить данные лингвистических, лингвокультурологических, этнопсихолингвистических исследований, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры и описанию русской языковой картины мира;

2) сформировать корпус языковых единиц (лексем и фразеологизмов), в которых находит отражение природно-ландшафтный код русской культуры;

3) сформировать корпус текстов, иллюстрирующих функционирование данных единиц в современном узусе;

4) на основе анализа языкового материала, представленного в контексте, выявить особые культурные значения отобранных единиц, являющиеся характерными для русского языкового сознания;

5) определить подходы к лексикографированию единиц природно-ландшафтного кода и на их основе представить словарное описание данных единиц;

6) проверить полученные результаты на материале малых паремических текстов;

7) на основе анализа лексических минимумов для разных уровней владения русским языком как иностранным предложить поуровневое распределение описываемых единиц;

8) на основе анализа научно-методической литературы разработать и описать методику обучения инофонов единицам природно-ландшафтного кода русской культуры, включая контроль их усвоения, с учетом семантики, языковой формы, особенностей сочетаемости и функционирования этих единиц;

9) сформировать корпус учебных текстов, содержащих единицы природно-ландшафтного кода культуры и обеспечивающих развитие у инофонов рецептивных и продуктивных речевых навыков и умений;

10) провести апробацию результатов исследования в ходе практических занятий в группах студентов, магистрантов, аспирантов и стажеров, проходящих обучение в Институте русского языка и культуры (ранее – Центре международного образования) МГУ имени М.В. Ломоносова, в том числе на краткосрочных курсах.

Теоретическую базу исследования составили научные работы по лингводидактике и методике преподавания, лингвистике, лингвокультурологии и этнопсихолингвистике.

Материалом исследования стали:

- статьи из толковых и фразеологических словарей, словарей-справочников, энциклопедий;
- сформированный нами для дальнейшего анализа корпус языковых единиц, куда вошли 8 лексем, 32 фразеологизма и более 300 паремий;
- аутентичные тексты, содержащие исследуемые единицы: тексты печатных и устных средств массовой коммуникации, художественной и научно-популярной литературы, образцы интернет-коммуникации носителей языка (всего более 10000 текстов).

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые осуществляется попытка комплексного лингвокультурологического и лингводи-

дактического анализа и описания природно-ландшафтного кода русской культуры. Несмотря на внимание отдельных ученых (Н.И. Толстой, В.Н. Телия, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова и др.) к проблемам исследования кодов культуры, природно-ландшафтный код ранее специально не анализировался. Как следствие, не рассматривались и лингводидактические особенности представления данного кода в иноязычной аудитории.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в следующем:

- на основе анализа языкового материала раскрыто содержание теоретического понятия «природно-ландшафтный код культуры», определено его место в иерархизированной совокупности кодов культуры;

- получили лексикографическое описание структурно-семантические компоненты природно-ландшафтного кода русской культуры, выявлены особенности их функционирования;

- разработанные принципы лингводидактического описания единиц природно-ландшафтного кода культуры и методики обучения им инофонов могут быть использованы при исследовании других кодов культуры в целях преподавания русского языка как иностранного и неродного.

Практическая значимость данной работы обусловлена следующими факторами:

- полученные результаты в настоящее время используются в практике преподавания РКИ в Институте русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова и кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ, а также могут быть востребованы при создании учебных пособий для изучающих русский язык иностранцев начиная с Базового уровня общего владения РКИ и, кроме того, для учащихся национальных школ и полиэтнических классов;

- представленные в исследовании лексикографические материалы могут быть использованы при составлении фразеологических словарей и пособий справочного характера;

- содержащиеся в работе рекомендации могут найти применение при разработке нового поколения лексических минимумов для всех уровней владения русским языком как иностранным (начиная с Элементарного и заканчивая Третьим сертификационным уровнем).

Положения, выносимые на защиту.

1. Природно-ландшафтный код является неотъемлемой составляющей национального культурного пространства, анализ семантики и функционирования его единиц дает возможность выявить характерные черты определенного фрагмента национальной (русской) языковой картины мира.

2. Код культуры – вербализованное образование, выступающее по отношению к естественному языку в качестве вторичной семиотической системы, что определяет специфику бытования соотносящихся с ним языковых единиц (лексем и фразеологизмов) в национальном языковом сознании и дискурсе языковой личности.

3. Единицы кода культуры (лексемы) как знаки второго уровня обладают специфическим значением, которое не идентично общезыковому. Это особый тип коннотативного значения, которое целесообразно называть мифологическим.

4. Наиболее ярко особое (мифологическое) значение единиц кода культуры реализуется во фразеологизмах, что обусловлено тропеической природой их внутренней формы, и поговорках.

5. «Классическая» лексикография не ориентирована на фиксацию мифологического значения, которое несут единицы кодов культуры, что делает актуальным словарное описание этих единиц, а также его учет в лингводидактической практике.

6. Знакомство инофонов с единицами природно-ландшафтного кода русской культуры можно начинать уже на Базовом уровне общего владения РКИ. Целенаправленный и последовательный ввод этого материала в практику преподавания русского языка как иностранного способствует формированию и развитию языковой, страноведческой, социокультурной и предметной составляющих коммуникативной компетенции учащихся.

7. Система упражнений и заданий, разработанная в ходе диссертационного исследования, может быть применима для обучения инофонов на различных уровнях владения РКИ. Она предусматривает переход от овладения языковыми средствами к формированию речевых навыков и развитию речевых умений, от рецептивных видов речевой деятельности к продуктивным.

8. Предлагаемая автором диссертации модель обучения единицам кодов культуры способствует развитию речевых навыков и умений учащихся, повышает их готовность к межкультурной коммуникации и способствует ее успешности.

Апробация. Основные положения диссертации нашли отражение в 8 научных публикациях автора, напечатанных в периодических изданиях (в том числе рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК) и сборниках научно-методических статей. Теоретические положения диссертации излагались и обсуждались на XII Конгрессе МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве» (Шанхай, 2011 г.), XI Международном симпозиуме МАПРЯЛ «Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание» (Велико Тырново, 2014 г.) и следующих конференциях, совещаниях и семинарах с международным участием: Международная научно-практическая конференция, посвященная Дню славянской письменности и культуры «Славянское культурное пространство» (Москва, МГУ, 2012 г.), региональная научно-практическая конференция «Пространство языка – пространство культуры» (Москва, МАРХИ, 2013 г.), Всероссийское совещание славистов, посвященное 1150-летию славянской письменности и 110-

летию первого Съезда русских славистов (Москва, МГУ, 2013 г.), XV Международный научно-практический семинар «Русское культурное пространство» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014 г.), – а также на Ломоносовских чтениях в МГУ имени М.В. Ломоносова (2014 г.).

Созданная в ходе диссертационного исследования модель обучения инофонов единицам природно-ландшафтного кода прошла апробацию в Институте русского языка и культуры (Центре международного образования) МГУ имени М.В. Ломоносова в процессе работы с различными контингентами обучаемых: в группах студентов отделения предвузовской подготовки, будущих магистрантов и аспирантов, стажеров, в том числе на краткосрочных курсах, а также в группах иностранных стажеров гуманитарных факультетов МГУ. Предложенные автором диссертации дидактические материалы включены в программу основного курса практического русского языка кафедрой русского языка Института русского языка и культуры МГУ и в программы курсов русского языка для стажеров кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета МГУ в качестве дополнительного материала, способствующего формированию и развитию у обучаемых навыков и умений во всех видах речевой деятельности и повышению их коммуникативной компетенции, а также легли в основу программы специального тематического семинара.

Диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка использованной литературы, включающего 312 наименования.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, указываются цели и задачи работы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описывается материал исследования,

формулируются положения, выносимые на защиту, и дается информация об апробации результатов исследования.

В **Первой главе** («Теоретические основы исследования: коды культуры и семантика их единиц») дается краткий обзор исследований, посвященных вопросам взаимосвязи и взаимообусловленности языка и культуры и определению такого феномена, как языковая картина мира; рассматриваются проблемы выделения и классификации кодов культуры и особое значение принадлежащих им единиц, а также их роль в межкультурной коммуникации.

Во **Второй главе** («Анализ природно-ландшафтного кода русской культуры») определяется место изучаемого кода в системе кодов культуры, на основе сопоставления данных разных языков и культур исследуется его национальная специфика, рассматриваются принципы лингвокультурологического анализа и дается словарное описание соотносящихся с ним русских фразеологических единиц, а также представлены результаты исследования малых паремических текстов, в которых нашел отражение природно-ландшафтный код русской культуры.

В **Третьей главе** («Природно-ландшафтный код как компонент содержания обучения русскому языку инофонов») предлагается схема распределения единиц природно-ландшафтного кода в системе уровней общего владения РКИ, описываются методические основы и способы представления данного языкового материала иностранным учащимся, разработана система упражнений и заданий для обучения и контроля за усвоением этого материала.

В **Заключении** представлены основные результаты, полученные в ходе выполнения диссертационной работы, сформулированы главные выводы и намечены перспективы дальнейших исследований в данной области.

Глава 1.

Теоретические основы исследования: коды культуры и их роль в межкультурной коммуникации

1.1. Взаимосвязь языка и культуры

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению имеющей методологическую значимость для нашего исследования проблемы взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры, считаем целесообразным вкратце остановиться на вопросе определения самих этих феноменов.

«Человек живет в контексте культуры, – пишет Н.Д. Арутюнова. – Она является для него “второй реальностью”. Он создал ее, и она является для него объектом познания» [Арутюнова 1991: 3]. Результатом и одновременно инструментом любого научного познания служит дефиниция познаваемого объекта. В книге «Культурология» П.С. Гуревич приводит следующие статистические данные: «Современные американские культурологи Альфред Крёбер и Клайд Клакхон в их совместном исследовании, посвященном определениям культуры, отмечают огромный и всевозрастающий интерес к этому понятию. По их подсчетам, с 1871 по 1919 г. было дано семь определений культуры. Первое, как они считают, принадлежит английскому этнографу Эдуарду Тайлору (1832–1917)¹. С 1920 по 1950 г. у различных авторов они насчитали 157 определений данного понятия. В отечественной литературе сопоставление различных определений культуры позволило насчитать их более 400. Сейчас число определений измеряется уже четырехзначными цифрами» [Гуревич 2003: 27], – и можно с уверенностью предположить, что количество

---

¹ «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [Тайлор 1989: 18].

дефиниций культуры продолжит расти. Наличие такого множества трактовок ученый объясняет «прежде всего тем, что культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия», она многогранна и многоаспектна в такой же мере, в какой «неисчерпаем и разнолик человек», и приходит к следующему выводу: «Нас не должно смущать множество определений. Каждый исследователь обращает внимание на одну из ее сторон. Кроме того, и подходы к культуре могут быть различными у разных исследователей» [там же: 28].

С этой позиции для нас особо ценным оказывается то понимание культуры, при котором во главу угла ставится ее коммуникативная и символическая природа. Так, Э. Бенвенист указывал: «Этот человеческий феномен – культура – целиком символичен» [Бенвенист 1974: 30], а Ю.М. Лотман писал: «Культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются <...> культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу» [Лотман 1994: 6]. Для наших целей также чрезвычайно важно определение культуры как «негенетической памяти коллектива» [там же: 8], в котором находят отражение такие функции культуры, как накопление, хранение и трансляция различного рода социально значимой информации. Именно это имел в виду Ю.В. Рождественский, когда писал: «Культура благодаря обращенности из настоящего в прошлое есть историческая память» [Рождественский 1996: 15]. Чтобы эти функции могли выполняться, информация должна быть соответствующим образом обработана, то есть подвергнута определенной кодировке, символизации. Таким образом, культура – ««это мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222].

Термин «язык», если иметь в виду естественный человеческий язык в противоположность искусственно созданным человеком языкам, имеет «по крайней мере два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, так называемый

этнический, или “идиоэтнический”, язык – некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве. Язык в первом значении – это абстрактное представление о едином человеческом языке, средоточии универсальных свойств всех конкретных языков. Конкретные языки – это многочисленные реализации свойств языка вообще» [Языкознание 1998: 604]. В нашем исследовании мы ориентируемся именно на второе из сформулированных А.Е. Кибриком, автором соответствующей статьи в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание», значений рассматриваемого понятия. Любой этнический язык является полифункциональной системой, и среди его функций «важнейшими можно считать те, которые связаны с основными операциями над информацией (знаниями человека о действительности) – созданием, хранением и передачей информации» [там же].

Таким образом, язык, как и культура, семиотичен по своей природе. Среди их главных функций – кумулятивная, эпистемическая и коммуникативная. И культура, и естественный язык всегда выступают в конкретных этнических формах (при наличии, разумеется, и у того, и у другого феномена неких универсальных, инвариантных общечеловеческих черт). Рассмотрим вопрос, в каких же отношениях находятся между собой язык и культура.

Взаимосвязь языка и культуры – проблема, до сих пор остающаяся дискуссионной в науке. Систематизируя различные точки зрения на взаимоотношение этих двух феноменов, Д. Х. Хаймс выделял четыре основных подхода:

- «1) язык первичен (источник, причина, фактор, независимая переменная величина и т.д.);
- 2) остальная часть культуры первична;
- 3) ни язык, ни остальная часть культуры не первичны, они рассматриваются как взаимно определяющие;

4) ни язык, ни остальная часть культуры не первичны, и то и другое определяется фактором, лежащим в их основе (таким, как “взгляд на мир”, *Volksgeist*, национальный характер и т. п.)» [Хаймс 1975: 238].

В свою очередь К. Леви-Строс полагал, что язык можно рассматривать как:

1) продукт культуры («употребляемый в обществе язык отражает общую культуру народа»);

2) часть культуры («он представляет собой один из ее элементов»),

3) условие культуры («именно с помощью языка индивид обретает культуру своей группы») [Леви-Строс 1985: 65].

Но с какой точки зрения ни рассматривать взаимоотношение языка и культуры, нельзя не видеть, что связь между ними носит двусторонний характер. Теснейшее их взаимодействие нашло отражение в известном постулате А.Н. Уайтхеда: «Человеческая цивилизация есть продукт языка, а язык есть продукт развивающейся цивилизации» [Уайтхед 1990: 366] (оставляем за скобками вопрос о различии понятий «культура» и «цивилизация», для наших целей несущественный).

«Национальный язык – это не только средство общения, знаковая система для передачи сообщений, национальный язык в потенции – как бы “заместитель” русской культуры» [Лихачев 1997: 284] – это утверждение академика Д.С. Лихачева можно по праву отнести к любому языку и культуре. Язык является, продолжает развивать свою мысль Д.С. Лихачев, «неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности <...> сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» [Лихачев 1997: 287].

Показательно, что, говоря о смене объекта современной методики как науки, когда «вместо процесса обучения иностранным языкам им стал и должен стать процесс иноязычного образования» [Пассов 2008: 27], содержанием которого является «иноязычная культура как духовная субстанция» [там же:

37], а в познавательном аспекте знания о культуре народа включают знания о языке как «части» культуры, как ее неотъемлемом компоненте [там же: 35, 37], Е.И. Пассов пишет о том, что русскоязычное образование должно вести в «мир русского Слова» [там же: 55].

Определяя культуру как «весьма сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей: традиций, религии, законов, политики, этики, искусства – всего того, чем человек, где бы он ни родился, пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности», Э. Бенвенист писал: «Что это, как не мир символов, объединенных в специфическую структуру, которую язык выявляет во внешних формах и передает?» [Бенвенист 1974: 31]. Однако тесная связь языка и культуры в семиотическом пространстве не означает тождественности этих понятий. «Культура и язык – это семиотически разнородные топосы, – замечает В.Н. Телия. – Естественный язык – это объемлющее весь мир, в том числе и мир культуры, средство коммуникации, и в этом качестве он отображает предметный и не предметный универсум в знаковых формах, означающими для которых служит звуковая / графическая материя. Культура означивается ее субъектами в материальных “телах” естественных реалий <...>, артефактов <...>, ментофактов <...> (большинство из которых <...> облекается в языковые знаки как означающие для концептов культуры и тем самым придает им семиотическое бытие)» [Телия, 2001: 409].

Итак, язык и культуру можно рассматривать как две системы, находящиеся в весьма сложных взаимоотношениях и во многом взаимоопределяющие друг друга. Для целей нашего исследования чрезвычайно важным оказывается обоснованный В.Н. Телия подход к анализу и интерпретации языковых и культурных феноменов, суть которого кратко можно определить как изоморфизм культуры и языка (см. [Телия 1996: 224–228]). Именно «изоморфизм языка и культуры позволяет анализировать язык через культуру и культуру через язык,

а также видеть в совокупности фактов, принадлежащих одновременно языку и культуре, объект и предмет такого анализа» [Красных 2003: 258].

«Культуру можно определить как то, *что* данное общество делает и думает. Язык же есть то, *как* думают», – писал Э. Сепир [Сепир 1993: 193]. О том же говорит Ю.С. Степанов, определяя язык «не как еще один объект в ряду объектов культуры», а как форму «всякой культуры» [Степанов 2001: 903]. Из этого тезиса логически следует вывод о том, что проникнуть в образ мышления и мировидение той или иной нации, постичь особенности менталитета носителей определенной национальной культуры и языка² можно, только «познав план содержания этого языка, а глубинное знакомство с семантикой чужого языка, в свою очередь, предполагает <...> овладение языковой картиной мира (ЯКМ) именно этого национального языка как системой его видения мира» [Корнилов 2003: 78].

1.2. Языковая картина мира: подходы к определению понятия

Отметим, что на данный феномен также не имеется общепринятого научного взгляда. Во-первых, исследователи расходятся во мнениях насчет того, что включается в языковую картину мира – весь строй языка или только его лексико-семантическая система. Против первого подхода возражал Э. Сепир: «Тенденция рассматривать языковые категории как непосредственное выражение внешних культурных черт, ставшая модной среди некоторых социологов и антропологов, не подтверждается фактами. Не существует никакой общей корреляции между культурным типом и языковой структурой <...> Как свидетельствуют факты, очень редко удается установить, каким образом та или иная

---

² В интересующем нас аспекте очень точным представляется афористически емкое определение Е.И. Пассова: «менталитет – это национальный аспект мировоззрения человека как субъекта культуры» [Пассов 2001: 238].

культурная черта оказала влияние на базовую структуру языка <...> Другое дело, если мы перейдем от общих форм к элементам содержания языка, лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры. Языки очень неоднородны по характеру своей лексики. Различия, которые кажутся нам неизбежными, могут полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние в свою очередь могут проводить различия, непонятные для нас» [Сепир 1993: 242–243].

Конкретный пример реализации противоположного подхода находим у А. Вежбицкой: «Данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль <...>. Агентивный подход <...> означает акцентированное внимание к действию и к акту воли (“я делаю”, “я хочу”). При пациентивной ориентации <...> акцент делается на “бессилии” и пациентивности (<...> “разные вещи случаются со мной” <...>). <...> Одни языки в той или иной степени им пренебрегают, принимая агентивный тип предложений как модель всех или большинства предложений, относящихся к людям. В других языках есть два основных типа предложений о людях – номинативный тип, опирающийся на агентивную модель, и дативный, в соответствии с которым люди представлены как лица, не контролируемые события» [Вежбицкая 1996: 55–56]. Как считает А. Вежбицкая, русский язык тяготеет к пациентивным безличным синтаксическим конструкциям с логическим субъектом в форме дательного падежа, в чем проявляется «склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [Вежбицкая 1996: 34].

В этом вопросе нам близка сформулированная О.А. Корниловым «компромиссная» позиция, суть которой заключается в следующем. Синтаксис – это

все же в первую очередь способ функционирования лексических средств, которые и несут функцию фиксации национального видения мира, само наличие в языковой картине мира таких лексических единиц, как *хочется, думается, кажется, пришлось, жалко, весело, страшно* и под. имплицитно содержит информацию об их функционировании в пациентивных безличных конструкциях с логическим субъектом, выраженным формой дательного падежа. Вероятно, стоит говорить о том, что все разделы языка: синтаксис, морфология и даже фонетика³ – могут давать информацию о национальном менталитете и мировидении, «поставлять» материал для наблюдений, но если признать, что между языковой картиной мира и всем строем языка нужно поставить знак равенства, то первая «как самостоятельная категория потеряла бы смысл, ее функции полностью совпали бы с функциями языка», тогда как у языковой картины мира одна функция – «фиксировать в национальном языковом сознании национальный способ видения мира и передавать его от поколения к поколению» (см. [Корнилов 2003: 106–107]).

Во-вторых, в научной литературе «под “картиной мира” понимаются два разных аспекта рассмотрения семантики (или лексики, что в данном случае одно и то же): либо общая, интегральная ее картина, совокупность всего языкового содержания, относительно постоянная и медленно эволюционирующая во времени, либо специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков» [Караулов 1976: 245]. Однако «специфические черты семантики данного языка, дифференцирующие его от всех других языков» не могут лечь в основу целостной модели мира, они будут отрывочны и фрагментарны. К тому же оценить то или иное явление как специфическое можно только в общем контексте, на фоне всего семантического пространства

---

3 См., например, главу «Язык как голос национальной природы» в [Гачев 2007: 184–207]; ср. утверждение Г.В. Колосницыной о том, что «национальное своеобразие русского музыкально-речевого ритма открывает перед нами возможность “вхождения” через ритм в русскую культуру» [Колосницына 1998], а также созданный на основе этой предпосылки учебный курс по русскому языку как иностранному «Ритмы России», позиционируемый автором как «культурологический комплекс».

отдельного языка и в сопоставлении с другими (в идеальной ситуации – всеми!) языками. Кроме того, отказ от включения в языковую картину мира того или иного «неспецифического» элемента может иметь субъективистскую основу («языковое чутье» исследователя) и повлечь за собой нарушение множества связей, в которые та или иная единица входит по отношению к другим единицам, другим составляющим единого семантического пространства. Гораздо корректнее считать каждую конкретную языковую модель мира уникальной, не похожей на остальные⁴.

В-третьих, среди лингвистов нет единства в вопросе о том, нужна ли вообще такая отдельная категория, как языковая картина мира; выразителем подобного радикального подхода является, в частности, Г.В. Колшанский, утверждающий, что «языковые формы не образуют своего “особого царства”, а все содержание и богатство мышления воплощается в материи языка, и понятийным миром человека остается отражение единого объективного мира, укладывающегося в единую познавательную систему, в целом адекватно передаваемую любым конкретным языком, являющимся по своим существенным характеристикам единым для всего человеческого рода» [Колшанский 1980: 118].

---

4 См. в связи с этим методические рекомендации О.А. Корнилова: «В сущности, речь должна идти об *остранении* исследователя, т. е. о таком рассмотрении языкового материала, которое бы осуществлялось *ни с какой* “точки зрения”, как бы из ниоткуда. При анализе ЯКМ иностранного языка нужно абстрагироваться от “точки зрения” родного языка как естественной и задающей всю систему координат. При анализе ЯКМ родного языка остранение должно означать умение взглянуть на родной язык со стороны и рассматривать привычную “языковую организацию мира” не как нечто само собой разумеющееся и естественное, а как *одну из возможных* “точек зрения”, один из возможных способов видения мира. Кстати, последнее качество необходимо всем преподавателям родного языка как иностранного: чтобы прогнозировать трудности понимания отдельных фрагментов языковой системы, преподаватель должен видеть преподаваемый материал глазами студентов, т. е. из их языковой системы координат, через призму их языковой организации мира. В противном случае он не только не сможет предугадать трудности в обучении, но, даже столкнувшись с ними, не будет понимать их причин» [Корнилов 2003: 94–95]. В целом разделяя позицию ученого, отметим, однако, что есть некое противоречие между утверждением о необходимости полностью *остраненного* подхода к языковому материалу и требованием к преподавателям родного языка как иностранного (в частности, РКИ) одновременно смотреть на этот материал “глазами студентов”, – в последнем случае практически исключается возможность обучения полиэтнических групп даже под руководством преподавателя-полиглота.

Однако человек и воспринимаемый им мир «связаны не только “прямо”, но одновременно и “непрямо”, через посредника, состоящего из артефактов, – культуры» [Коул 1997: 142]; основной единицей опосредования при этом естественно становится слово, поскольку именно «язык является средством связи между другими знаковыми системами» [Рождественский 1990: 64].

Таким образом, языковую картину мира можно рассматривать как некую «базу данных», исследование которых дает знания об особенностях национального мировосприятия; основной фонд этой базы – лексическая (точнее, лексико-фразеологическая) система языка. «Семантически организованный лексический состав языка представляет собой не только (и не столько) словарь данного языка, но и словарное воплощение модели мира, существующее в коллективном языковом сознании данного народа» [Корнилов 2003: 96].

Понятие языковой картины мира должно быть уточнено в двух основополагающих моментах. Во-первых, она представляет собой результат отражения мира обыденным (наивным) сознанием и в этом отношении противопоставлена научной картине мира (которая является инвариантом научного знания человечества на определенном историческом этапе, продуктом коллективного научного сознания); в языковой картине мира зафиксированы не только знания о нем, но и ощущения, оценки, фантазии и мечты, с ним связанные, различного рода вымыслы; к ней, в отличие от научной картины мира, не может предъявляться требование быть объективной (или хотя бы стремиться к объективности). Во-вторых, она обязательно будет носить национальный характер, поскольку объективно существующие реальности, поддающиеся анализу, – это именно системы любого национального языка, где фиксируется уникальное мировосприятие конкретного языкового сообщества. Безотносительно к какому-либо национальному языку языковой картины мира нет и быть не может. «Не существует *всеобщего* наивного (обыденного) знания о мире, которое бы с небольшими различиями фиксировалось во всех языках. Существует единая логико-

понятийная база, но это совершенно другая категория, категория внеязыковая» [Корнилов 2003: 113].

В национальной языковой картине мира отражен коллективный опыт всего данного языкового сообщества, а каждый отдельный член этого сообщества может «присвоить» лишь часть такого опыта. «Язык обладает огромной, бесконечно превосходящей возможности индивида массой <...>, он соизмерим не с отдельным человеком, а с человеком “софийным”, коего атрибутом он является. В связи с этим процесс овладения языком с необходимостью превращается в процесс поглощения человека, его растворения в языке. Язык, осуществляя свое предназначение служить средой, сцепляющей индивидов во времени (т. е. сейчас живущих с предками и потомками) и пространстве (т. е. здесь живущих с живущими в других точках этнического пространства), заполняет сознание человека, структурирует его этнически особенным образом, подключает его к национальным родникам духовности» [Морковкин, Морковкина 1997: 51]. В сущности, об этом же, но с несколько иных позиций рассуждает М. Коул: «Человеческая деятельность порождает столь сложное и изменчивое разделение труда и опыта в пределах одной культуры, что не приходится ожидать, что какие-либо два члена некоей культурной группы присвоили одни и те же части “целого”, каким бы оно ни было» [Коул 1997: 148].

Следовательно, можно говорить об индивидуальных вариантах языковой картины мира, которые гораздо более «лабильны»: по мере роста и развития человека, освоения им окружающего мира происходит усложнение его индивидуальной языковой картины этого мира (вплоть до сознательной ее корректировки – при помощи, например, словарей). «В семантике слов откладывается множество признаков, которые регистрируют *все добытое этносом знание* о соответствующих объектах. Передача этого знания каждому новому члену этноса производится в ходе <...> научения формирующейся языковой личности правильному пониманию и употреблению единиц и категорий родного языка» [Морковкин, Морковкина 1997: 48–49].

Термин «языковая личность» уже почти три десятилетия является одним из наиболее употребительных в русистике, как и апелляция к его пониманию Ю.Н. Карауловым, который указывает, что языковая личность предстает как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), а с другой – по уровням языка» [Караулов 1987: 29], и предлагает трехуровневую структуру языковой личности: 1) вербально-семантический уровень, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивный; его единицами являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую его иерархию ценностей; когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматический, который включает цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире⁵ (см. [Караулов 1987: 5]).

---

5 В.В. Красных выделяет в структуре «Человека говорящего» языковую, коммуникативную и речевую личности: «“Человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; языковая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических); коммуникативная личность — конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации» [Красных 1997: 54–55]. Особый интерес в свете нашего исследования представляет предложенное Л.П. Клобуковой рассмотрение языковой личности с позиций лингводидактики как много-

Понятие языковой личности не привязывается исключительно к индивидуальному пользователю языком, а выходит на уровень национального языкового типа. Ю.Н. Караулов говорит о существовании «общерусского языкового типа» [Караулов 1987: 38], являющегося предпосылкой наличия инвариантной части в структуре каждой отдельной языковой личности. Эта инвариантная часть обеспечивает возможность взаимопонимания носителей разных диалектов, социальных и культурных кодов, а также понимание языковой личностью текстов, значительно отстоящих от нее во времени.

Таким образом, языковая картина мира манифестируется на идиолектах (ср.: «Язык есть код плюс его история, история эта у каждого во многом своя и не похожа на “историю” другого» [Лотман 1992: 13]). Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о том, что национальный язык является «обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 71]; с этой позиции языковую картину мира данного этноса можно квалифицировать как обобщение языковых картин всех его членов, живших на протяжении всей истории его существования. Иными словами, это означает, что, с одной стороны, национальная языковая картина мира «редуцируется» до отдельной, индивидуальной картины мира конкретного носителя языка, с другой стороны – именно в этих «индивидуальных опытах» исторически вырабатывался и продолжает вырабатываться коллективный опыт народа.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что «значение элементов естественного языка не может быть сведено к отношению между языком и миром <...> Значение антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой

слоистой и многокомпонентной парадигмы речевых личностей, «которые дифференцируются, с одной стороны, с учетом различных уровней языка, с другой стороны – с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение. Данные параметры, с учетом которых описывается портрет языковой личности, взаимодействуя в самых различных комбинациях, обуславливают существование как бесконечного числа конкретных языковых личностей, так и сложную комбинаторику различных речевых личностей в рамках единой языковой личности» [Клобукова 1997б: 70], см. также [Клобукова 1997а].

природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать “мир как он есть”: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык – свою» [Падучева 1996: 5–6]. Любой язык «не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек» [Маслова 2001: 3].

Е. Бартминьский также указывал: «Описание мира языковых значений не есть описание мира действительного. Это лишь описание языковой интерпретации объективного мира или даже воображаемых (интенциональных) миров, создаваемых говорящим. Коротко говоря, это описание мира “ментальных предметов”. <...> Значения как ментальные предметы (находящиеся в отношении интерпретации либо “проекции” к предметам действительности) суть составляющие языкового образа мира, закрепленного в культуре» [Бартминьский 2005: 26]. Это «закрепление» обеспечивается национально детерминированными кодами культуры, которые «занимают центральное положение в национальном культурном пространстве, являются структурообразующими элементами последнего» [Гудков 2004: 39].

1.3. Коды культуры. Проблема классификации

Понятие «код» (франц. *code*, от лат. *codex* – свод законов, система условных знаков (символов) для передачи, обработки и хранения (запоминания) различной информации [БСЭ]) востребовано во многих науках, в том числе и гуманитарных. Код культуры, согласно «Большому толковому словарю по культурологии», – это «совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности человека» [Кононенко 2003: 190–191]. Иначе говоря, это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов,

воплотивших их в себе в процессе освоения человеком окружающей действительности.

На основе подробного анализа обряда и ритуала Н.И. Толстой выделил три кода культуры и рассмотрел вопрос об их соотношении: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется в одном тексте несколькими языками. В этом случае <...> под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность. Считая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нем три формы, три кода или три стороны языка – вербальную (словесную – слова), реальную (предметную – предметы, вещи) и акциональную (действенную – действия). В обряде, ритуале и некоторых других культурных действиях и манифестациях единицы этих трех языков (кодов), а в общем “слова” единого семиотического языка часто выступают как синонимы, потому они нередко взаимозаменяемы, а часть их может редуцироваться» [Толстой 1995: 23].

Выводы ученого о существовании в обряде и ритуале этих трех кодов – вербального, реального и акционального – можно экстраполировать на все поле культуры. При этом надо отметить, что единицы реального и акционального кодов могут получать именование (вербализоваться) и таким образом становиться составляющими вербального кода; но даже если адекватная вербализация затруднительна или даже – представим крайний случай – недостижима (см. примеры того и другого рода в [Гудков, Ковшова 2007: 30–31]), язык всегда предоставляет возможность описания и истолкования единиц других кодов, подобно тому как сама лексема толкуется в словарной статье. Следовательно, можно считать обеспечиваемый языковыми средствами вербальный код базовым, основным кодом культуры. Естественный язык, который «представляет собой семиотическую систему и в этом смысле однотипен любой кодированной знаковой системе» [Лотман 1994: 68], является наиболее универсальной из них.

В первую очередь в знаках языка находит «тела» для своих знаков язык культуры. «Благодаря осмыслению в концептосфере культуры языковые знаки обретают функцию означающих для ее концептов и тем самым проникают в культуру как знаки ее “языка”. При этом знаковые средства естественного языка – слова, фразеологизмы разных типов, высказывания и целые тексты обретают роль знаков “языка” культуры в единстве своей формы и содержания» [Телия 2006: 777]. В дальнейшем мы будем вести речь о кодах культуры именно в рамках вербального – базового – кода.

Коды вырабатываются внутри той или иной национальной культуры и играют двойную роль. С одной стороны, они несут «объяснительную» нагрузку: «Код культуры понимается как “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют”» [Красных 2002: 232]. Однако одновременно коды культуры не упрощают, как можно было бы подумать, а наоборот, «усложняют мир, навязывая нам подобие разнородных объектов, заставляя воспринимать мир как магическую книгу, которую предстоит расшифровать, давая в то же время подсказки (коды) для подобной дешифровки. Ведь, скажем, дом оказывается не просто жилищем, но и моделью мира, царство растений оказывается именно царством, содержит особые символы, связывает земной, небесный и подземный миры, отражая их в себе» [Гудков, Ковшова 2007: 19], ср.: «У разных народов символика дерева служила средством описания мира. Дерево изоморфно Мировой оси. У древних славян корни дерева – новь, т. е. подземный мир, ствол – явь, т. е. земля, крона – правь, т. е. небо. <...> Лиственное дерево, ежегодно меняющее листву, является символом обновления жизни. Вечнозеленое дерево – знак бессмертия. Деревья, посаженные на кладбищах, символизируют победу жизни над смертью» [Символы... 2005: 136].

В.Н. Телия определяет коды культуры как те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), «которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия 2005: 38]; коды культуры «представляют собой многообразный реестр “строительного материала” для тропа» [там же: 40]. Проиллюстрируем это определение, апеллируя теперь к «животному царству», которое видится тождественным человеческому обществу, а в тех или иных качествах животных воплощаются характерологические качества человека. «У русских медведь является знаком силы. Медведь был тотемным зверем многих славянских племен. Русских сравнивают с медведями в их нерасторопности и незлобивости, с одной стороны, и умении постоять за себя – с другой» [Символы... 2005: 200]; добавим, что прежде всего сравнивают себя с медведем по этим параметрам сами русские. «Китайцы относятся к медведю по-другому. В представлении китайцев медведь в основном является зверем сильным, но неуклюжим и глупым <...> Китайцы называют медведем большого глупца» [Чжао Чжицян 2011: 85]. Еще разительнее отличается от русского взгляда на медведя представление вьетнамцев об этом звере: для них он «жаден, дерзок и нагл» [Сорокин 2003: 140]. Испанцы же могут назвать медведем нелюдимого человека, бирюка, а фразеологизм *hacer el oso* («изобразить медведя») имеет два неожиданных для русского языкового сознания значения: 1) паясничать, кривляться, быть посмешищем, 2) приставать с ухаживаниями [Корнилов 2003: 238]. Зоонимы разных языков вообще дают очень богатый материал для сопоставления «закодированных» в разных культурах представлений.

Коды, вырабатываемые внутри той или иной национальной культуры, становятся ее структурообразующими компонентами, следовательно, сама культура предстает как совокупность различных кодов, а «действительность,

моделируемая культурными кодами, оказывается архетипическим текстом, требующим прочтения и задающим универсальные метафоры» [Гудков, Ковшова 2007: 19]. В.В. Красных выделяет шесть базовых кодов, в которых «фиксированы наивные представления о мироздании» (таких кодов, по ее справедливому утверждению, «по определению не может быть много»): соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [Красных 2002: 233], отмечая далее: «Между кодами культуры нет и не может быть жестких границ. С точки зрения филогенеза и процесса окультурации человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный, пространственный “наложился” на временной, в значительной степени его обусловив. <...> Предметный код, в который входят и такие понятия, как, например, *дом, род, семья*, непосредственно связан с социальными отношениями. Причем связь эта представляет собой двунаправленную зависимость: предметный код “проникает” в социальные отношения, во многом их предопределяя, с одной стороны, и отражая – с другой, а социальные отношения пронизывают многие базовые понятия предметного кода. Таким образом, предметный код в некоторой степени предопределяет и код духовный, первичен по отношению к нему» [Красных 2002: 234]; на духовный код, который «изначально аксиологичен» и «пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру», «фактически “работают” все коды» [Красных 2002: 256].

Коды культуры не только «наслаиваются» друг на друга, они также поддаются дальнейшему членению и в свою очередь предстают как совокупности других, самых разнообразных кодов с собственными семантическими полями. Так, внутри биоморфного кода могут рассматриваться как относительно автономные зооморфный и растительный коды, а внутри, например, последнего можно выделить дендрарный и флористический коды. В.Н. Телия и участвовавшим под ее руководством в составлении «Большого фразеологического сло-

варя русского языка» авторским коллективом были выделены пятнадцать кодов культуры – с оговоркой, что список их не является закрытым. «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФСРЯ 2006: 13]. Приведем данную классификацию полностью вместе с примерами – фразеологизмами, в которых указаны соотносимые с каждым конкретным кодом слова-компоненты:

1) антропный, или собственно человеческий, код, т. е. совокупность номинаций (названий) человека в целом – в его физической, реляционной или функциональной ипостасях, обозначающих различные аспекты человека и специфичные для них качественные (в том числе – «размер», «цвет» / «масть», «форма», «консистенция») и количественные (в том числе – размер, вес) характеристики, физические и / или ментальные интеллектуальные, эмоциональные и т. п. состояния или действия, позы, жесты и виды деятельности, а также пространственные и временные их «измерения», которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры, например: *впитывать с молоком матери, как миленький, детей не крестить, валять дурака, спать и во сне видеть;*

2) зооморфный код, т. е. совокупность имен животных и других живых существ, обозначающих их как целое или их части и специфичные для них качественные (в том числе – «размер», «цвет» / «масть», «форма», «консистенция») и количественные (в том числе – размер, вес) характеристики, физические и / или психоэмоциональные и т. п. состояния или действия, позы, а также пространственные и временные их «измерения», которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры, например: *черная кошка пробежала, как баран на новые ворота, брать под крыло;*

3) растительный код, т. е. совокупность имен растений или их частей, например: *дерево стоеросовое, хоть трава не расти, дать дуба, уши вянут;*

4) природный код, т. е. совокупность имен и / или их сочетаний, обозначающих природные объекты или их части, элементы ландшафта, в том числе – освоенные человеком, в их отдельном бытии или диспозиции – взаиморасположении, например: *камень на душе, звезд с неба не хватает, ветер в голове, с луны / с неба свалиться, пойти в огонь и в воду;*

5) артефактно-вещный код, например: *до лампочки, от фонаря, принимать за чистую монету, в штыхы;*

6) вещно-костюмный код, например: *снимать шляпу, спустя рукава, под каблуком;*

7) «гастрономический» код, например: *каша в голове, под соусом, котелок варит, на десерт;*

8) архитектурный код, например: *ни кола ни двора, крыша едет, ума палата;*

9) духовно и / или религиозно-антропоморфный код, т. е. совокупность нравственных установок, или прескрипций; демонологические сущности мифологического, религиозного характера и их атрибуты, например: *с грехом пополам, мешать божий дар с яичницей, по душе, черт его знает;*

10) религиозно-артефактивный код, т. е. предметы религиозного обихода, приписываемые им свойства и действия, например: *детей не крестить, дышать на ладан, положить на алтарь, под венец пойти, курить фимиам;*

11) временной код, т. е. совокупность имен, обозначающих членение времени на отрезки, периоды, например: *от зари до зари, час от часу не легче, впасть в детство;*

12) пространственный код, т. е. совокупность имен, обозначающих членение пространства и с отношением человека к пространственным параметрам, например: *к черту на кулички, уйти в мир иной, на дворе, без задней мысли;*

13) количественный (числовой) код, например: *как дважды два, раз плюнуть, стричь под одну гребенку, одна извилина, да и та пунктиром, не все дома;*

14) цветовой код, например: *в черном цвете, розовое детство, голубая мечта;*

15) телесный (соматический) код, т. е. совокупность имен и / или их сочетаний, обозначающих тело в целом или его части и специфичные для них качественные (в том числе – «размер», «цвет» / «масть», «форма», «консистенция») и количественные (в том числе – размер, вес) характеристики, физические и / или ментальные интеллектуальные, эмоциональные и т. п. состояния или действия, позы, жесты и виды деятельности, а также пространственные и временные их «измерения», которые несут в дополнение к природным их свойствам функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры, например: *не покладая рук, на глазах, держать в голове, пропускать мимо ушей, по сердцу, до мозга костей* (см. [Гудков, Ковшова 2007: 96–99]).

Таким образом, в научной литературе не существует единой, исчерпывающей классификации, разными исследователями могут выделяться и рассматриваться (и по-разному именоваться) различные наборы кодов культуры. Так, например, Лян Сяонань выделяет в своем исследовании следующие одиннадцать кодов: «космогонический, растительный, зооморфный, природно-ландшафтный, антропный, предметный / вещный, архитектурный, соматический, пищевой, аксиональный, духовный», – при этом сам список, опять же, остается открытым [Лян Сяонань 2008: 52]. И это закономерно, поскольку код культуры, формируя «определенный фрагмент картины мира», связан «с наделенными культурным смыслом феноменами, относящимися к одному типу и / или к одной сфере бытия» [Красных 2011: 15]. Поэтому можно констатировать наличие не жестко упорядоченной системы со строго прикрепленными к определенным «ячейкам» единицами, а сложной, разветвленной совокупности

зачастую пересекающихся, порой накладывающихся друг на друга кодов культуры.

Исходя из вышесказанного, мы полагаем оправданным внутри природного кода (по классификации в [БФСРЯ 2006]; согласно более обобщенной классификации В.В. Красных – пространственного) выделение отражающего и одновременно формирующего более «узкий» «фрагмент картины мира» природно-ландшафтного кода. При отборе для анализа обеспечивающих его функционирование языковых единиц мы будем ориентироваться прежде всего на вторую часть данного составного определения, что позволит, с одной стороны, описать данный код как достаточно целостный феномен, а с другой – проследить его взаимодействие как с иными «подвидами» природного, так и с другими кодами культуры. Эти проблемы будут рассмотрены далее в главе 2, здесь же мы считаем необходимым более подробно остановиться на вопросе о том, на каких уровнях языка и какие единицы избирают для своей экспликации коды культуры, в частности – природно-ландшафтный код.

Рассматривая такой феномен, как национальная языковая картина мира, мы приняли мнение тех ученых, которые считают, что в первую очередь она находит свое отражение в лексико-семантической системе языка (см. параграф 1.2. настоящей работы), «слово как отдельная языковая единица вмещает в себе и в себя знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию» [Верещагин, Костомаров 1980: 192]. Поэтому, говоря о хранении языком культурной информации, основное внимание следует уделять слову, а среди слов – именам. Это закономерно, так как именам принадлежит центральная роль в накоплении и передаче культурной информации. Как писал А.Ф. Лосев, «в слове и, в особенности, в имени – все наше культурное богатство, накопленное в течение веков» [Лосев 1927: 28]. Однако не вызывает сомнений, что не все имена несут одинаковую культурную «нагрузку». Классифицируя их с этой точки зрения, Д.Б. Гудков пишет, что «среди самих имен можно выделить такие, которые относятся к ядру языковых средств хранения и

трансляции культурной информации, играя ведущую роль в формировании национального и, следовательно, языкового сознания, определяя шкалу ценностей и модели поведения членов ЛКС (лингво-культурного сообщества). К числу таких имен мы относим прецедентные имена (ПИ), абстрактные имена, указывающие на ключевые концепты национальной культуры, двусторонние имена, а также некоторые имена, денотаты которых выступают как эталоны времени, пространства, меры, а сами имена отражают соматический, зооморфный и др. коды культуры» [Гудков 2003: 142].

В этом отношении показательны выводы, к которым приходит Т.В. Цивьян, выстраивая балканскую языковую модель мира «по принципу языка, например, с выделением грамматики и словаря». Исследователь пишет, что «пространственно-временное поле, представленное, в частности, в виде словаря, т. е. списка соответствующих лексем, обладает высокой степенью автономности и образует наиболее специфическую картину семантической парадигматики текста. <...> “Пространственно-временной” словарь имеет следующий состав: элементы ландшафта (поле природы), определяющие горизонтальное и вертикальное членение мира – *небо, земля, вода, гора, пещера, река, море, озеро, поле, лес, дорога, перекресток* и т. д.; элементы пространства, связанные с человеком (поле культуры), места поселения, виды построек – *страна, город, деревня, площадь, улица, дом, храм* <...> Самая яркая черта словаря – номенклатурность и абстрактность: входящие в него лексем почти теряют собственное значение и приобретают значимость и новые валентности в пределах иной системы, связанной непосредственно с ММ. *Дом* – не столько описание жилища, сколько центр своего мира, замкнутое, защищающее пространство, обеспечивающее при этом выход вовне и контакты с внешним миром. *Колодец* – не водный резервуар (для фольклорного героя не существует проблемы погружения в воду, прохода через воду), а граница *своего* и *чужого* мира, вход в иное (нижнее, подземное) царство» [Цивьян 2009: 9–10].

Иначе говоря, интересующие нас языковые единицы являются носителями особых значений, и эти значения детерминированы тем кодом культуры, к которому данные единицы принадлежат. Но одновременно они являются и единицами естественного языка и потому оказываются принадлежащими сразу двум семиотическим системам – системе естественного языка как слова этого языка и системе кода культуры, в которой они наделяются особыми значениями, связанными с общезыковыми, но в то же время существенно отличающимися от них.

Р. Барт, утверждая, что «в человеческом обществе на базе первичной системы, образуемой естественным языком, постоянно возникают системы вторичных смыслов» [Барт 1975: 11], указывал на специфические знаки, включенные сразу в две «семиологические системы»: «Знак (т. е. результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе» [Барт 1989: 78]. Если считать естественный язык первой семиотической («семиологической») системой, то тот или иной код культуры по отношению к ней предстает второй семиотической системой, а имена, ему принадлежащие, помимо общезыкового оказываются наделены еще и особым значением, которое при этом является не ситуативно обусловленным, а закрепленным за соответствующей языковой единицей, и, следовательно, сам код можно рассматривать как совокупность таких взаимосвязанных значений, образующих особый тезаурус (полагаем, что именно это имела в виду Т.В. Цивьян, говоря об «абстрактности» и «номенклатурности» «пространственно-временного словаря» модели мира).

В традиционных толковых словарях эти значения обычно не описываются, что делает особо актуальными подобные исследования и введение таких описаний в лексикографическую практику, в том числе имея в виду лингводидактические цели⁶. Однако сначала следует остановиться на вопросе о том, что

---

⁶ В качестве немногочисленных примеров можно указать следующие издания: «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1» [Русское культур-

же представляет собой тот тип значения, о котором мы говорим в связи с кодами культуры.

1.4. Особое значение единиц кода культуры

Рассматривая особенности соотношения «означающее – означаемое» в рамках того или иного кода культуры, можно заметить, что по этому параметру языковые единицы могут быть условно разделены на две группы: в одних языковых единицах «культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты культуры духовной и социальной)», в других – «культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения» [Телия 1996: 235] (ниже мы специально остановимся на рассмотрении понятия «коннотация»). Иначе говоря, в одном случае сам объект, на который указывает слово, наделяется символической функцией, в другом эту функцию выполняет само слово, а не та реалья, на которую оно указывает, – показательной иллюстрацией для первого случая является «кровь», наделенная сакрально-магической функцией, что находит отражение в значении имени *кровь*, для второго – «нос», который как таковой не связан с символикой «пограничного столба» между внутренним пространством человека и внешним, однако таким значением наделено имя *нос* (см. анализ различий между данными именами в их связи с означаемым в [Гудков, Ковшова 2007: 55–56]).

Структура семантического поля, образуемого значениями знаков второго уровня, к которым, как говорилось выше, относятся единицы кодов культуры,

---

ное... 2004]; Большой фразеологический словарь русского языка под ред. В.Н. Телия [БФСРЯ 2006]; представленные во второй части посвященного соматическому коду исследования Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой «Материалы к словарю» [Гудков, Ковшова 2007: 143–276], а также диссертационную работу О.В. Макаровой «Лингвометодические основы исследования архитектурно-домоупорядительного кода русской лингвокультуры в целях преподавания русского языка как иностранного» [Макарова 2010].

изоморфна структуре семантических полей естественного языка, где эти же слова выступают как знаки первого уровня. То есть и на втором уровне, как и в естественном языке, можно выделять полисемичные и моносемичные имена. Можно наблюдать и отношения синонимии и антонимии между единицами кода культуры: в определенных позициях они могут выступать как прагматические эквиваленты или же, наоборот, противопоставляться друг другу (сошлемся еще раз на примеры, приводимые в [Гудков, Ковшова 2007: 57–58]: *кровь* как полисемичное имя и *бок* как моносемичное, выступающее синонимом имени *плечо* как «указатель» на максимальную близость между людьми).

«Культурно-национальные символы, воплощенные в языковое “тело”, – это всегда словозначение, выполняющее функцию символа: языковая единица награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не являющийся ее собственным значением», – утверждает В.Н. Телия [Телия 1996: 243–244]. Однако представляется более корректным все же говорить об «устойчиво ассоциируемых» значениях, а не «смыслах», что убедительно следует из проведенного И.М. Кобозевой анализа этих «двух ипостасей содержания»: «<...> мы наблюдаем отчетливую тенденцию к противопоставлению ‘значения’ как закрепленного за данной единицей языка относительно стабильного во времени и инвариантного содержания, знание которого входит в знание данного языка, ‘смыслу’ как связанной со словом информации, изменчивой во времени, варьирующей в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка. <...> значение знака – это его содержание для всех членов данного языкового сообщества на все время действия договоренности» [Кобозева 2007: 12–13] (ср. также у А.Р. Лурия: «Под значением мы понимаем объективно сложившуюся в процессе истории систему связей, которые стоят за словом <...> Под смыслом, в отличие от значения, мы понимаем индивидуальное значение слова, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и данной ситуации. Поэтому если “значение” слова являет-

ся объективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации» [Лурия 1979: 53]).

Кроме того, в связи с вышесказанным необходимо уточнить такое понятие, как «коннотация».

Ю.Д. Апресян под коннотациями лексемы понимает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности; они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Апресян 1995: 159]. Таким образом, коннотации, не будучи противопоставлены понятийному содержанию слова, не относятся к его лексическому значению. Г.Н. Складаревская, наоборот, объединяет под этим термином практически все элементы значения лексемы, не относящиеся к ее понятийному содержанию, считая, что лексическое значение – это «бесконечно сложная, избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных, как будто бы априорных представлений и всех “добавочных смыслов”, называемых коннотациями» [Складаревская 1995: 64].

В.Н. Телия, автор соответствующей статьи в Большом энциклопедическом словаре «Языкознание», пишет, что коннотация – это «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска лексической единицы узувального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера» и отмечает далее, что «в структуре коннотации ассоциативно-образный компонент выступает как основание оценочной квалификации» [Языкознание 1998: 236]. Согласно этому определению, коннотация сближается с оценкой и, кроме того, может носить окказиональный характер. Однако нельзя не согласиться с И.М. Кобозевой, которая, разделяя коннотации и эмоционально-оценочные прагматические элементы значения слова, отмечает также, что «коннотации от-

личаются от прочих видов прагматической информации тем, что они включают в себя отсылку не к индивидуальному пользователю знака – говорящему, а к языковому коллективу. Так что говорящий, используя лексему, имеющую определенные коннотации, не выражает этим своей личной оценки обозначаемого объекта» [Кобозева 2007: 92]. Для нас важнее, что «в широком смысле» В.Н. Телия определяет коннотацию как «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке» [Языкознание 1998: 236]. Но, «дополняя предметно-понятийное содержание», в каком отношении к нему оказывается коннотация?

Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова рассматривают коннотацию языковой единицы как «набор дифференциальных признаков слова, не относящихся к его сигнификации, то есть не препятствующих обозначению этим словом объекта, указанных признаков лишнего, но обуславливающих употребление этого имени в характеризующей функции, позволяющих ему выступать в позиции семантического предиката. <...> коннотативный элемент значения может оказываться экспрессивным и оценочным, но это вовсе не является обязательным» [Гудков, Ковшова 2007: 49]. Иными словами, при таком подходе коннотация – это закрепленные за языковой единицей «непонятийные дифференциальные признаки стоящего за ней представления (вернее, совокупности представлений)» [там же: 52].

Таким образом, опираясь на определение коннотации, данное Д.Б. Гудковым и М.Л. Ковшовой, будем считать интересующее нас значение единиц кодов культуры коннотативным, отличным от, условно говоря, денотативного («естественноязыкового») значения. Более того, очевидно, что это значение знаков второго уровня предстает как особый тип коннотативного значения. О.Г. Пестова предлагала описывать в словарях также «символическое зна-

чение» лексем, понимая под ним «тип конвенционально обусловленного значения, образовавшегося на основании механизмов метафоризации и метонимизации, в котором наименование конкретного предмета выступает в качестве означающего для абстрактного значения. <...> Оно не основывается на прямом значении слова и не выводится из него» [Пестова 1980: 92–93] (ср. также приведенное выше рассуждение В.Н. Телия о культурно-национальных символах). Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова предлагают называть это значение мифологическим, полагая, что в основе того или иного кода культуры лежит миф как способ обозначения и восприятия действительности. Характеризуя этот способ как «общее, простейшее, до-рефлексивное, интуитивное взаимоотношение человека с вещами», А.Ф. Лосев писал, что миф «вырывает вещи из их обычного течения, когда они то несоединимы, то непонятны, то не изучены <...> и погружает их, не лишая реальности и вещественности, в новую сферу, где выявляется вдруг их интимная связь, делается понятным место каждой из них и становится ясной их дальнейшая судьба» [Лосев 1991: 70–71]. Особенно ярко мифологическое значение единиц кодов культуры проявляется при анализе фразеологических единиц.

1.5. Фразеологические единицы как компоненты кода культуры

Фразеологизмы возникают в языке «на основе образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [Телия 1993: 302]. Именно тропеическая природа внутренней формы фразеологизма (иначе говоря – образность) обуславливает особую его роль как носителя культурной информации, делает его своеобразным проводником культуры. «Благодаря всегда образному основанию фразеологизмов, отображающему мировидение народа – носителя языка, запечатленному

во внутренней форме или в форме содержания “буквального” их значения, которое просвечивает через материальную (звуковую или графическую) оболочку фразеологизмов и служит для них обозначающим знаком, языковая память фразеологизмов не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению живое наследие культуры», – отмечает В.Н. Телия в предисловии к Большому фразеологическому словарю русского языка [БФСРЯ 2006: 6].

Мы разделяем точку зрения Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, ключевым звеном культурной интерпретации фразеологизмов считающих соотношение входящих в его состав слов-компонентов именно с кодами культуры: «Нам представляется, что субъект речи, настроившись на сложный языковой знак, описывающий мир не прямо, а иносказательно, не только воспринимает значение и оценку, составляющие денотат фразеологизма как языкового знака, не только видит происходящее в мире сквозь тропеическую призму фразеологизма и переживает увиденное. Субъект речи усматривает в словах-компонентах фразеологизма закодированный культурный смысл, который прочитывается субъектом речи в культуре, а именно в системе кодов» [Гудков, Ковшова 2007: 95–96]. Компоненты фразеологизма воспринимаются субъектом речи не только как языковые знаки с присущим им лексическим значением, но и как имена реальных, которые в процессе жизнедеятельности человека приобрели особый, культурный, смысл, и этот смысл «вычитывается», «раскодируется» и говорящим, и слушающим в процессе восприятия фразеологизма. «Слово-компонент фразеологизма становится своего рода культурным знаком, так как несет в себе сгущенный смысл какого-либо упорядочивающего повседневный ход действия, является именем культурной ситуации, именем ритуала, обряда и т. п.» [Гудков, Ковшова 2007: 100], а фразеологизм в целом передает стереотипное представление о каком-либо действии, состоянии, ситуации и проч. и выполняет функцию канона или эталона⁷.

---

⁷ Ввиду важности этих понятий для нашего дальнейшего исследования (см. параграф 2.3 настоящей работы) оговорим, что мы используем данные термины в том понимании, какое

Фразеологизмы, по мнению многих исследователей, наиболее наглядно отражают запечатленный в языке и одновременно детерминируемый им национальный образ мира. В этих языковых единицах «воплощается “опредмечивание” общих понятий, имена которых, выступая в несвободных сочетаниях, оказываются метафорически и метонимически связаны с конкретными лицами или вещами, подвергаются “материализации” в языке» [Гудков 2003: 193]. Именно открывающаяся в клишированных оборотах внерациональная сочетаемость имени позволяет выявить стоящие за этим именем языковые архетипы, воссоздать национальную языковую картину мира. «Почему ФЕ удерживаются в языке веками, хотя они представляют собой явные аномалии языка, его нерегулярности? Почему они вновь и вновь образуются в каждую эпоху? – задается вопросом В.А. Маслова. – <...> потому что ФЕ представляют собой сгусток культурной информации, позволяют сказать многое, экономя языковые средства и в то же время добираясь до глубины народного духа, культуры» [Маслова 2004: 74]. Согласно Ф.И. Буслаеву, фразеологические единицы являются своеобразными микромирами и содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев 1954: 37].

В лингвистике термин «фразеологизм» / «фразеологическая единица» (в качестве синонимичного употребляется также термин «фразеологический обо-

---

было разработано И.В. Захаренко, которая относит к числу канонов национальные социокультурные стереотипы («стереотипы речевого общения», по Ю.Е. Прохорову, см. [Прохоров 1996]), а эталоны в широком смысле определяет как «образцы, с которыми *сравниваются* реальные явления, предметы и т. п.» [Захаренко 1997: 108], с необходимыми, на наш взгляд, уточнениями, внесенными В.В. Красных: «*канон* – это норма, в соответствии с которой осуществляется деятельность, *эталон* – это “мера”, “мерило”, в соответствии с которой / с которым оцениваются те или иные феномены. Следовательно, *канон* позволяет действовать “самостоятельно”, хотя и в заданных границах; в рамках канона возможно “тиражирование”; по канону “строят”, создают. *Эталон* же можно только копировать, ему можно только подражать, поскольку сам эталон уникален. <...> *Канон* – это активно-деятельное начало, *эталон* – объективно-отстраненное» [Красных 2002: 108–109]; среди стереотипов же выделяются стереотипы поведения (выступающие в роли канона) и стереотипы-представления, в свою очередь подразделяющиеся на стереотипы-образы и стереотипы-ситуации и функционирующие как эталоны [там же: 179–180].

рот», особенно в дидактических целях, см., например, [Розенталь, Теленкова 1976: 515–516]) используется как «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Языкознание 1998: 559]. В отечественной науке существует давняя традиция изучения фразеологического состава языка. Непосредственное отношение к формированию фразеологии как раздела языкознания имели рассуждения И.И. Срезневского о лексической целостности некоторых категорий словосочетаний, учение Ф.Ф. Фортунатова о «слитных словах» и «слитных предложениях», которое продолжили и развили Д.Н. Ушаков и В.К. Поржезинский, учение А.А. Шахматова о неразложимых словосочетаниях, идеи Е.Д. Поливанова о соизмеримости фразеологических единиц по количественному признаку с единицами синтаксиса, а по значению – с отдельным словом, мысли Л.В. Щербы о разграничении изучения устойчивых словосочетаний в плане языка и в плане речи, суждения С.И. Абакумова о признаках устойчивых сочетаний слов, представления о фразеологии «в узком смысле» и в «широком смысле» С.И. Ожегова; особое влияние оказали труды В.В. Виноградова, в которых были сформулированы основные понятия фразеологии.

Согласно традиционной классификации, разработанной В.В. Виноградовым, в основе которой лежит степень спаянности слов-компонентов, мотивированности их значениями значения всего фразеологизма в целом, среди фразеологических единиц выделяются следующие:

1) фразеологические сращения – устойчивые, лексически неделимые (с абсолютной спаянностью частей) обороты, значение которых не выводится из значения составляющих их слов, не мотивировано ими; сюда же относятся такие обороты, которые содержат устаревшие слова, сохраняют архаические

грамматические формы и не оправданную современными правилами синтаксическую связь;

2) фразеологические единства – устойчивые, лексически неделимые обороты, значение которых в той или иной степени мотивировано значением их компонентов, но не выводится непосредственно из них; в большинстве случаев фразеологическому единству соответствует свободное словосочетание, которое, ассоциативно переосмысленное, и послужило основой метафоризации;

3) фразеологические сочетания – устойчивые сочетания, в состав которых входит как компонент со свободным (реализующимся в разных контекстах) значением, так и компонент с несвободным (фразеологически связанным) значением, при этом целостное значение фразеологизма вытекает из значений его компонентов, непосредственно мотивируется ими.

К этим трем разновидностям фразеологических единиц (идиомам) примыкают фразеологические выражения (паремии) – устойчивые в своем составе, но семантически членимые, разложимые на компоненты словосочетания и предложения, значение которых складывается из семантики составляющих их слов со свободными значениями; сюда относятся прежде всего пословицы и поговорки, разного рода изречения (цитаты), «крылатые слова», а также устойчивые сочетания, выполняющие номинативную функцию. Такие характеристики, как постоянство состава и воспроизводимость в речи в качестве готовых единиц, сближают фразеологизмы и фразеологические выражения. Последние Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров называют языковыми афоризмами, имеющими синтаксическую форму фразы, в то время как фразеологизмы имеют синтаксическую форму словосочетания [Верещагин, Костомаров 1983: 80]. Понимая под языковым афоризмом «фразу, которая всем известна и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти» [Верещагин, Костомаров 1983: 88], названные ученые представляют следующую классификацию этих единиц: 1) пословицы и поговорки – устные краткие изречения, восходящие к фольклору; 2) крылатые слова, т. е. вошедшие в нашу речь из литературного источника

краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц;
 3) призывы, девизы, лозунги и другие крылатые фразы, которые выражают определенные философские, социальные, политические воззрения;
 4) общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки [Верещагин, Костомаров 1983: 88–89].

В последнее десятилетие в лингвострановедении также широко используются введенные Н.Д. Бурвиковой и В.Г. Костомаровым термины «логоэпистема» и «экфорема». Под логоэпистемой понимается «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Костомаров, Бурвикова 2001: 39]. В процессе коммуникации логоэпистема «не создается заново, но возобновляется, а также может видоизменяться – в соответствии с изменениями этнокультурных ментальных конструкций – в пределах сохранения опознаваемости» [Бурвикова, Костомаров, Прохоров 2003: 58–59], такие преобразования логоэпистем при включении в контекст называются экфоремами. В работах, чьи авторы оперируют этими понятиями, исследуются «языковые единицы с национально-культурной оценкой, в которые входят пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые слова и прецедентные тексты» [Хан Санг Хюунг 1998: 7].

В отличие от «классической» позиции Г.Л. Пермякова, разделявшего объект исследований фразеологии и паремиологии (см. [Пермяков 1988: 81–82]), в настоящей работе мы будем опираться на широкое понимание фразеологии (В.Л. Архангельский, О.С. Ахманова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Н.М. Шанский и др.), видя общность фразеологизмов в традиционном понимании (по классификации В.В. Виноградова) и паремий в том, что они не создаются, а воспроизводятся в речи, имеют постоянный состав и используются при непрямой номинации, которая требует от адресата особых интерпретативных процедур. Поэтому мы будем привлекать для анализа не только фразеологические обороты, но и паремии, а именно представляющие ядро данной категории

пословицы и поговорки, за которыми «стоит многовековая история масс с большим стандартизированным опытом» [Бочина 2003: 46]. Как пишет Н.Н. Панченко, «в паремиях наряду с общечеловеческим выражается характерное и специфическое для данной лингвокультурной общности, т. е. то, что принято называть “душой народа”, национальным характером. Паремии есть культурный код, встроенный в язык, который выполняет роль сокровищницы и орудия передачи человеческого опыта» [Панченко 1998: 26]. Поэтому не случаен постоянный интерес к паремиям исследователей, анализирующих их в структурно-семантическом и в лингвокультурологическом аспектах, в том числе и с учебными целями (см., например, помимо цитированных выше, такие работы, как [Баранов 1989; Вольская 2009; Воркачев 1996; Гак 1999; Ломакина 2011; Мальцева 1991; Савенкова 2002; Селиверстова 2010; Фархутдинова 2000] и мн. др.).

Таким образом, анализ фразеологического и паремиологического фонда языка позволяет выявить особенности мировосприятия его носителей, обусловленные национальной культурой, реконструировать национальную языковую картину мира. «Пословицы, поговорки, фразеологические единицы являются своеобразными экспонентами культурного знания, где происходит взаимодействие языковой и культурной семантики» [Привалова 2001: 10]. С другой стороны, знание фразеологических единиц и выражений, воспроизводимых в речи в готовом виде, обеспечивает бóльшую адекватность как монокультурного, так и межкультурного общения.

Очевидно, что чем «темнее», «невыводимее» значение фразеологизма из значений составляющих его компонентов (а это в первую очередь касается фразеологических сращений), тем вероятнее коммуникативный сбой в случае, если целостное значение данного фразеологизма неизвестно адресату. И даже в случае «прозрачности» значений компонентов адекватное понимание его может оказаться иллюзорным. В этом смысле понятие коммуникативной неудачи оказывается тесно связанным с понятием ошибки, а точнее – коммуникативно зна-

чимой (в иной терминологии – фонологической) ошибки, имеющей место при порождении и / или восприятии речи. Сказанное обретает особую значимость при межкультурной коммуникации.

1.6. Роль кодов культуры в межкультурной коммуникации

Коды культуры, находящие отражение во фразеологизмах и поговорках, в принципе претендуют на универсальность – в том смысле, что могут существовать во всех культурах и, следовательно, языках. Однако при сохранении некоторых универсальных черт они отличаются национальным своеобразием (см. примеры в параграфах 1.3 и 2.2 настоящей работы).

«Отношения реальной действительности в совокупности с многообразием возможностей преломления связей ее в сознании говорящих создает особые, в большинстве случаев неповторимые условия для возникновения ФЕ в каждом языке у каждого народа» [Толикина 1964: 171]. Образная составляющая фразеологизмов обладает ярко выраженной национальной спецификой, которая, как отмечает В.Г. Гак, обусловлена двумя факторами – объективным и субъективным: первый заключается в «природных и культурных реальностях, свойственных жизни данного народа и не существующих в жизни другого», а второй – в «произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же реальности, представлены различно во фразеологии разных языков» [Гак 1999: 260]. Это несовпадение может провоцировать коммуникативные неудачи при межкультурной коммуникации – как при восприятии, так и при использовании фразеологических единиц в речи иностранцами.

Значение термина «межкультурная коммуникация» прозрачно – это «общение людей, представляющих разные культуры» [Тер-Минасова 2000: 14]. В рамках данной работы нас интересует только один аспект межкультурной коммуникации – вербальный (безотносительно к тому, в какой форме – устной или

письменной – она протекает), а именно – общение инофонов на русском языке с его носителями.

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «тесная связь и взаимозависимость преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации настолько очевидны, что вряд ли нуждаются в пространных разъяснениях. Каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [Тер-Минасова 2000: 25]. В современной научной и научно-методической литературе достаточно широкое распространение получило понятие аккультурации инофона. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров понимают под этим «усвоение человеком, выросшим в одной национальной культуре, существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры» [Верещагин, Костомаров 1983: 11]. Однако при таком подходе остается неясным, до какой степени должны быть «усвоены» нормы и ценности «другой национальной культуры», должны ли они трансформировать либо вообще вытеснить из сознания инофона ценностные установки его родной культуры? В.В. Воробьев, например, считает, что «межкультурное взаимодействие и общение возможно лишь при условии глубинной аккультурации – формирования второй языковой личности, что предполагает интериоризацию духовных ценностей и установок, характерных для чужой национальной психологии» [Воробьев 2006: 32].

Более корректной представляется позиция Ю.Е. Прохорова, который на основании четырех типов взаимовлияния культур: межкультурных интерференции, конвергенции, дивергенции и конгруэнции [Прохоров 1996: 106] – выделяет четыре типа межкультурных языковых контактов: 1) соприкосновение, характеризующееся несовпадением стереотипов общения, принятых в разных культурах, при контакте на одном языке общения; 2) приобщение, которое характеризуется определенным наличием знания стереотипов общения каждой из

сторон, но реально одна из сторон пользуется двумя типами, своим и чужим, а вторая исходит только из своего типа; 3) проникновение, т. е. такой тип межкультурного языкового контакта, который рассматривается как система определенного взаимного учета стереотипов общения, прежде всего той из сторон, которая использует новый язык общения; 4) взаимодействие, характеризующееся использованием любым участником общения стереотипов общения любой из двух культур; в частном случае изучения нового языка / новой культуры речь может идти о практически полном учете инофоном стереотипов общения новой для него культуры (см. [Прохоров 1996: 107–115]).

Нельзя не заметить, что знакомство с кодами культуры в определенной степени обеспечивает успешность последних трех выделенных типов межкультурной коммуникации.

Основной целью преподавания русского языка как иностранного в современной методике и лингводидактике постулируется формирование у учащихся коммуникативной компетенции (поскольку данное понятие чаще всего рассматривается в рамках концепции уровней владения языком и теории лингводидактического тестирования⁸, точнее было бы говорить о достижении того или иного уровня коммуникативной компетенции), что отвечает общему компетентностному подходу к современному образованию, когда под компетенцией в широком смысле понимается мера образовательного успеха личности, проявляющаяся в ее собственных действиях в определенных профессиональных и социально значимых ситуациях (см. [Байденко 2004]). Коммуникативная же компетенция, по определению Д.И. Изаренкова, – это «способность человека к общению в одном, нескольких или всех видах речевой деятельности, которая представляет собой приобретенное в процессе естественной коммуникации или специально организованного обучения особое качество речевой личности» [Изаренков 1990: 55]. В.В. Сафонова считает, что «иноязычная коммуникативная компетенция представляет собой определенный уровень владения языко-

---

⁸ Подробно этот вопрос будет рассмотрен в главе 3 настоящей работы.

выми, речевыми и социокультурными знаниями, навыками и умениями, позволяющими обучаемому коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать свое речевое поведение» [Сафонова 1996: 97].

Ученые и методисты единодушны во взгляде на коммуникативную компетенцию как на сложную, многомерную структуру, в состав которой входит ряд компонентов, однако мнения зачастую расходятся относительно определения самих этих компонентов – начиная от оснований для их выделения и заканчивая терминологическими вопросами (см., например, [Митрофанова, Костомаров 1990: 15; Капитонова, Московкин 2006: 65; Балыхина 2006б: 32–33]). Нам близка точка зрения Л.П. Клобуковой, которая, анализируя структуру коммуникативной компетенции сквозь призму реальной коммуникации, выделяет следующие ее составляющие (частные виды компетенций):

– языковая компетенция («способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения»);

– дискурсивная компетенция («способность соединять предложения в связное сообщение, дискурс, используя для этого различные синтаксические и лексические средства»);

– социолингвистическая компетенция («способность понимать и продуцировать речь, соответствующую данному социолингвистическому контексту акта коммуникации»);

– иллокутивная компетенция («способность в речевой форме реализовывать свои коммуникативные намерения: попросить что-либо, пригласить кого-либо куда-нибудь, проинформировать кого-либо о чем-нибудь в соответствии с ситуациями общения и т. д.»);

– стратегическая компетенция («способность эффективно участвовать в общении, выбирая правильную стратегию и тактики общения»);

– страноведческая компетенция («способность учитывать в иллокутивных актах общения особенности страны, истории народа, язык которого изучают и с представителем которого идет общение»);

– социокультурная компетенция («способность пользоваться теми элементами социокультурного контекста, которые релевантны для порождения и восприятия речи с точки зрения носителей языка: обычая, правила, нормы, социальные условности, ритуалы, социальные стереотипы и др.»);

– предметная компетенция («знания о предмете речи») (см. [Клобукова 2002]).

Эти «ключевые компетенции» в идеале представляют собой «глубокие сформированные качества языковой личности, ее способности наиболее универсально использовать и применять полученные знания, умения и навыки» [Степаненко 2008: 9]. Нам представляется, что в русле нашего исследования особо актуальными являются вопросы формирования языковой, страноведческой, социокультурной и предметной компетенций как частных видов (составляющих) коммуникативной компетенции. Для успешного решения этих вопросов необходимо знакомство инофона с теми представлениями и оценками, которые, будучи обусловлены кодами культуры, предстают как структурообразующие в русской языковой картине мира.

Выводы по главе 1

1. Язык и культура, две сложно организованные семиотические структуры, существующие в конкретном национально-этническом «воплощении», находятся в отношениях теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности.

2. В национальной языковой картине мира находят отражение особенности менталитета, мировидения и мироощущения нации, ее культурно-исторический опыт.

3. Понятие языковой картины мира включает в себя в первую очередь лексико-семантический состав языка. Можно предположить, что лексика и фразеология являются той основной «базой данных», где фиксируется национальный способ видения мира, и одновременно средством передачи его от поколения к поколению.

4. Языковая картина мира во многом обуславливается национально детерминированными кодами культуры. Код культуры определяется как некая совокупность символов (знаков) и их комбинаций, представленных в материальной и духовной деятельности человека. Среди кодов культуры можно выделить реальный (предметный, «вещный»), акциональный («действенный») и вербальный.

5. Единицы реального и акционального кодов могут получать именование, то есть вербализоваться, либо, в редких случаях затруднительности или даже невозможности непосредственной вербализации, могут быть описаны или истолкованы словесно. Это дает основания считать обеспечиваемый языковыми средствами вербальный код базовым кодом культуры.

6. Вербальный код, в свою очередь, может быть представлен как совокупность различных кодов – в зависимости от того, к какой сфере бытия относятся связанные с ним феномены, наделяемые культурным смыслом. Каждый код поясняет и одновременно формирует определенный фрагмент картины мира. Именно этим объясняется открытость разрабатываемой современной наукой классификации кодов культуры. Внутри их иерархизированной совокупности мы выделяем для дальнейшего анализа природно-ландшафтный код.

7. Единицы кодов культуры, как элементы вторичной, по отношению к языку, семиотической системы, наделены особым значением, которое мы, вслед за некоторыми исследователями, определяем как мифологическое. Это особый тип коннотативного значения, в котором аккумулярована культурно значимая информация.

8. Особенно богатый материал для анализа национальной языковой картины мира и структурирующих ее кодов культуры предоставляет фразеологический и паремиологический фонд языка.

9. Знакомство с кодами культуры необходимо для осуществления успешной межкультурной коммуникации – имеются в виду такие ее типы, как приобщение, проникновение, взаимодействие (по классификации Ю.Н. Прохорова). С овладением единицами кодов культуры оказываются напрямую связаны вопросы формирования коммуникативной компетенции инофонов.

Глава 2.

Анализ природно-ландшафтного кода русской культуры

2.1. Природно-ландшафтный код в системе кодов русской культуры

Проведенный нами анализ существующих взглядов на одно из базовых понятий современной лингвокультурологии – код культуры – показал, что на сегодняшний день такой важный аспект любой научной дисциплины, как классификационный, в отношении данной «совокупности ментефактов» [Красных 2011: 15] находится в стадии разработки. Попытаемся определить место избранного нами в качестве объекта исследования природно-ландшафтного кода в общей совокупности кодов культуры.

Такая часть внеположенного человеку пространства мира Действительное (по А. Вежбицкой), как природа, не является гомогенной прежде всего с точки зрения своей структурной организации. Можно выделить различные классы компонентов, формирующие отдельные страты этого пространства, а вместе – структурирующие его как целое. В процессе осмысления и освоения человеком природы принадлежащие определенным стратам единицы могут наделяться особой культурной семантикой, «закодированной» в мифологическом значении именующих их единиц языка, которые в отношении друг друга выстраиваются по аналогичной «пространственной» модели.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем целесообразным в целях системно-описательного анализа рассматривать выделенный в списке, предложенном авторами Большого фразеологического словаря русского языка (см. параграф 1.3 настоящей работы), природный код как структуру, состоящую из ряда компонентов, – это прежде всего стихийный и природно-ландшафтный коды.

«Ядром» стихийного кода можно считать единицы, выстраивающиеся в следующие системные оппозиции: «земля – небо / воздух», «земля – вода», «вода – огонь»; обусловленные этим кодом мифологические значения актуализуются, например, во фразеологизмах *звезд с неба не хватает, с луны / с неба свалиться, как сквозь землю провалился, пойти в огонь и в воду* и т. п. Стихийный код охватывает такие природные явления, как *ветер, дождь, снег, мороз* и пр. (*ветер в голове, мороз по коже, как прошлогодний снег, как молнией пронзило, как громом поразило* и т. д.).

В свою очередь, явная «неравнозначность», «разновеликость» относящихся к стихийному коду единиц дает основания для возможного выделения в нем относительно самостоятельного космогонического кода, к которому могут быть отнесены прежде всего «ядерные» элементы стихийного.

Природно-ландшафтный код, с нашей точки зрения, «отвечает» за несколько иной «фрагмент действительности», иной разряд природных объектов: как следует из самого его названия, это элементы, в общем виде формирующие характерный для определенной местности пейзаж, – «низ национального Космоса», по определению Г. Гачева [Гачев 2007: 35].

Природные условия, рельеф местности различаются в местах проживания носителей тех или иных культур. «Первое, очевидное⁹, что определяет лицо народа, это ПРИРОДА, среди которой он вырастает и совершает свою историю, – писал Г. Гачев. – Она – фактор постоянно действующий. Тело земли: лес (и какой), горы, пустыня, тундра, вечная мерзлота или джунгли» [Гачев 2008: 28]. «Вырастая» и «совершая свою историю» в определенных естественных условиях, «каждый народ видит Единое устройство Бытия (интернациональное) в особой проекции» [Гачев 2007: 9] и вырабатывает собственное к нему отношение, закрепляющееся в языке, и потому «каждый географический рельеф имеет свою собственную поэтическую характеристику, которая в полной сохранности дошла до наших дней» [Колесов 2000: 225].

⁹ В цитатах нами сохраняется авторское написание.

Совокупность природных объектов, характеризующих среду обитания того или иного этноса, выступает носителем природно-ландшафтного кода культуры. Этой средой и в этой среде задаются пространственные, временные, качественные, ценностные и другие ориентиры. Согласно В.В. Красных, «русское пространство строится в основном по горизонтали, и членение на “свой мир – чужой мир” располагается в первую очередь на горизонтальной оси» [Красных 2002: 238-239]. Это подтверждают и следующие наблюдения Г. Гачева: «Национальный образ пространства прекрасно выражает язык. Например, болгарское слово, соответствующее русскому “приблизительно” – “горе-долу” (буквально: “вверх-вниз”). Помимо того, что “близить” – горизонтально направленное движение, сама приставка “при” еще указывает на бок, подход к точке со стороны. <...> В определенной, замкнутой и плотной Болгарии движение уходит в рост <...> Его модель – вырастающий *стебель*. А модель русского движения – *дорога*. Это основной организующий образ русской литературы» [Гачев 2008: 218, 225].

Свой, родной, близкий мир в первую очередь связан с родной землей. За ним начинается чужой мир, в русском культурном сознании исторически связанный с миром мертвых, «границы между миром живых и миром мертвых: поле, лес, река, горы, т. е. то, что само по себе может иметь вертикаль (как лес или горы), но располагается на горизонтали» [Красных 2002: 238]. Представляется, что выделенные В.В. Красных «элементы ландшафта» являются «ядерными» в системе природно-ландшафтного кода русской культуры. Именно они в дальнейшем будут находиться в центре нашего внимания.

2.2. Национальная специфика единиц природно-ландшафтного кода

Слова – наименования «элементов ландшафта», денотативно близкие в разных языках, могут существенно отличаться в своих мифологических значе-

ниях. Рассмотрим с этой точки зрения интересующие нас единицы природно-ландшафтного кода.

«Для русских горы – это нечто чуждое, враждебное, опасное, место обиталища злых сил. Достаточно вспомнить Змея Горыныча, прилетающего с Сорочинских гор, или то, как изображено царство Кашея в известном кинофильме “Кашей Бессмертный”, весьма точно, на наш взгляд, воспроизводящем стереотипы национального сознания. Если лес (как, кстати, и его хозяин медведь) для русских амбивалентен и многозначен – он кормит, спасает, одаривает, но в то же время таит опасность, губит (достаточно вспомнить многочисленные вариации известного фольклорного сюжета, получившего воплощение, например, в кинофильме “Морозко”), то горы всегда выступают под знаком чуждости. Характерно, что восточнославянские языческие боги не живут в горах, в отличие от обитателей древнегреческого Олимпа» [Гудков 2007: 78]. Совсем иное, нежели у русских, представление о горах – и населяющих их богах – сложилось «у некоторых земледельческих народов в тех местностях, где урожай зависел от своевременного орошения полей горными паводками. <...> Земледельцы Фессалии, самой плодородной и богатой части Эллады, со страхом и надеждой поглядывали на внушительный горный массив Олимпа, нависающий над равниной с севера и постоянно покрытый снеговой шапкой: оттуда шли к крестьянам Фессалии грозные тучи, несущие благодатный дождь. Что же мудреного, если образ Зевса Олимпийского (вначале местного божка) рисовался им как громоносное и дожденосное божество?» [Токарев 1990: 605]. Ср. также «подаренное» античной культурой не только русскому языку (носители которого не имели на своей территории «огнедышащих гор» и потому не имели и отдельной лексики для их именованья), но и всем европейским языкам слово *вулкан* – ставшее нарицательным имя бога-кузнеца Вулкана, чья кузница располагалась в кратере самого крупного в Европе вулкана Этна на острове Сицилии.

У кочевых народов, ареал которых, тем не менее, «отграничен» горами, также наблюдается иное, чем у русских, отношение к ним. «Словно гигантский

экран, доступный обозрению из любой точки степи, горы отражают крупное, эпохально важное – великий подвиг, героику или катастрофические потрясения. Горы – установившийся образ национальной литературной традиции, – пишет А.Б. Жуминова и, анализируя поэтикон Олжаса Сулейменова, «поэта-казаха, пишущего на русском языке», констатирует: – Сложный путь прошел О. Сулейменов, прежде чем ему удалось найти в себе понимание древнего образа гор. Закрепленное в языке порой как механическая память представление о величии гор оживает в беспокойной тяге поэта к этим изломам, так контрастирующим с равнинной поверхностью степи» [Жуминова 2011: 123–124].

Горы не являются характерным элементом русского пейзажа, недаром первоначально слово *гора* имело значение ‘возвышенность, покрытая лесом’ (см. об этом, например, в «Этимологическом словаре русского языка» Г.А. Крылова [Крылов 2008]; ср. в связи с этим болгарское слово *гора* – типичный «ложный друг переводчика», поскольку русский его эквивалент – *лес*). Это не только пространственная (между *своим* и *чужим* миром), но и временная граница, *не за горами* означает, что ‘скоро, в ближайшем будущем наступит, произойдет и т. п. что-либо’¹⁰; отметим, что прямой эквивалент этого фразеологизма имеется, например, в польском (*nie za górami*), но отсутствует в болгарском («связанном» с иным ландшафтом, где горы – всегда близко) языке. Возможно, «недоверие» русских к горам проявляется, в частности, во фразеологизме *сулить / обещать золотые горы*, т. е. ‘сказочное богатство, благополучие и т. п.’, употребляемом иронично и по отношению к тому, кто их наобещал (заведомый лгун), и к тому, кто поверил в обещание. Если *гора с плеч <свалилась>* (в этом фразеологизме прослеживается и соматический код культуры), значит, ‘рассеялись тревоги, сомнения; наступило полное облегчение после избавления от забот, обязанностей, от чего-либо обременительного и т. п.’, напр.:

¹⁰ Здесь и далее в параграфе, если не оговаривается специально, значения фразеологических единиц приводятся по «Фразеологическому словарю русского языка» под ред. А.И. Молоткова [ФСРЯ 1978].

У меня будто гора с души свалилась. Теперь я видел, что дикари не мертвы – они спят глубоким сном. В роме был не яд, а снотворное (Б. Акунин, Сокол и Ласточка).

Те же «элементы ландшафта», которые наиболее характерны для ареала проживания данного народа и «окультуривание» которых во многом и составляло содержание его истории, а точнее говоря – ежедневного бытия, оказываются, как правило, амбивалентными. «Противопоставление *дом – лес*, являющееся более конкретной разновидностью противопоставления *свой – чужой*, может быть истолковано в двух планах. Во-первых, оно может пониматься пространственно (топографически), и в этом случае оно определяет структуру не только поселения в целом, но и каждого отдельного дома. Во-вторых, это противопоставление может быть истолковано в социально-экологическом плане как противопоставление освоенного человеком, ставшего его хозяйством, не освоенному им»¹¹ [Иванов, Топоров 1965: 168]. Своеобразным «промежуточном звеном» между домом (поселением) и лесом является поле, которое обычно «включается либо в лес, когда оно не возделано, либо в поселение, когда оно культивировано» [Иванов, Топоров 1965: 175], ср. русскую пословицу *Не поле кормит, а нива* – т. е. именно обработанная, возделанная земля.

Природно-ландшафтный код культуры ясно прочитывается в фольклорных произведениях. «На уровне сказок противопоставленность леса дому выступает особенно отчетливо в мотиве таинственного леса, куда попадает герой и где ему предстоят серьезные испытания (с исторической точки зрения соответствующие инициации, происходившей в лесу); лес является местом, где живут такие отрицательные сказочные персонажи, как Баба-Яга, Кощей, звери в звериной сказке <...>; ср. также Соловья-разбойника в былинах и сказках и т. д.» [Иванов, Топоров 1965: 174]; поле в былинах «играет часто ту же роль, что лес в сказках (ср. мотив отправления героя в чистое поле); в заговорах не-

¹¹ Ср. также: «Лес как природная среда противопоставляется культурному пространству. В духовных стихах “непроезжие” леса ассоциируются с язычеством, а их преодоление героем и их культурное упорядочивание – с установлением христианства (ср. “Стих о Егории Храбром”» [Славянские древности 2004: III, 97].

редко болезни ссылаются не только в лес, но и в поле (ср. приурочение полудниц, часто связанных с русалками, к полям, а русалок, как показано Д.К. Зелениным¹², к лесам, а не только к воде)» [Иванов, Топоров 1965: 175]. Добавим, что «поле деятельности» русалок изначально было еще шире: «Предание о горах, как обиталищах русалок, почти позабыто на широких равнинах Руси, потому что отсутствие горных возвышений лишило это древнемифическое представление необходимой для него обстановки и не позволило ему развиться в целый ряд поэтических сказаний, какие встречаем у других славян. Тем не менее в “Абевега русских суеверий”¹³ записано, что русалки живут не только в реках, но и в горах и любят бегать по их скатам» [Афанасьев 1983: 344].

То, что для носителя русского языка лес, в частности, – это, как говорилось выше, место, противоположное человеческому жилью и хозяйству, «чужое» пространство, противопоставленное «своему», находит, например, отражение во фразеологизме *темный лес*, который означает ‘нечто неясное, совершенно непонятное, запутанное’ («Закона темный лес» – так удачно названа посвященная рассмотрению российского Лесного кодекса статья обозревателя А. Дружникова, размещенная на сайте агентства Интерфакс 18.08.2010 г.). Испанское слово *el bosque*, которое указывается в словарях как эквивалент русского *лес*, не имеет такого символического значения, поэтому прямого аналога для русского фразеологизма в испанском языке нет. В соответствии с указаниями словарей, русское *как / словно в темном лесу* в переводе на испанский будет звучать как *como en un labirinto* (буквально – *как в лабиринте*), а *темный лес* – *un lugar oscuro* (буквально – *темное место*) (пример Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, см. [Гудков, Ковшова 2007: 41–42]), в болгарском же языке

¹² Имеется в виду труд Д.К. Зеленина «Очерки русской мифологии», ч. I (Пг., 1916), где специальные главы посвящены русалкам и русалочьим («русальским») обрядам; см. также [Зеленин 1995] – переиздание книги с предисловием Н.И. Толстого и комментариями Е.Е. Левкиевской.

¹³ А.Н. Афанасьев ссылается на вышедшее под этим названием в 1786 г. второе издание «Словаря русских суеверий» (1782) М. Чулкова.

наиболее близкими эквивалентами оказываются соответственно *като в мъгла* (буквально – *как в тумане*) и имеющий книжное происхождение фразеологизм *тъмна Индия*. Примечательно, что англо-американский фильм «The Woods», жанрово позиционированный как «мистика / ужасы», в российский прокат вышел под названием «Темный лес»; на отечественном кинорынке к тому времени уже присутствовал один «Темный лес» – американский «The Black Forest» (буквально – *черный лес*), действие которого происходит в 2090 году в «таинственном и неприступном уголке далекого космоса» (www.kinoteca.ru/dvd/230463/). Казалось бы, название последней киноленты адекватно было бы передано и при дословном переводе, тем более что данный концепт цвета имеет одинаковые коннотации в русском и английском языках: мрачный, безотрадный, тяжелый, зловещий (ср. словарные значения прилагательных *черный* и *black*, например, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [Ожегов 1986: 765] и «Англо-русском словаре» В.К. Мюллера [Мюллер 1970: 83]). Однако в обоих случаях предпочтение отдается фразеологической единице: образность, заложенная во внутреннюю форму фразеологизма, его тропеическая природа обуславливает и особую его роль как носителя культурной информации¹⁴.

И.Е. Забелин, известный историк девятнадцатого века, бытописатель Древней Руси, отмечал принципиальную разницу в характерах «лесного человека» и «коренного полянина». Осторожный хозяин, политик, умеющий и старающийся ладить со всеми и создающий государство как политический союз, – это человек, вышедший «из лесной жизни»; поле же породило удалого воина, безоглядно храброго и стремительного в схватке, вольного и не терпящего оков совместного житья, общества, государства [Колесов 2000: 224], только что он

¹⁴ Показательны в этом отношении данные массового ассоциативного эксперимента, приведенные в Словаре ассоциативных норм русского языка. Наиболее частотной реакцией на слово-стимул *темный* оказалось слово *лес* – 126 из 611 ответов. Параллельные данные из иноязычных – американских, немецких, французских, голландских и польских – ассоциативных словарей указывают в качестве самого частотного слова-реакции антоним *светлый*; у русских испытуемых он оказался на втором месте – 114 ответов (см. [САНРЯ 1977: 174]).

был здесь – и нет его: *ищи ветра в поле*. В книге А. Терца (А.Д. Синявского) «Прогулки с Пушкиным» тропеическая природа этого фразеологизма, обусловленная «паритетным» взаимодействием природно-ландшафтного и стихийного кодов как «подвидов» природного кода, позволяет использовать его как всем понятный образ, раскрывающий сущность истинного искусства, связанного для автора с именем Пушкина. Оно всегда свободно, незаконно: *Ландшафт меняется, дорога петляет. В широком смысле пушкинская дорога воплощает подвижность, неуловимость искусства, склонного к перемещениям и поэтому не придерживающегося твердых правил <...> ...говорят: искусство служит, ведет, отражает и просвещает. Оно всё это делает до первого столба, поворачивает и – Ищи ветра в поле*. Другой пример обыгрывания метафорического значения данного фразеологизма находим в стихотворении современного автора, которое отражает впечатления от аномально жаркого, отмеченного природными катаклизмами лета 2010 года: *Зной. Ураган. Пожары. Праздник стихии! Воля! / Ищите виноватых? Ветра ищите в поле* (Н. Скользнева).

Поле, как и *лес*, оказывается амбивалентным. С одной стороны – и в первую очередь, о чем свидетельствуют и вышеприведенные примеры, и тот порядок, в каком даются значения слова *поле* в словарных статьях (ср.: у В.И. Даля: ‘простор за городом, селеньем, безлесная, незастроенная, обширная равнина’, к этому значению также имеется следующий комментарий: «Встарь *полям* звали наши южные степи» [Даль: III, 257]; у С.И. Ожегова: 1. ‘безлесная равнина, пространство’ [Ожегов 1986: 477]; этимологически *поле* восходит к той же основе, что и *полюй*, т. е. ‘пустой’, ‘открытый, свободный’ [Фасмер 1987: III, 307; Крылов 2008]), – это *чистое поле*, место, где действует былинный герой и где в поединке с противником свершается его судьба, противопоставленное высоким и темным лесам и горам, закрывающим горизонт, недаром же ‘пространство, обозримое глазом’, а также ‘круг интересов, забот и т. п.’ – это *поле зрения*. С другой стороны, *поле* – житница, с ним связаны надежды на урожай, а следовательно, сытое, обеспеченное существование; *не обсевок в поле*

– ‘стоящий человек; такой, кем не пренебрегают’. «Как “свое”, культурное пространство поле входит в один ряд с домом / двором / садом / огородом, а как “чужое”, природное – синонимично и изофункционально лесу / горе / морю» [Славянские древности 2009: IV, 135].

«Одним из древнейших культурных архетипов, сохраняющих свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры, является представление о жизни человеческой как о переходе через поле (вариант: переправы через водную преграду)» [Бочина 2003: 47]. Это представление зафиксировано рядом синонимичных пословиц: *Век не поле, вдруг не перескочить; Век жить, не реку бресть; Век прожить – не поле перейти / не море переплыть.*

Море изначально – граница и собственно географическая, оно наиболее «чужое»: *Хорошо море – с берегу; Тихо море, поколе на берегу стоишь; Жди горя с моря, беды от воды* [Даль 1955: II, 346]. Воды вообще, особенно стоячие, выступают «вариантами леса как начала, противопоставленного дому»; болота (*Всякому черту вольно в своем болоте бродить*), омуты (*В тихом омуте черти водятся; Был бы омут, а черти будут*), пруды, озера, трясины относятся к числу «выморочных мест» [Иванов, Топоров 1965: 174]. В этой связи весьма интересны следующие наблюдения О.А. Корнилова: «В русском языке вода помимо своего основного значения имеет коннотативное значение бессодержательности, малоценности. Использованное по отношению к любому рода текстам данное слово означает “многословие при бедности содержания; пустые, бессодержательные фразы”, использованное применительно к жидкостям (не являющимся водой) означает низкую оценку обозначаемого (*не кровь в жилах, а водица; вода, а не вино* и т. п.). “Невысокого мнения” о воде и испанское языковое сознание, если допускает использование слова *agua* (вода) по отношению к <...> чему-либо, имеющему очень маленькое значение (важность, значимость) или вообще не имеющему значения <...>. Есть в испанском языке и другая коннотация у слова *agua*. Вода может интерпретироваться испанским языковым

сознанием как символ скрытой опасности, угрозы, таящейся за внешним спокойствием <...>. Наличием этой коннотации обуславливается и использование слова *agua* во фразеологизмах соответствующего содержания, например: *guarda me dios del agua mansa, y de la corriente me salvaré yo* (убереги меня, господа, от стоячей воды, а уж от бурной я сам себя спасу) <...>. Подобного соединения в коллективном сознании концепта воды и семы малозначимости, малоценности и уж тем более – скрытой опасности, вряд ли стоит ожидать от народов, исторически проживающих в местах с жарким климатом и явным дефицитом воды» [Корнилов 2003: 247]. Л.В. Щербой было отмечено аналогичное различие между русским словом *вода* и французским *eau*, называющим то же самое вещество: «Французское *eau* как будто вполне равно русской *воде*; однако образное употребление слова *вода* в смысле ‘нечто лишённое содержания’ совершенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее можно передать русским *отвар* (*eau de ris, eau d’orge*). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд» [Щерба 1958: 86]. Можно предположить, что здесь проявляются прежде всего различия, свойственные «гастрономическому» (пищевому) коду русской и французской культур.

Иное, чем у многих народов, отношение к *морю* у британцев. Анализируя «морские образы» в английской поэзии, В.Я. Задорнова и А.С. Матвеева пишут о том, что эти образы занимают в ней особое место «из-за специфического отношения британцев к морю», вызванного «особенностями островного мышления англичан, которые всегда рассматривали море как неотъемлемую часть жизни, естественную географическую среду и типичный элемент пейзажа Великобритании. Жители Британских островов могут наблюдать море в разное время дня и года; оно является источником существования рыбаков и вдохновения для поэтов. Вызывая у них массу различных ассоциаций, оно сравнивается с разными объектами и дает импульс для создания разнообразных поэтиче-

ских образов» [Задорнова, Матвеева 2007: 121]. М.М. Филиппова, рассматривая, как проявляется непосредственно в лексическом фонде английского языка то, что его носители – «это нация мореходов, жизнь которой всегда была связана с морем», свидетельствует о большом наличии в нем фразеологических и паремиологических единиц «с морской семантикой»; так, например, «русской фразеологической единице *свет клином не сошелся* соответствуют английские *there are other fish in the sea* (в море есть и другие рыбки); *there are other pebbles on the beach* (на пляже есть и другая галька)» [Филиппова 2008: 111–112]. Добавим к приводимым М.М. Филипповой примеры, где в обоих – русском и английском – языках проявляется природно-ландшафтный код культуры: *when the sea gives up its dead* (дословно *когда море вернет своих мертвых*) – *когда рак на горе свистнет*; выражение *there's as good fish in the sea as ever came out of it* («в море есть столько же хорошей рыбы, сколько когда-либо из него вышло») означает, что не следует опасаться недостатка чего-либо, что всего имеется предостаточно, и, согласно словарю, соответствует русскому *хоть пруд пруди* (см. [Мюллер 1985: 677]).

Меньше «подозрений» вызывают у русских проточные воды, более того – с ними может связываться ‘привольная, обеспеченная жизнь’: *молочные реки, кисельные берега* (как можно заметить, своими компонентами *молочные, кисельные* данный фразеологизм входит также в «гастрономический» код культуры). Г. Гачев, анализируя лирику Ф.И. Тютчева, писал о свойственном русскому сознанию «различении вод»: «...море, океан – воды нерусские = неразличенная, безразличная к жизни-смерти вода, небытие <...> Два полюса вод: океан и ключ. Море и река – между ними переходные. Ключ нам так прорисовывается – это водяное сердце, биение, источник струи сладкого трепета по жилам природы <...> Странно понимается ключ в России: не как замыкающий, а открывающий – порог бытия» [Гачев 1988: 211]. *Бить / кипеть ключом* означает ‘бурно протекать, проявляться’, и русское языковое сознание почти всегда оценивает этот процесс положительно, о чем свидетельствует сочетаемость данно-

го фразеологизма по преимуществу с такими словами, как *жизнь, энергия* (см. далее примеры в параграфе 2.3). Ключевой воде приписываются целебные свойства [Афанасьев 1983: 197]. Текучая вода также служит временным «измерителем»: *много (немало) воды утекло* – ‘(много, немало) прошло времени, произошло перемен’.

Лес, горы и море (океан) также участвуют и в формировании метрически-эталонной системы, передавая значение ‘большого количества, множества чего-либо’: *лес рук, гора бумаг, море дел, океан огней* (ср. также приводившееся выше *хоть пруд пруди*).

Говоря о национально-культурной специфике выделенных нами единиц природно-ландшафтного кода, мы не ставили своей целью провести последовательное сопоставление данных русского и каких-либо других – одного или нескольких – определенных языков. Безусловно, такие лингвокультурологические исследования весьма перспективны, и особенно – в лингводидактических целях, так как предоставляют ценный материал для национально-ориентированных учебных пособий¹⁵. В наши же задачи входило главным образом прояснить особенности именно «русского взгляда» на конкретные «природные объекты» – реалии, «которые человек уже наградил культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления образа фразеологизма» [БФСРЯ 2006: 13]; примеры из других языков / культур привлекались в первую очередь для того, чтобы подчеркнуть эту национально-культурную специфику как «различное видение одной и той же вещи», свойственное разным языкам [Гумбольдт 1985: 349]. Рассмотрим же те-

---

¹⁵ Приведем еще только один пример. В болгарском языке нет эквивалентов для фразеологизмов *обещать золотые горы* и *достать со дна моря*, он предоставляет только «толкования»: *да даваши напразни обещания* (дословно *давать напрасные обещания*) и *със зор / труд да намериши* (дословно *найти с большим трудом*), тогда как по-чешски можно *slibovat hory doľu* – *обещать горы (и) доли* (иначе говоря, весь мир; образ фразеологизма также обусловлен природно-ландшафтным кодом культуры и строится на основе схожей гиперболы) и *přinést modré z nebe* – дословно *достать синего с неба* (ср. с рус. *достать луну / звезды с неба*), здесь прослеживается уже космогонический код культуры, «выстраивающий» не «низ», а «верх» «национального Космоса».

перь подробнее, как проявляется природно-ландшафтный код русской культуры в конкретных фразеологизмах и поговорках.

2.3. Словарное описание фразеологизмов как экспликаторов природно-ландшафтного кода русской культуры

Основные единицы природно-ландшафтного кода, о которых шла речь в предыдущем параграфе, наиболее ярко проявляют свое мифологическое значение в составе фразеологизмов. В ходе исследования нами были отобраны фразеологические единицы, соотносимые через входящие в их состав лексемно-компоненты с природно-ландшафтным кодом, и сделано их словарное описание. Отбор проводился на материале фразеологических словарей русского языка [Михельсон 1994а; ФСРЯ 1978; ФСРЛЯ 1995; Яранцев 1997], а также толковых словарей [Даль 1955; Ожегов, Шведова 1997].

Всего было отобрано 32 фразеологизма:

1) соотносимые с природно-ландшафтным кодом через лексемно-компонент **гора**:

горой стоять [встать]

(с)воротить горы / гору // ворочать [двигать] горами

как [будто, словно, точно] гора с плеч (свалилась)

не за горами

идти [лезть, переть] в гору

идти [катиться] под гору

как на каменную гору надеяться [полагаться]

обещать [сулить] золотые горы

2) соотносимые с природно-ландшафтным кодом через лексемно-компоненты **лес** и **бор**:

темный [дремучий] лес

как деревьев в лесу
 за деревьями не видеть леса
 кто в лес, кто по дрова
 смотреть [глядеть] в лес
 семь верст до небес и все лесом
 идти / пойти лесом
 откуда [из-за чего] сыр-бор (загорелся [горит])
 с бору да с сосенки // и с бору и с сосенки // с бору по сосенке

3) соотносимые с природно-ландшафтным кодом через лексему-компонент **поле**:

ищи [ищи-свищи, догоняй] ветра в поле
 одного поля ягоды [ягода]
 поле зрения
 не обсевок в поле

4) соотносимые с природно-ландшафтным кодом через лексемы-компоненты с «водной семантикой» – названия водоемов, источников:

доставать / достать со дна моря [морского]
 (сидеть и) ждать у моря погоды
 море по колено
 разливанное [разливное] море
 капля в море
 молочные реки и кисельные берега
 течь [литься, струиться] рекой [ручьем, ручьями]
 в три ручья
 (за)бить [(за)кипеть] ключом
 чистый родник
 (хоть) пруд пруди

При словарном описании отобранных фразеологических единиц мы в основном придерживались системы описания, выработанной авторами Большого

фразеологического словаря русского языка [БФСРЯ 2006], которая «основана как на общепринятых для отечественной традиции приемах лексикографии и фразеографии, так и на совершенно новых способах описания фразеологизмов», что обусловлено «ориентацией словаря на активное овладение закономерностями выбора и использования фразеологизмов в речи, а также связанной с ними необходимостью описать те характерные для фразеологизмов культурные слои, которые прямым или косвенным образом проявляются в их значении, а следовательно – и в употреблении. Эти культурные слои в значении и форме фразеологизмов во многом обуславливают их воспроизводимость “в готовом виде” и предопределяют их способность выступать в роли знаков “языка” культуры» [БФСРЯ 2006: 15]. Таким образом, написанные нами словарные статьи состоят из нескольких частей, где представлены: толкование фразеологизма, его грамматические характеристики, иллюстративный материал и собственно культурологический комментарий.

В статьях также приводятся все варианты фразеологических единиц. «Под вариантами фразеологических единиц понимаются фразеологизмы, которые различаются отдельными компонентами или их грамматическим оформлением. Такие фразеологизмы могут различаться грамматическими вариантами своих компонентов (*кланяться в ноги – кланяться в ножки*) или лексическими вариантами (*зарубить на носу – зарубить на лбу*); лексические варианты внутри фразеологизма часто различаются стилистически, что оказывает влияние и на стилистический облик всего фразеологизма» [Кирсанова 1964: 92–93], а также употребление их может быть факультативным, эти «необязательные» компоненты фразеологизмов приводим в скобках.

Толкование (семантизация) фразеологизма, помимо краткого определения его значения, включает и описание характерной ситуации его употребления (события, состояния, явления, потенциальных участников и пр.) и, при необходимости, эмоционально-оценочного отношения говорящего, а также функционально-стилистические пометы (в качестве «нулевой отметки», т. е. пометы для

фразеологизмов, употребляющихся во всех «речевых регистрах», мы вслед за авторами [БФСРЯ 2006] используем помету *Речевой стандарт*).

В части, где рассматриваются грамматические характеристики (морфологические, синтаксические), мы приводим только ту информацию, которая является специфичной для конкретного фразеологизма и необходима для грамотного его использования в соответствии с современной нормой.

В иллюстративной части содержатся примеры из нашей личной картотеки, демонстрирующие функционирование фразеологизма в речевых произведениях. Поскольку наше исследование ориентировано в первую очередь на синхронический аспект, т. е. на современное состояние русского языка и культурного сознания, то приводимые нами примеры преимущественно взяты из текстов, создававшихся начиная с девяностых годов двадцатого века и по сегодняшний день. В постперестроечный период, время быстрых социально-политических изменений, как следствие этих изменений, трансформируется культурно-языковая ситуация. «В связи с расширением сферы распространения разговорной речи значительно меняется и статус литературного языка в целом – в сторону его демократизации» [Валгина 2001: 187]¹⁶. Поэтому в качестве источников иллюстративного материала мы помимо художественных произведений (включая современную беллетристику) широко использовали массмедийные тексты: газетные, журнальные публикации, в том числе размещен-

---

¹⁶ См. также: «В исследованиях по современной русской речи процесс отхода от традиционной “стилистической чистоты” книжных стилей (кодифицированного литературного языка) рассматривается как исторически продуктивный процесс. С одной стороны, существует моноцентрическая иерархическая модель языка, отражающая системное представление о языке и культуре, с четкими функциональными границами и ориентированная на норму. Это векторная литературоцентричная модель, ориентирующая коммуниканта на кодифицированный литературный язык, на эталоны языковой правильности, базирующиеся на языке литературных авторитетов. Вторая система – коммуникативная, функционально-прагматическая, связанная с ситуацией и целями общения, с выполнением разнообразных коммуникативных задач. Она разнонаправленна и смешанна, стилистически неоднородна» [Степаненко 2008: 23–24]; противопоставление литературного языка и обиходного «в современных условиях утрачивает значение» [Скляревская 2008: 439].

ные в Интернете, – а также материалы с интернет-сайтов, форумов и пр. как отражающие живое, непринужденное общение.

В культурологическом комментарии основное внимание уделяется соотношенности фразеологизма с кодами культуры, рассматриваются его функции, мотивированные этой соотношенностью¹⁷, и определяется вид тропа, на основе которого произошло переосмысление образного основания фразеологизма.

Среди отобранных нами фразеологизмов часть (как [будто, словно, точно] гора с плеч (свалилась); не за горами; идти [лезть, переть] в гору; темный [дремучий] лес; ищи [ищи-свищи, догоняй] ветра в поле; одного поля ягоды [ягода]; (сидеть и) ждать у моря погоды; капля в море; молочные реки и кисельные берега – всего 9 единиц) уже получила лингвокультурологическое описание в Большом фразеологическом словаре русского языка, и мы не даем собственное их описание, а принимаем имеющееся в [БФСРЯ 2006] как отвечающее нашим целям и используем в качестве материала при итоговом описании мифологического значения лексем, через которые перечисленные выше фразеологизмы соотносятся с исследуемым нами природно-ландшафтным кодом культуры.

Горой стоять [встать] за кого / что означает «поддерживать, защищать, не жалея душевных сил, не испытывая сомнений, колебаний», при этом имеется в виду, что лицо или группа лиц (**I**) безоговорочно поддерживают позицию, линию поведения третьего лица (лиц или неких общностей: социальных, профессиональных, национальных и пр.) и готовы защищать его (их) ин-

¹⁷ «Выделенные в образе фразеологизма признаки реалий, соотносимых с кодами культуры, – их функции, размер, границы, форма, цвет и т. п. – обычно выполняют в “языке” культуры роль символов (когда сама реалья замещает некоторый смысл, ср. *рука* как символ власти, *душа* – символ эмоционального или бессмертного начала в человеке), эталонов (когда реалья служит мерой какого-либо количества или качества, ср. *копейка*, *грош* – эталоны минимальной денежной суммы, *широкий* – эталон полноты проявления какого-л. свойства), стереотипов (когда сочетание реалий обычно играет роль образца каких-л. действий, как, напр., *братъ / взять быка за рога*; *заткнуть за пояс кого-л.*; *от ворот поворот* или *как рыба в воде*)» [БФСРЯ 2006: 13]; об эталоне и стереотипе см. также в параграфе 1.5 настоящей работы.

тересы в любой ситуации; (2) готовы отстаивать некую идею, проект, планы, собственные или принадлежащие третьему лицу / лицам, оцениваемые как безусловно верные и требующие своего воплощения.

Речевой стандарт. Имеет книжный синоним *стоять [встать] грудью*.

Именная часть неизменяемая.

Не используется императивная форма. Глагол НСВ может опускаться, особенно в разговорной речи, в настоящем и будущем времени, при этом глагол-связка в будущем времени остается, а в настоящем имеет нулевую форму.

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

(1) – *Кому я нужен? Кто за меня горой стоять будет? Никто! – Я буду* (Т. Устинова, Всегда говори «всегда»). *Мы боимся разочаровать близких людей и, чтобы избежать этого, пляшем под чужую дудку, зачастую вопреки собственным интересам и выгодам. Спрашивается, зачем? Поразительно! Ведь многие из нас готовы горой стоять за своих близких, детей или друзей, до хрипоты и потери голоса оспаривая чужие права. Но как только дело касается личных выгод, большинство из нас почему-то покорно замолкает и опускает руки, боясь настоять на своем* (В.С. Исаева, Как научиться защищать свои интересы? 49 простых правил). *Я как всегда стояла горой за Юльку, так и буду стоять, и никто меня не переубедит!* (Первый канал: Форум, forum.1tv.ru, 31.05.2005). *Я отстаивал позиции спортсменов – наверное, поэтому ребята еще больше в меня поверили. Ведь тренер так и должен поступать, понимаете? Чтобы спортсмены спокойно выступали и знали, что он за них будет горой, никогда не предаст* (Из интервью старшего тренера мужской сборной России по биатлону В. Аникина Sports.ru, 26.11.2008). (2) *Президент Украины будет горой стоять за свободу слова* (news.rambler.ru, 25.02.2011). *Сторонники социализма с человеческим лицом имеют что-то против адептов капитализма с человеческим лицом. И все вместе возражают против сталинизма и горой стоят за демократию – подлинную, истинную, не имеющую ничего общего и*

ни под каким видом с автократией любого толка (Ю. Богомолов, О будущем без меня, без тебя, без нас... РИА Новости, 11.03.2011). *Московские родители и дети готовы горой встать за творческий досуг* (Е. Беллис, Солидарность, 01.06.2011). *Впервые мы встретились по поводу каких-то торжеств: мы пили вино, разговаривали, и тогда он мне показался человеком в жизни очень деликатным. Я помню, что в журнале, где он был членом редколлегии, шла моя вещь «Дерево детства». Не знаю, как другие относились к ней, но он горой встал за нее и пробил* (Ф.А. Искандер о В.П. Астафьеве в беседе с корреспондентом Н. Кочетовой, Известия, 30.04.2004).

Образ фразеологизма восходит к противопоставлению «своего» и «чужого» пространства и соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры, в котором **гора** выступает в роли символической границы между двумя пространствами, и благодаря метафорическому переосмыслению такого признака данной природной реалии, как размер, делающий ее непреодолимой преградой, эта граница видится надежной, нерушимой, обеспечивающей безопасность того, что находится за ней в зоне «своего» пространства.

Образ фразеологизма строится на основе сравнения: человек, с убежденностью отстаивающий чьи-либо / какие-либо интересы, уподобляется *горе* (*горой* = как гора).

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о действиях, по преимуществу вербального характера, направленных на защиту, активную поддержку кого-либо или чего-либо, и функционирует как эталон высокой степени этой защиты, поддержки.

Горы [гору] (с)воротить [свернуть] // горами [горы] ворочать означает «совершать невозможное», при этом имеется в виду, что лицо или группа лиц в собственных интересах или интересах третьего лица / лиц готовы приложить любые усилия для достижения определенной цели.

Речевой стандарт. Имеет книжный вариант **двигать горами**.

Именная часть стоит в В. п. и может использоваться в форме множественного и – редко – единственного числа при глаголах *воротить* / *своротить*, *свернуть*. Наблюдается тенденция замены формы Т. п. мн. ч. при глаголах *ворочать*, *двигать* формой В. п. мн. ч.

Чаще всего употребляется инфинитив в составном глагольном сказуемом со вспомогательной частью с модальным значением.

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

*Я думаю, что любые переживания только закаляют. И, между прочим, формируют, так скажем, спортивную злость. Злющая спортсменка, она ведь **горы своротить** может* (Из интервью В. Мироновой с олимпийской чемпионкой Ю. Чепаловой «Злющая спортсменка способна **своротить горы**», Коммерсантъ, 20.12.2001). *А ведь именно они начинали раскручивать тему «потребительской экологии», которая в отличие от политической экологии апеллирует не к будущему (потепление, киты и ядерные отходы), а к тому, что непосредственно сейчас мы едим и пьем, каким воздухом дышим и можем ли достать нужное лекарство. В России, где почти каждый твердо знает, что его травят некачественной продукцией, верит во всемирный заговор против него лично (ладно, не буду злобствовать), с этой темой можно было бы **своротить горы!*** (М. Соломатин, Можно было бы **своротить горы**, Взгляд, 19.05.2011). *Ты готова **своротить горы**, но предпочитаешь оставаться в тени, пока тебя не посетит гениальная идея? Напрасно ты так строга к себе. Присмотрись к коллегам, которые, не боясь натолкнуться на недовольство шефа, постоянно выкладывают ему свои предложения – даже те, что не отличаются особой оригинальностью* (Ю. Яценко, женский сетевой журнал ROXY). *Только сейчас я поняла, что такое быть мамой, незапланированный ребенок сейчас в моей жизни является таким стимулом! Я **горы сворочу** ради него и никаким бабушкам уже не отдам* (портал для современных родителей mamapluspara.ru, 26.09.2009). *Ну, вот и твоя остановка, взяв себя в руки, настроившись на ра-*

боту, переступаешь порог до боли родного офиса, и кажется, можешь **ворочать горы** (сайт dipnn.ru). – А правда что ради любви люди способны **горы свернуть**? – Да, правда! А ради чего же еще? <> Только **свернуть горы** – это, м.б., например, просто уступить друг другу. – «**Воротить горы**» – понятие слишком относительное... Да и стоит ли **их воротить**? Надо просто любить и быть рядом, не ожидая за это благодарности и жестов, а просто получать удовольствие от того, что ты даешь, а не что получаешь... – Горы у каждого свои, и **воротить их** каждый должен по-своему... – Обязательно надо отдавать себя. Только должна быть еще возможность отдавать. Иначе не будет обратной связи и не будешь знать, в ту ли сторону **ворочаешь**. – Лично по себе – я готов **их ворочать**. Но только так, как я могу, как я считаю нужным (обсуждение на форуме club-nissan.ru, 26–27.03.2007). Есть люди, которые **двигают горы**, и есть люди, которые смотрят на это! (liveinternet.ru, 10.07.2011). Искусство **двигать горы**. Три стратегии лидерства (А. Соколов, изд-во «Речь», 2010).

Фразеологизм возник на основе пословиц *Вера горами двигает; Вера и гору с места сдвинет*, восходящих, в свою очередь, к библейскому тексту: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мат. 17, 20). Однако метафорически образное основание фразеологизма имеет и более «широкие связи». Образ фразеологизма соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры через компонент **гора**, который выступает как эталон «огромности», масштабности и символизирует требующие невероятных, «нечеловеческих» усилий действия, поступки, а также с акциональным (деятельностным) кодом культуры через глагольный компонент, и можно предположить, что в более «сниженном», по сравнению с *двигать*, глаголе *ворочать* и его дериватах находит отражение древнейшая трудовая практика корчевания: корчевать – ‘выворачивать с корнем’ [Даль 1955: II, 170]; ср. также: *Но тогда он пошел отверженный куда глаза глядят, и пришел к речке Смородине. Тут повстречались*

ему великаны – Дубыня, Горыня и Усыня. Дубыня вырывал дубы, Горыня **ворочал горы**, а Усыня усом ловил в Смородине осетров (Велес и Ясуня, Древние славянские мифы и легенды).

Образ фразеологизма строится на основе гиперболы, образованной благодаря сочетанию несочетаемых в реальности действия и объекта его приложения.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о действиях, поступках, осуществление которых требует колоссальных усилий.

Как на каменную гору надеяться [полагаться / положиться] на кого (редко *на что*) означает «быть всецело уверенным в ком-либо», при этом имеется в виду, что лицо или группа лиц считают третье лицо (лица) своей опорой, рассчитывают на то, что оно может и готово оказать им необходимую поддержку, обеспечить успех в какой-либо конкретной ситуации или в любых жизненных перипетиях.

Речевой стандарт. Имеет синоним *как на каменную стену надеяться* (уст.).

Именная часть неизменяемая.

Обычно не используется в будущем времени.

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов внутри именной части фиксированный; именная часть обычно стоит в постпозиции к глаголу.

*Парень был крепьши, характер спокойный. Ни с кем никогда он не вступал в споры. Тихий, скромный товарищ. Но стоит ему сесть в кабину самолета, он сразу становится другим. Кто с ним летал на боевое задание, отзывался о нем только положительно. Без страха держался на своем месте, уверенно прикрывал ведущего. На него **надеялись, как на каменную гору** (П. Полуян, *Моя война*). Дик еще раз взглянул на кузена и устыдился своих мыслей: *Наль – настоящий друг и Человек Чести, на него можно **положиться, как на камен-****

ную гору, а это – главное (В. Камша, Красное на красном). *Так мы жили – с виду счастливо, а на самом деле в аду. Никому было не понять моей печали. Бабские разговоры – жалобы на тяжелый характер мужа – были не по мне, я молчала. Надеялась, что Саша в конце концов поймет, что может **положиться** на меня, как на **каменную гору**, и что наконец расслабится* (Ю. Добровольская, Post Scriptum: вместо мемуаров).

Образ фразеологизма восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической: проводится аналогия «физический объект – человек», а также к архетипической оппозиции «свой» – «чужой»: принадлежащий к природно-ландшафтному коду культуры компонент **гора** – это граница между «своим» и «чужим» пространством, защищающая от неприятностей, невзгод, опасностей, которыми грозит «чужой» мир; компонент **каменный** усиливает представление о прочности и неколебимости этой границы¹⁸ (каменная гора = скала).

Образ фразеологизма строится на основе сравнения: человек, являющийся для кого-либо надежной – твердой – опорой, уподобляется одному из самых прочных по своему физическому составу естественных объектов¹⁹.

---

¹⁸ Интересен в этом контексте пример контаминации двух выражений – *как за каменной стеной* и *как на каменную гору*, встреченный нами в интернет-коммуникации: *Любит тот, кто принимает тебя такой, какая ты есть, и вместе с тобой он проходит жизненный путь и в радости и в горе и в болезнях. Ведь настоящая любовь познается именно в горе, бедах, неудачах, поражениях и болезнях. Выдержит ОН, будет вас поддерживать в трудную минуту, не бросит вас, а останется с вами – тогда это ваша ЛЮБОВЬ и ваша ЖИЗНЬ. Значит, на него можно положиться и **быть за ним, как за каменной горой**...* (otvet.mail.ru, 2009). В основе этой контаминации – совпадение мифологических значений *стены* и *горы* в языке культуры; о *стене* как единице архитектурно-домоустроительного кода культуры подробно см. [Макарова 2010], о контаминации как наиболее частой причине искажения устойчивых словосочетаний см. [Бельчиков 1988: 94].

¹⁹ Национальная детерминированность, в частности, природно-ландшафтного кода культуры подтверждается следующими наблюдениями профессионалов-географов: «“Этот человек тверд как скала”, “На него можно положиться как на каменную гору” – обычные ходячие выражения жителей равнин, не соприкасающихся близко ни со скалами, ни с каменными горами. Люди, живущие среди скал и гор, говорят иначе: “Раппа киви” – “гнилой камень” – так финны называют повсеместно распространенные в Финляндии и в Карелии граниты; жители Альп при характеристике ненадежных людей говорят: “Этот человек так же неверен, как скала”. И действительно, как часто на горных дорогах встречаются предупреждающие знаки:

Фразеологизм в целом выступает в роли эталона абсолютной уверенности в ком-либо.

Под гору идти / пойти [катиться / покатиться] означает

1. (что) «регрессировать, приходить в состояние упадка», имеется в виду ухудшение, неблагополучное течение, неблагоприятное развитие какого-л. дела, процесса, предприятия и т. п. Антоним: *идти / пойти в гору*.

Речевой стандарт.

Именная часть неизменяемая. Возможно употребление диминутива *горка*.

В будущем времени используются в основном формы СВ.

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

*В самом же «ЮКОСе» дела все больше **идут под гору**. На днях в компании приняли решение сократить в нынешнем году на 700 миллионов долларов расходы на капитальные вложения по разведке нефти, в результате чего снизили план добычи нефти в 2004 году с 90 до 86 миллионов тонн (Т. Зыкова, «ЮКОС»: развязку ждут уже в сентябре, Российская газета, 26.08.2004). Ведь последние десять лет наша жизнь неуклонно **шла под гору** – включишь радио: изо дня в день мы отступали, то с мелкими боями, то просто бежали (В. Ерофеев, Где в наш суетный век еще можно уединиться? gq.ru, 11.05.2010). Почему-то не отпускает ощущение пустоты и никчемности. Пока Диана рядом, я ни о чем таком не думаю. Но стоит мне остаться в одиночестве, начинаю размышлять, и мне кажется, что-то не так. Все **катится под горку** (В. Рудак, Вечный сахар). Евро **покатился под гору** – с декабря он уже подешевел к доллару на 12 %, в том числе 1,3 % за минувшие сутки. И сегодня утром европейская валюта провалилась ниже уровня в доллар и 33 цента (про-*

“Осторожно, впереди возможен обвал!”; повсюду можно видеть на склонах осыпи из обломков камней, а особенно крупные глыбы, сорвавшиеся с окружающих вершин, достигают дна горных долин и своим присутствием напоминают людям о возможной опасности» [Мир географии 1984].

грамма «Сегодня», ntv.ru, 25.03.2010). *Катилась жизнь то под гору, то в гору*²⁰. Летели годы по ветру, как медь... (С. Соколовский, сервер Стихи.ру, 2009). Первые колеса обозрения в ПКиО «Измайлово» и в Парке имени Горького появились к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в 1957 году. Позже полюбившиеся горожанам аттракционы поставили в Сокольниках, Останкинском и Филевском парках. Финальный аккорд в «колесном строительстве» раздался в 1995 году: на ВВЦ появилась 73-метровая громадина «Москва-850». После этого события жизнь столичных колес *покатилась под горку*: новые никто не строил, а старые ветшали год от года (Н. Ларина, Колеса обозрения катятся под гору, Аргументы Недели, 10.07.2008).

(кто) (1) «терять позиции; деградировать». Имеется в виду, что лицо (редко – группа лиц), из-за неумения или нежелания противостоять неблагоприятным жизненным обстоятельствам, по слабости характера или из-за пагубных пристрастий, морально опускается, при этом теряет общественную репутацию, имевшееся ранее положение в социальной иерархии. Говорится с осуждением. (2) То же, что и при употреблении с неодушевленными существительными (см. **что**). Синонимы: *идти на дно / ко дну, катиться по наклонной плоскости*.

Только с глаголами *катиться, покатиться*.

(1) Человек все время – очень легко и без остановки, под собственной тяжестью – *катится под гору*, заблуждаясь, ошибаясь, совершая неблагоприятные поступки (П. Малков, Кожаные ризы. Труд-7, 12.04.2001). Как Татьяна его бросила, так он и *покатился под гору*. Скоро совсем сохнет (Реч.). (2) Пик нефтедобычи в мире уже давно пройден, Александр. В разных странах

²⁰ В последнем случае мы имеем дело с индивидуально-авторским антонимичным оборотом, созданным посредством контаминации двух фразеологизмов: *катиться под гору* и *идти в гору*; ср. также с зафиксированными В.И. Далем, но уже устаревшими выражениями *жить в гору* и *жить под гору* – «мужать и стареться; или разживаться и мотать» [Даль 1955: I, 375].

это случилось в разные годы второй половины XX века. Мы уже **катимся под горку** (портал sasovo.com.ru, 20.11.09)²¹.

2. «заканчиваться, близиться к завершению». Имеется в виду, что некий временной отрезок, период, в том числе человеческая жизнь, приближается к своему концу (ср.: *на склоне дней / жизни*).

Именная часть неизменяемая.

В будущем времени используются в основном формы СВ.

В предложении выступает в роли сказуемого при подлежащем, выраженным существительным с темпоральным компонентом значения.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

С Афиногена лето катится под гору (gismeteo.ru, 29.07.2008). *Время точно под горку катится, Наш денек за той горкой светится, Как закажется – так заплатится, Как аукнется – так ответится* (А. Макаревич, Дом). *В Ташкенте август шел под гору, но Цельсий все скакал за сорок...* (М. Аваз-Нурзеф, ikeer.ws, 31.08.2010).

Образ фразеологизма восходит к архетипическому противопоставлению «верх» – «низ», где «верх» является положительно маркированным полюсом, а «низ» – отрицательно²², соответственно маркированными оказываются и векторы движения в этих направлениях. В компоненте **гора**, через который фразеологизм соотносится с природно-ландшафтным кодом, отражены древнейшие мифологические представления, согласно которым гора соединяет небо, землю и потусторонний мир – под горой или в ее нижней части обитают злые духи, принадлежащие к царству смерти (Мифы народов мира. Т. I. М., 1991. С. 311).

²¹ Это значение реализуется и во встретившейся нам окказиональной модификации фразеологизма: *Вся политика была настроена, чтобы катить Хрущева под гору* (А. Костерин, сервер Проза.ру).

²² Ср.: «Верх – низ, верхний – нижний – одна из основных семантических оппозиций в славянской картине мира. Верх наделен символическими признаками – “хороший”, “благополучный”, “плодородный”, “обильный”, “жизненный”, а низ – признаками “плохой”, “неблагополучный”, “скудный”, “смертельный”» [Славянские древности 1995: I, 345].

Образ фразеологизма строится на основе пространственной метафоры: развитие в сторону «нулевой отметки» уподобляется нисхождению с имеющего вертикальное строение объекта.

Фразеологизм функционирует как стереотипное представление (1) о неблагополучии в развитии каких-либо / чьих-либо дел и (2) о завершающей стадии некоего временного процесса.

Золотые горы обещать / пообещать [сулить / посулить] кому означает «прельщать в высшей степени заманчивыми обещаниями», при этом имеется в виду, что лицо или группа лиц (или политические, социальные, экономические, пр. институции) обещает другому лицу (лицам, политическим, социальным, профессиональным, иным общностям) материальное благополучие, всевозможные выгоды, преследуя собственные интересы, связанные с этим лицом (лицами). Подразумевается, что эти обещания могут оказаться невыполнимыми и даже заведомо ложными.

Речевой стандарт.

Именная часть неизменяемая. Прилагательное имеет вариативную неполногласную форму *златые*.

В качестве видовой пары к глаголу НСВ *обещать* наряду с *пообещать* используется *наобещать*. Возможны конструкции с синонимичными глаголами, глагольными дериватами и безглагольные.

В предложении глагольные конструкции выступают в роли предиката, безглагольные – дополнения (см. последний пример).

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

Он женится на деньгах и станет членом семьи. Гух от него без ума. Он обещает ему золотые горы – работу, поддержку, наследство, в конце концов (Г. Куликова, Эрос пленных не берет). *Хорошо придумали, ничего не скажешь! Охмури девочку, обещай ей золотые горы, любовь до гроба и пользуйся ею бесплатно, пока не надоест* (Г. Татаев, Наташа, невеста фараона). *Вместе с тем*

незаметно, чтобы все выдвиженцы проводили активную работу с местным населением – потенциальными избирателями. <...> Дело даже не в лозунгах и обещаниях, тем более что некоторые депутаты готовы **обещать «золотые горы»**, а под конец их срока выясняется, что слова оказались обычными «воздушными замками» (Российская газета, 27.07.2011). Это – Королевская Академия Арконата. Ее многочисленные ученики – отпрыски самых знатных родов нашего королевства. Отдать сюда своего ребенка нелегко и очень престижно. Дело не в том, что здесь преподают лучшие учителя континента. Кое-кто из благородных может себе позволить и не такое, вот только обеспечить своему наследнику абсолютную защиту, какую может предоставить только Арконийский Орден Магов и Заклинателей, этого в одиночку не в силах ни один Великий Лорд. А это важно для нас. Мне ли не знать, насколько это важно? Но, **пообещай** им **золотые горы** и бриллиантовые россыпи, чародеи не станут так напрягаться. Что заставляет их заботиться об Академии? Я не знаю (И. Сыромятникова, Разрушители). Обама не хочет устанавливать нужные Штатам ближневосточные режимы руками американских солдат, как это делал его предшественник: гробы под звездно-полосатым флагом могут повредить президентскому рейтингу. Лучше подогреть недовольство существующей властью у оппозиции в «целевых» странах и **пообещать ей золотые горы** (И. Силецкий, С. Анисимов, «Арабская весна» **сулит золотые горы**, Голос России, 21.05.2011). Надо признать, что эти люди страдают из-за собственной недалёковидности и помочь в данной ситуации им вряд ли кто сможет. Даже суд бессилён. Вот если бы человек имел на руках трудовой договор и был бы нарушен один из его пунктов, тогда другое дело. А так **горы золотые** им **наобещали** только на словах, которые к делу, что называется, не подошьешь (Ю. Рудакова, **Посулили золотые горы**: Могут ли русские легально трудоустроиться в Южной Корее? Российская газета, 05.10.2004). Конечно, если бы мне родители ребенка предложили или как-то оповестили, что будут наблюдать за моей деятельностью, т. е. «камера смотрит в мир»... Ну, я однознач-

но отказалась бы, **сули** мне хоть **золотые горы!** Если уж такое недоверие априори к няне – тогда сама, мамулечка, сама! (форум littleone.ru, 06.05.2010). В Пещере племени красномолотов живет гоблин по имени Свальда, сплотивший вокруг себя племена и представляющий угрозу для людей. Поговорите с ним, чтобы получить это задание. Гоблин даст вам отравленную голову, и **по-сулит золотые горы** за то, что вы передадите ее начальнику преторианцев Аврелию (аннотация к компьютерной игре «Смерть преторианца»). Недобросовестный работодатель, видя, что перед ним хороший специалист, говорит: выходите к нам на работу и не смотрите, что зарплата маленькая, зато у нас очень большие перспективы. Дескать, будут хорошие заработки, но попозже. На самом же деле это «попозже» может протянуться и год, и два. Когда-нибудь вам работа за копейки надоест, и вы уволитесь. Мы не будем **предлагать** вам **золотые горы** и обещать 99 % стоимости за ваш ноутбук только для того, чтобы вы приехали к нам, а на месте начался «развод» (shop313.ru). Тогда непорядочный работодатель возьмет на ваше место другого специалиста, и снова под **обещание «золотых гор»** (В. Витвицкий, **О «золотых горах»**, или Нужно ли верить обещаниям работодателя? Блог JobChase, 01.11.2010).

По происхождению фразеологизм – калька с латинского *montes auri policeri*. Первоначально «выражение заимствовано греками от персов, которые, имея у себя золотые руды, называли их золотыми горами. Выражение встречается у Аристофана, Плавта и др.», в русский язык оно попало из современных европейских языков [Бирх, Мокиенко, Степанова 2005: 155]. Однако представляется, что метафорически образное основание фразеологизма имеет и более глубокие корни. Компонент *золотой* (= *из золота*) символизирует богатство, ценности и блага, в соединении с компонентом *гора* – огромное их количество. Однако одновременно большой пласт славянских верований «указывает на принадлежность золота (как и других металлов, добываемых из-под земли) к сфере хтонического, “тому свету” и потусторонним силам» [Славянские древности 1999: II, 354], и потому золото «превращается в свою противоположность

на “этом” свете, ср. слав. былички о дарах, полученных человеком от нечистой силы ночью в нечистых местах, в т. ч. о золоте, которое в “своем” пространстве оказывается на деле калом, навозом, черепками, углем, сухими листьями, щепками или мхом» [там же: 355]. Кроме того, в природно-ландшафтном коде русской культуры *гора* передает представление не просто о труднопреодолимом и, следовательно, уже связанном с различного рода опасностями пространстве, а пространстве пограничном, где сходится «свое» и «чужое», – зоне повышенного риска; безоговорочно доверять горам – по меньшей мере неосмотрительно.

Образ фразеологизма строится на основе гиперболы: золотые горы – нечто невероятное, в природе не существующее.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о крайне привлекательных, но ненадежных обещаниях, ср.: *Не сули с гору, а подай впору; Я и сам золотыми горами отдам*, т. е. посулами [Даль 1955: I, 375–376].

Проведенный нами лингвокультурологический анализ фразеологизмов с компонентом *гора*, лексикографические результаты которого были представлены выше, а также описание в [БФСРЯ 2006] ФЕ *гора с плеч (свалилась); не за горами; идти / пойти в гору* показывает, что в «языке культуры» данная единица является полисемичной: *гора* – это 1) символ непреодолимой (труднопреодолимой) преграды (границы), 2) символ слишком тяжелых, обременительных для человека забот, обязанностей²³, 3) качественный (прочность, надежность) и 4) количественный (очень большой объем) эталон, 5) символическая иерархическая модель общественного устройства, социальных отношений, человеческой жизни и деятельности (*идти в гору ↔ катиться под гору*), 6) модель пространственного осмысления времени (по горизонтальной оси: *не за горами* – и по вертикальной: *идти [катиться] под гору*).

²³ Стереотипное представление о состоянии человека, избавившегося от них, передает фразеологизм *гора с плеч*, см. [БФСРЯ 2006: 294–295].

За деревьями не (у)видеть леса означает «не различать главного за частностями». Имеется в виду, что лицо (группа лиц, профессиональные, политические, иные общности) не может распознать смысл какого-либо явления, события, процесса, правильно оценить ситуацию, положение дел из-за того, что не замечает связи между отдельными деталями и потому оказывается не в состоянии составить из них целостную картину.

Речевой стандарт.

Именная часть неизменяемая.

Обычно в прошедшем или настоящем времени.

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

Вы человек умный и логичный, только с одним недостатком. – Интересно, каким же? – Слишком логичны. А потому за деревьями не увидели леса (Б. Акунин, Ин и Янь: Черная версия). *В этой ситуации важно не пропустить главного, ибо она уже начала обрастать огромным количеством ненужной и несущественной информации. Нужно увидеть лес за деревьями, то есть суть, смысл вставшей и требующей решения проблемы, а не «деревья» – отдельные разрозненные, разнонаправленные факторы и факты* (Г. Валерьянов, **Увидеть лес за деревьями**. Литературная газета, 24.03.2010). *Еще не так давно я по-иному оценивал государственно-правовые взгляды Ленина и его роль в историческом процессе вообще и в истории послеоктябрьской России в особенности. К сожалению, большинство людей в бывшем Союзе не видело того, что должно было бросаться в глаза. За деревьями не видели леса* (Э. Розин, Ленинская мифология государства). *Участие английского посла Уитворта в убийстве Павла I в 1801 году является доказанным историческим фактом. Каковы же основания считать, что через 24 года после этого Россия выпала из поля зрения англичан? Профессиональные историки очень часто за деревьями не видят леса. И что самое печальное – не хотят даже присматриваться* (интер-

вью с Н. Стариковым, Экономические стратегии, 2011, № 1). *Как комментировали позднее многие законодатели-демократы, Буш не увидел за деревьями гибнущий лес, то есть антисоциальные тенденции экономики* (РИА Новости, 24.01.2007). *Ваша чрезмерная активность может привести к тому, что вы не увидите за деревьями леса и будете пытаться все происходящее трактовать буквально* (С. Рогинец, День чреват финансовыми потерями. Известия, 24.07.2007). *Персональная война Лукашенко – против безлюбия, за человека доброго, весьма красноречивым образом которого и был много десятилетий советский человек, облаянный и охаянный всем зарубежьем, в том числе и русским, не видевшим за деревьями леса, пока не грянула Священная война* (М. Шелехов, Я изменю мир! Наш современник, 2004, № 8).

Образ фразеологизма восходит к архетипическому противопоставлению «общего» и «частного», «целого» и «части» и соотносится с растительным и природно-ландшафтным кодами культуры через компоненты **деревья** и **лес**. Компонент **лес** символизирует, с одной стороны, нечто большое, крупное, объемное, но при этом состоящее из отдельных элементов, а с другой стороны, нечто оставшееся непознанным, не проясненным для понимания (ср. *темный / дремучий лес*). Образ фразеологизма также соотносится через глагольный компонент с акциональным кодом, а через предлог **за**, обозначающий местонахождение, – с пространственным.

Образ фразеологизма строится на основе метонимического отождествления знания, понимания, то есть видения, со зрением как перцептивным восприятием и пространственной метафоры: подобно тому как растущие на кромке леса деревья не позволяют заглянуть в глубь него, частные подробности закрывают от человека суть происходящего.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о том, что мелкое, несущественное может помешать опознать крупное, важное, значительное.

Как [будто, словно, что] деревьев в лесу означает «очень много», при этом имеется в виду большое количество отдельных объектов, как одушевленных, так и неодушевленных.

Речевой стандарт.

Неизм.

Выступает в роли предиката в безличных предложениях.

Порядок слов-компонентов фиксированный.

Давно удэ в тёплых краях жили, на равнине, на берегу моря. Много их было, как деревьев в лесу. Тихо жили, ни с кем не воевали (Д. Нагишкин, Большая беда). *Бежит солдат по замку, а комнат там что деревьев в лесу. И в каждой – сокровища несметные* (Б. Привалов, Сказ про Игната – хитрого солдата). *Большой зал был заполнен людьми, их было множество, словно деревьев в лесу Кай-о-Ран, и обнаженное тело каждого покрывали узоры, похожие на те, что украшали кожу Рю-Иль* (К. Край, Сказание Первое). *Сонмы их, Господи, сонмы, будто деревьев в лесу. Дай им свободу их слова, чесночную их колбасу* (Д. Нечаенко, Рождаются дети).

Образ фразеологизма восходит к архетипическому противопоставлению «целого» и «части» и соотносится с растительным и природно-ландшафтным кодами культуры через компоненты **деревья** и **лес**. В нем отражается представление о лесе как большом и неосвоенном пространстве.

Образ фразеологизма строится на основе «природной» метафоры и сравнения: «скопление» однотипных объектов уподобляется состоящему из отдельных деревьев лесному массиву.

Фразеологизм в целом выступает как эталон большого количества единичных предметов, оказавшихся вместе (ср.: *лес рук*).

Кто в лес, кто по дрова означает «несогласованно, вразнобой». Имеется в виду, что группа лиц (коллектив, общность) в ситуации, которая требует слаженных действий, совместных усилий, оказывается неспособна действовать

дружно, организованно, сплоченно, и каждый ведет себя на свой лад, по своему умению и разумению. Обычно говорится с осуждением, сожалением.

Речевой стандарт. Синоним *кто во что горазд*.

Неизм.

Выступает в роли обстоятельства, именной части составного сказуемого, как часть сложного предложения или как самостоятельное высказывание.

Порядок слов-компонентов фиксированный.

Они вон как все дружны и согласны. Мы же – каждый за себя и про себя, да еще кто в лес, кто по дрова... (О. Волков, Погружение во тьму). *Самые тяжелые смены у молодых. Некоторых «забывали» сменить. Засыпали на ходу. Задачи знают приблизительно. По тревоге кто в лес, кто по дрова!* (В. Осипенко, Записки офицера ВДВ). *Объективная сущность власти – в централизации для совокупного совершения максимальных действий. В результате действие получается более значительное, чем если – кто в лес, кто по дрова* (М. Веллер, Все о жизни). *Здесь они впервые познакомились друг с другом, первая миасская колония со второй, курьинской. И оказалось, что в первой колонии много музыкантов, гитаристов, есть даже контрабасист. Женя Заработкин в первый же вечер сумел организовать один хороший струнный оркестр. Правда, играли они пока «кто в лес, кто по дрова», выражаясь языком их собственных воспоминаний. Но сыгранность – дело времени (К. Косур, Красный крест). Отпрыски князя перегрызутся, и хромой, самый умный, вдобавок с детства озлобленный, наверное пожрет остальных. <...> Город забурлит, боярство расколется. И тут хромец припрется с войском... А у нас кто в лес, кто по дрова, у каждого терем, и всем еще чуток подышать охота (О. Дивов, Храбр). Зачем же тогда сидеть вместе, если кто в лес, кто по дрова? Ведь если люди что-то смотрят вместе, они должны и вместе сопереживать, сочувствовать, а потом и обсудить виденное! (А. Халов, Ад Министр @ Тор). А у вас в конторе «кто в лес, кто по дрова» или все в едином порыве? (ответ.mail.ru, 2008).*

Считается, что по происхождению фразеологизм «является афоризмом из басни И.А. Крылова “Музыканты”, где этими словами характеризуется нестройное пение хора, состоящего из не имеющих слуха певцов. Сначала употребляясь как крылатое, это выражение стало пословицей, а затем фразеологизмом» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 381]. Это объясняет первоначальное функционирование выражения как стереотипного представления о «немузыкальности». Во Фразеологическом словаре русского языка отмечается, что данный фразеологизм употребляется, когда речь идет «обычно о пении, игре на музыкальных инструментах», что иллюстрируют и все приводимые примеры [ФСРЯ 1978: 216]; то же самое – в [ФСРЛЯ 1995: I, 336]. Анализ современных контекстов употребления фразеологизма (см. выше) показывает, что сфера его функционирования значительно расширилась и этот контекст уже не является преимущественным, а только одним из возможных²⁴.

Образ фразеологизма восходит к архетипическим противопоставлениям «общего» и «частного», «целого» и «части» и «своего» и «чужого», а также в нем отражается крестьянская обиходно-бытовая практика, связанная с лесом: заготовка дров, собирание грибов и ягод, охота и пр. Таким образом, компонент **лес**, через который образ фразеологизма соотносится с природно-ландшафтным

---

²⁴ Хотя расширение контекста можно наблюдать уже в текстах XIX века, напр.: *Почему мы люди чистые, а народ все еще человек черный, почему мы всё, а народ ничего? Я утверждаю, что в этом между нами, культурными людьми, чрезвычайная неясность и что мало кто из «культурных» на это ответит правильно. Напротив, тут – кто в лес, кто по дрова <...>* (Ф.М. Достоевский, Дневник писателя, 1876); *Здесь – кто в лес, кто по дрова – это истина в буквальном смысле* (И.И. Горбачевский, письмо Е.П. Оболенскому, 1862). С другой стороны, в словаре Даля представлена пословица *Кто в лес, кто по дрова; ин рубль, ин полтора* [Даль 1955: 279], и если придерживаться версии книжного происхождения рассматриваемого фразеологизма, то его «исторический путь» становится очень сложным: сначала появление избыточного компонента, затем его устранение. Подтверждение нашей точки зрения находим в «Словаре языка басен Крылова», где интересующее нас выражение классифицируется как пословица [Кимягарова 2006: 198]. Определяя принадлежность того или иного изречения к пословицам, автор словаря опирался на 2-е издание работы В. Киневича «Библиографические и исторические примечания к басням Крылова», вышедшее в Санкт-Петербурге в 1878 г. Киневичем были исследованы сборники пословиц Д. Княжевича, Н. Снегирева, В. Даля и др. [там же: 25]; при этом Р.С. Кимягарова отмечает отдельно «крыловские “формулы”, оторвавшиеся от конкретного текста и ставшие “крылатыми словами”» [там же: 24].

кодом, символизирует освоенное человеком, т. е. включенное им в сферу своей хозяйственной деятельности, пространство, в то же время остающееся «неподчиненным», неподконтрольным ему и, следовательно, таящим для него угрозу (ср. поговорку: *Ходить в лесу – видеть смерть на носу, <либо деревом уььет, либо медведь задерет>*), поэтому здесь безопаснее и надежнее действовать не в одиночку, а сообща.

Образ фразеологизма строится на основе пространственной метафоры: поведение людей, отправившихся в лес, чтобы разбрестись по нему и заняться каждый своим промыслом, осмысляется как центробежное движение.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление об отсутствии необходимой слаженности в действиях и устремленности к единой цели и функционирует как эталон разобщенности.

В лес смотреть [глядеть] означает «иметь настойчивое желание покинуть место своего нахождения», при этом подразумевается, что лицо (группа лиц), считая свое пребывание где-либо, свое положение в какой-либо общественной, в том числе семейной, профессиональной, структуре не отвечающим собственным интересам, наклонностям, стремится это место покинуть. Часто говорится с неодобрением.

Речевой стандарт.

Именная часть неизменяемая.

Используются только глаголы НСВ.

В предложении выступает в роли сказуемого при подлежащем, выраженном одушевленным существительным или – реже – неодушевленным, метонимически замещающим некое лицо / лица.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

Другая за такого мужика зубами бы держалась, а эта в лес смотрит (Реч.) *Рогозин же – вроде генного мутанта со сбившимся кодом. Как его ни прикармливай, какие думские комитеты ему ни поручай, в какие европы его ни*

пускай – все в лес смотрит. Искренно жаль людей, которые не разглядели под его накрахмаленной сорочкой космы шерсти оборотня (Компромат.ru, 2003). *При социализме на общегосударственном уровне ставился эксперимент по одомашниванию секса, а он, гад, все равно в лес глядел* (Ю. Поляков, Небо падших).

Фразеологизм возник как сокращение пословицы *Сколько [как] волка ни корми, (а) он все в лес глядит [смотрит]*, в основе образности которой – «известный факт о лесном обитании волка, его угрюмом нраве и практической невозможности его приручить» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 382]. В образе фразеологизма прослеживаются две архетипические оппозиции: «свое» – «чужое» и «внутреннее» – «внешнее». Компонент *лес*, принадлежащий к природно-ландшафтному коду культуры, символизирует внешнее пространство, находящееся за границами замкнутого внутреннего и оцениваемое как «свое» с позиции одного субъекта и как «чужое» – другого. Через предлог *в*, обозначающий направление, фразеологизм также соотносится с пространственным кодом культуры, а через глагольный компонент – с акциональным, при этом осуществляемое действие – сфокусированное на определенном объекте «смотрение», «глядение», предполагающее, что все остальное остается вне поля зрения, метонимически соотносится с внутренним состоянием – желанием / нежеланием, приятием / неприятием кого / чего-либо, ср. с такими выражениями, как, с одной стороны, *глаза не глядят / не глядели б на кого / что*, а с другой – *глаз класть / положить на кого / что, пожирать глазами кого / что*.

Образ фразеологизма строится на основе пространственной метафоры: устремленность взгляда вовне уподобляется перемещению в этом направлении.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о намерении или остром желании выйти из определенной системы отношений (личных, социальных, пр.).

Мы не предлагаем развернутое лингвокультурологическое описание фразеологизма *семь верст до небес (и все лесом)*, означающего ‘очень много (наобещать, наговорить и т. п.)’ [ФСРЯ 1978: 60], поскольку для него интересующий нас компонент *лес* является факультативным и не формирует, а лишь подчеркивает, дополнительно «расцветчивает» его образ. Здесь *лес* символизирует «чужое» пространство, во-первых, состоящее из множества отдельных элементов (деревьев), что усиливает сему ‘большое количество’, а во-вторых, располагающееся на горизонтальной оси, что исключает возможность движения по оси вертикальной, вверх – *до небес*. Благодаря этой парадоксальности, возникающей в «развернутом» варианте фразеологизма, актуализуется сема ‘недостоверности’: «наговоренному», «наобещанному» грош цена. Однако отметим, что в современном узусе наблюдается трансформация значения фразеологизма, которое можно было бы схематично определить как «далеко + трудно», более того, «необязательная» часть фразеологизма тяготеет к «независимости», самостоятельности: *«Только я очень занят, – весело сказал Веселовский в трубку, – если хотите, приезжайте ко мне на работу!.. Но это далеко, за МКАДом»*. Таким образом, роли были распределены сразу: *нам от вас ничего не надо, а вам, если уж приспичило, придется тащиться семь верст до небес и все лесом, так что как хотите* (Т. Устинова, С небес на землю). *Вам до меня семь верст до небес, и все лесом!* (С. Лунгин, Виденное наяву). *Семь верст до небес и все лесом, или первые опыты самоуправления в ЖКХ* (Арсеньевские вести, 21.05.2008). *А до момента, чтоб превратить холод в радость, как сделали, к примеру, финны и шведы, нам еще триста лет брести, и все лесом...* (Г. Щербакова, Армия любовников).

Этот «избыточный» компонент и содержательно, и формально оказывается связан с рассматриваемым ниже фразеологизмом, не фиксируемым в словарях, но присутствующим в узусе.

Лесом идти / пойти означает «прочь и как можно дальше». Имеется в виду, что говорящий выражает свое крайне негативное отношение к кому-либо (реже – чему-либо), хочет, чтобы его оставили в покое, не желает иметь с другим лицом (группой лиц, общественными, социальными институтами и под.) никакого дела, категорически отвергает чьи-либо предложения, идеи. Говорится с раздражением или пренебрежением.

Разговорное, фамильярное. Имеет синонимы *идти / пойти в болото* [в баню, к лешему, к черту], *к чертовой матери* [бабушке], а также ряд сниженных и обценных выражений, по отношению к которым является эвфемистическим.

Именная часть неизменяемая (Т. п.).

Выступает в роли предиката в предложении, которое часто произносится с восклицательной интонацией.

Порядок слов-компонентов фиксированный.

– *Что нового можно придумать про шоколад? – Дарья поморщилась. – Все давно придумано! – Ребята, я все понимаю, но надо придумать, – Ольга посмотрела на своих ребят. <...> – Я вас очень прошу: подумайте. К вечеру жду ваши предложения. Только давайте сразу договоримся: гномики, феи, дети и тетки в кокошниках **идут лесом**. Что-нибудь более оригинальное и незамыленное, хорошо?* (Т. Устинова, Всегда говори «всегда»). *Над моим шефом тоже стоит руководитель, поэтому Чеслав не может сказать посетителю: «Дорогой, **идите лесом**, мы не хотим заниматься вашим делом»* (Д. Донцова, Агент 013). ***Иди ты лесом** со своей дачей! Сколько можно на нее уродоваться!* (Реч.). *Смысл жизни и всякие альтруистические морали **идут лесом**, когда хочется кушать* (форум МИФИ corum.mephist.ru, 30.06.2010). *К вопросу о душе плюшевых игрушек. Их есть у меня, только это был не заяц, а обезьяна. История сильно нерадостная, кто хочет повеселиться, может сразу **идти лесом**, я не обижусь* (www.inpearls.ru/comments, 06.03.2012). *В гостях АРИ радио Павел Свиридов, известный футуролог и астролог. К русофобам просьба – **идти ле-***

сом (<http://eva.ru/eva-life/messages> , 18.02.2012). *Иными словами, рвущимся на историческую родину советуют – «а шли бы вы лесом!»* (Г. Бовт, Возвращенцы поn grata. Известия, 14.02.2008). *Да пошли бы все... лесом! На свете нет ничего важнее улыбающейся мордахи моего ребенка* (www.babyblog.ru, 24.01.2011). *Не стоит слезы лить напрасно, **пошло** все лесом, жизнь прекрасна* (<http://vkontakte.ru/club25940570>).

Образ фразеологизма восходит к архетипической оппозиции «свой» – «чужой» и соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры через компонент **лес**, который символизирует «чужое» пространство, противоположное «своему» – человеческому жилью, он, как и облюбованное чертом болото (ср. синонимичные фразеологизмы), является местом обитания «иноприродных» человеку и опасных для него существ, поэтому дух дома *домовой лешему враг* [Даль 1955: II, 279]). Леший, хозяин леса, «может пугать людей своим смехом, увести ребенка, сбить с пути» [Мифологический словарь 1991: 315]. В русских заговорах болезни и беды ссылаются в лес – более соответствующее их «чужой», вредоносной для человека сути место (ср.: *иди к лешему / черту = леший / черт тебя заберу*).

Образ фразеологизма строится на основе пространственной метафоры: избавление от неудобного, надоевшего, опротивевшего уподобляется изгнанию его в иное пространство (форма Т. п. *лесом* передает здесь значение «движение по лесу», ср.: *идти по полю = по полю, дорогой = по дороге*).

Фразеологизм функционирует как ритуальная формула – проклятие-отсыл.

Сыр-бор (*загорелся [разгорелся, горит]*) *из-за кого / чего [откуда]* означает «шумиха, переполох, скандал, свара», при этом имеется в виду, что кто-то или что-то (некий объект или событие) были подвергнуты резкой критике некими лицами, вызвали у них гневные эмоции или послужили причиной споров, разногласий между ними, а также, возможно, спровоцировали дальнейшие

события, в которых оказались задеты интересы различных лиц – частные или как представителей различных общностей.

Речевой стандарт. Употребление с наречием *откуда* устаревшее.

Именная часть может иметь распространители *весь*, *этот* и под.

Глагольный компонент может опускаться; с другой стороны, он обладает большой вариативностью (см. примеры).

Выступает как основа предложения или как самостоятельное высказывание.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

А загорелся сыр-бор из-за нескольких фраз в их очередной ленте о так называемом эксперименте в Абаши (П. Сиркес, Труба исхода). Дочерям – старшей, из-за которой, скорей всего, и загорался весь сыр-бор, или, особенно часто, младшей – Динке, так ее звали, не намного старше его, с ней Илья тоже сталкивался в подъезде, – приходилось буквально уволакивать мать домой, повиснув на ней, сопротивляющейся (Е. Шкловский, Чужие окна). В общем, там вышла ссора из-за какой-то усадьбы. Трегубов собирался выехать в соседний поселок, в кармане у него лежали документы с адресом земельного владения, из-за которого разгорелся сыр-бор (Г. Куликова, кошачий патруль). Не в курсе, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор, но, когда стало ясно, что убитый имеет отношение к Кандинскому, всех подняли на ноги (Н. Леонов, А. Макеев, Гроссмейстер сыска). В недрах Комитета по промышленной политике созрело единственное дополнительное предложение, которое моментально было поддержано правительством. Из-за него и разгорелся сыр-бор (А. Юров, Реформенное безобразие. Московский комсомолец, 14.01.2003). Сыр-бор разгорался не на шутку. Задетый за живое, я готов был высказать старику все, что знал о его «рачительном» отношении к государственным средствам, а заодно просветить в этом плане блондина, жадно вслушивающегося в нашу перепалку (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь). Выслушивая Фару, я невольно яростно краснел, никак не ожидая, что из-за меня разгорится сыр-

бор. Нет, этот сыр-бор был мне бесконечно душевно близок, но капитан... я видел, что он мрачнеет и... (Ю. Коваль, Суер-Вьер). Пора было разобраться, из-за чего сыр-бор. То в салуне чернокожий Уошингтон Рид всех пугал, теперь эти семеро гномов (Б. Акунин, Долина мечты). Шофер Гриша Иванников смерть как хотел послушать, из-за чего весь сыр-бор, но все трое молчали (Т. Устинова, Персональный ангел). Так не верю я, что весь сыр-бор из-за правописания! (Д. Быков, Орфография). – Какой... Колька? – Да Васин! Из-за которого весь сыр-бор был! (Т. Устинова, Всегда говори «всегда»). А начался весь сыр-бор в конце 2001 года, когда вышеупомянутая компания, владельцем которой является Роман Абрамович, купила у НК «Лукойл» пакет акций «Московского НПЗ» и ОАО «Моснефтьпродукт» (В. Тарасова. Скандал в рамках закона. Вечерняя Москва, 10.10.2002). Однако основной сыр-бор случился в связи с определением результатов «раздвоенного» Гран При (Б. Мурадов. Гран При Бельгии: вверх по лестнице, ведущей вниз. Формула, 15.10.2001). Так и не понял, из-за чего произошел весь этот сыр-бор (А. Яковлев, Омут памяти). Тютелька в тютельку сумма соответствует госкредиту, который дало ему государство и из-за которого и разыгрался весь сыр-бор (В. Громов, Компромат для олигарха). Но, думаю, в какой-то степени весь этот сыр-бор мотивирован эдакой ревностью, что ли (Н. Пеньков, Была пора. Наш современник, 2002, № 6). Сумма-то левая, две штуки всего, не мог этот придурок Юра потерпеть немного... Надо же такой сыр-бор поднимать... (А. Рыбин, Последняя игра). Сыр-бор вокруг ЮКОСа и опала олигархов – весьма ко времени (Иван-дурак и миллиардер Шахновский. Завтра, 2.08.2003). Рассказать в общих чертах, о чем сыр-бор, а готовый сюжет поднести прямо во время эфира (М. Баконина, Школа двойников). Но что же музыка – то самое главное, ради чего мы пришли в оперу, ради чего весь сыр-бор, вокруг чего весь культ Колобова? (А. Журбин, Как это делалось в Америке).

Фольклорное сочетание *сыр-бор* означает ‘сырой хвойный лес’, т. е. ‘лес, растущий на сырых, болотистых местах’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005:

684]. Фразеологизм восходит к пословицам *От искры сыр бор загорался, Загорелся сыр-бор из-за сосенки*, в основе его образности лежит представление о таком природном бедствии, как лесной пожар, являющийся также прямой угрозой для связанных с лесом (бором) по характеру своей трудовой деятельности, месту проживания людей, т. е. для «мира человека». «Постепенно ассоциация с лесными пожарами утратилась, и осколок пословицы стал употребляться в различных самостоятельных вариантах: *затевать сыр-бор, затеялся сыр-бор* и даже *заварился сыр-бор* (ср. *заварилась каша*)» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 684]. Более того, в современном узусе наблюдаем тяготение компонента **сыр-бор** ко все большей «независимости», что проявляется в дальнейшем расширении его сочетаемости с глаголами, перемещением из позиции подлежащего в позицию дополнения (*затевать сыр-бор, поднять сыр-бор*), вариативном управлении в сочетаниях с зависимыми существительными.

Образ фразеологизма строится на основе «природной» метафоры: событие скандального характера, происходящее в человеческом обществе, уподобляется стихийному бедствию.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о конфликтной ситуации, сопровождающейся «взрывом страстей».

С бору да с сосенки [и с бору и с сосенки, с бору по сосенке] означает «отовсюду понемногу». Имеется в виду, что некая совокупность лиц, предметов, абстрактных сущностей набрана из разных мест и в основном как придется, и в результате они не складываются в гармоничное целое, которое поэтому не отличается высоким качеством. Говорится часто с неодобрением.

Речевой стандарт.

Неизм.

В предложении выступает в роли именной части сказуемого или обстоятельства, часто при приставочных дериватах глагола *брать*.

Порядок слов-компонентов фиксированный.

За месяц от нее осталось около трети, но все равно по силе она была не сравнима с собранными с бору да с сосенки, скверно вооруженными дивизиями и бригадами-однодневками (И. Николаев, Последний приказ генерала). Это говорит лишь о том, что американская культура – это некая «сборная мира», где с бору по сосенке собрано всего понемногу и отовсюду, где талантливые люди со всего мира занимаются своим делом, а Америка лишь присваивает себе их достижения (А. Журбин, Как это делалось в Америке). Но и не зная ничего о комбайнах и картошке, братья, будь они слепым случаем занесены в совхоз, мигом догадались бы, в какую беду ввергнуты с членами этой с бору по сосенке собранной общественной комиссии (А. Азольский, Лопушок). Есть малобюджетные зрелища: по дешевке арендованное ДК (или полуразрушенный Театр киноактера), пара известных артистов, набранная с бору по сосенке актерская молодежь, сомнительная пьеса, заполняющая зал окраина – плохо подстриженные молодые люди в турецких кожанах, говорливые кубастые девушки (А. Филиппов, Театр как бизнес. Известия, 22.10.2002). Молодой поэт брал у каждого с бору по сосенке, это естественно (М. Кралин, Двух голосов переключка. Наш современник, 2002, № 6). Мебель в квартире – с бору по сосенке (Д. Гранин, Зубр). Препоясанный вышел из-за колонны, и к нему, отделившись от группы присланных и причудливо одетых – с бору по сосенке, – присоединился черный, местами вытертый пиджак: рядом с препоясанным отец Глеб становился мучителем (Е. Чижова, Лавра).

Слово *бор* в древнерусском языке имело два значения, на основе старшего из которых, ‘сосна’, развилось второе – ‘хвойный (сосновый, еловый) лес’ [Черных 1999: I, 103]. Таким образом, первоначально в основе образа фразеологизма прослеживалась архетипическая оппозиция «большое» и «малое»: *сосенка* = маленькая сосна – и было отражено представление о древнейшей практике собирательства в лесу грибов и ягод – «из-под (народн. с) каждого дерева, большой и маленькой сосны» (ср. с др.-рус. *под дубом и под бором* [Шанский 1997: 112–113]). Вместе с исчезновением значения ‘сосна’ у слова *бор* первоначаль-

чальная образность стерлась, и значение фразеологизма стало «прочитываться» через противопоставление «общего» и «частного», «целого» и «части», что способствовало возникновению и распространению варианта *с бору по сосенке*, в современном узусе безусловно преобладающего²⁵. Компонент **бор**, через который фразеологизм соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры, реализует здесь представление об «адаптированном» человеком для собственных нужд, включенном им в свою хозяйственно-трудовую деятельность пространстве.

Фразеологизм передает стереотипное представление о собранном из разнородных, плохо подходящих друг к другу частей целом и функционирует как эталон невысокого качества такого целого.

Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с компонентами *лес* и *бор* позволяет выделить следующие значения, которыми обладает такая единица, как *лес*, в природно-ландшафтном коде русской культуры: 1) *лес* – «полезное» для человека, в известной степени освоенное им и используемое для удовлетворения определенных потребностей пространство, и, наоборот, 2) *лес* – враждебное человеку пространство, символ потенциальной опасности, угрозы; 3) *лес* – символ непознанного, непонятого, «темного»; 4) *лес* – количественный (очень большое число) эталон. Эти же значения, кроме 3, отмечаются в рассмотренных фразеологизмах у гипонима *бор*.

Поле зрения означает

1. «зона видимости», при этом имеется в виду, что лицо или группа лиц имеют физическую возможность видеть какой-либо объект (объекты), одушев-

²⁵ Не зафиксирован в [ФСРЯ 1978; ФСРЛЯ 1995], но имеется в [ФССРЛЯ 2004; Бирих, Мок-иенко, Степанова 2005]; с другой стороны, видимо, можно утверждать, что вариант *и с бору и с сосенки*, отсутствующий в двух последних словарях, является сейчас редчайшим.

ленный или неодушевленный, наблюдать за происходящим на доступной обзору территории.

Обычно книжн.

Первый компонент может изменяться по падежам, обычно употребляется в Р. п., В. п. или П. п. (чаще всего с предлогами); второй всегда стоит в Р. п.

В предложении выступает в роли именной части сказуемого, редко – дополнения (см. последний пример в 2).

Порядок слов-компонентов фиксированный.

*Она взглянула на него прозрачными голубыми глазами, взмахнула черными ресницами, произнесла: «Проснулись? Доброе утро», широко зевнула, прикрыла рот ладошкой, потянулась и исчезла **из поля зрения** (П. Дашкова, Питомник). Таня перегораживает путь, зато мужчина (это муж Валера) внезапно хватает жену поперек и утаскивает **из поля зрения** (Людмила Петрушевская, Город Света). И пока длились эти пять секунд форы, Витька успел распахнуть кого-то из сидевших перед ним на скамейках, втиснулся между ними и утонул в ребячьем море, скрывшись **из поля зрения** Чекушки (А. Иванов, Географ глобус пропил). Посередине каждой посадочной платформы у спуска на рельсы сидели дежурные, не выпускавшие **из поля зрения** туннели с обеих сторон (Дмитрий Глуховский, Метро 2033). Никто не хохотал, не говорил громко, не чавкал, не пел, не болтал, не стучал вилкой по стакану, не задавал глупых вопросов, не гонял по компьютерному полю супермена, выкрикивая «давай-давай!», не надувал пузыри из жвачки, не матерился, не разваливался в кресле, не рассказывал анекдотов, пока **в поле зрения** был Данилов (Т. Устинова, Одна тень на двоих). Ты слышал его откровения, Коля? Ты мешал ему и если бы объявился **в поле его зрения**, то кормил бы уже червей (А. Альшевская, Пропуск в мужской клуб). Баг в очередной раз огляделся. Народу кругом было хоть пруд пруди, но ни одной особы женского пола, о которой можно было бы, вздрогнув, подумать: «Вот – Зухра!», **в поле зрения** не наблюдалось (Хольм ван Зайчик, Дело независимых дервишей). Лемке достал из набедренного кармана сигарету,*

плавным движением поднес ее ко рту, откусил половинку, сунул под язык и принялся медленно жевать. Он залег грамотно – так, чтобы полностью держать **в поле зрения** доставшийся ему сектор, чтобы ни одна веточка не перекрывала обзор (А. Бушков, На то и волки). Я – как таракан, выбежавший из-под дивана и бегущий пока **вне поля зрения** хозяина квартиры (О. Гладов, Любовь стратегического назначения).

2. «зона внимания», при этом имеется в виду, что лицо (группа лиц, профессиональная, социальная и пр. общность) поддерживает отношения с каким-либо человеком (людьми) либо следит за его жизнью, поступками, или за деятельностью какой-либо организации, институции, или за происходящим в какой-либо сфере науки, культуры и т. п., интересуется некой областью действительности; этот интерес может быть продиктован личными, профессиональными или какими-либо другими причинами.

Таня, забежав на минуту к Козе, прихватила дорожную сумку, коснулась скользким поцелуем Мишкиной макушки и Викиной щеки и исчезла **из поля зрения** Козы на всю оставшуюся жизнь (Людмила Улицкая, Казус Кукоцкого). Единственный оставшийся **в поле зрения** из прежней компании Арам Тер-Айвазян предпочитал общаться по-английски (В Аксенов, Новый сладостный стиль). Будем разбираться в его взаимоотношениях с бывшей женой и мотивами, которые им движут. Ведь он до сих пор не желает выпускать Тоню Потапову **из поля зрения**. Это странно, ты не находишь? (Г. Куликова, Банановое убийство). Просто так мужчины не исчезают **из поля зрения** женщин, которых они любят (А. Маринина, Закон трех отрицаний). За певичей велось постоянное наблюдение, и доктор Тихорецкая, согласившись ее оперировать, автоматически попала **в поле зрения** полковника Райского (П. Дашкова, Херувим). Ловкая бухгалтерша сделала так, что Дом как бы исчез **из поля зрения** официальных властей и при этом еще многие годы находился на государственном финансировании (М. Елизаров, Библиотекарь). Но этот короткий путь тщательно подготовлен трудом многих, чья работа незаметна и никогда не

попадет в поле зрения общественности (Б. Грищенко, Посторонний в Кремле). Процесс освоения социальной реальности историками осуществляется не только путем экспансии (вовлечения **в поле зрения** все новых элементов и связей), но и путем углубления в уже освоенную тематику (И. Савельева, А. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история). Иногда приходится говорить о вещах, казалось бы, абсолютно очевидных, не требующих специальных доказательств и, тем не менее, почему-либо искаженных, спутанных, выпавших **из поля зрения** исследователей (М. Чегодаева, Соцреализм: Мифы и реальность). *Постоянно держите в поле зрения* главную цель (А. Слаповский, Большая Книга Перемен). *Когда-то господин Ванюхин, вероятно, был неплохим сыщиком, но его т-таланты остались в прошлом. Это раз. Слишком самоуверен, что ограничивает поле зрения. Это два* (Б. Акунин, Нефритовые четки).

Образ фразеологизма восходит к архетипической оппозиции «свое» – «чужое», при этом компонент **поле**, через который фразеологизм соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры, символизирует «свое» пространство, обладающее определенными пределами, и эти границы положены ему – вольно или невольно – человеком: через компонент **зрение** фразеологизм соотносится с акциональным кодом культуры.

Образ фразеологизма строится на основе «природной» и пространственной метафор: открытая взору человека территория или круг его интересов уподобляются обладающей такой же «открытостью» природной реалии, как бы простирающейся перед ним.

Фразеологизм в целом выступает как эталонизированное представление об ограниченности зрительного восприятия человека или о его повышенном внимании к кому-то или чему-то.

Не обсевок в поле означает «такой же, как все, не хуже других». Имеется в виду, что кто-либо оценивает себя или другое лицо (реже – объект) как

вполне достойное, не отличающееся от других членов общества в худшую сторону по своим моральным качествам, занимающее не последнее место в социальной иерархии (не выделяющийся из класса однотипных объектов как «дефектный»).

Речевой стандарт.

Неизм.

В предложении выступает в роли предиката (оказионально – определения, см. последний пример).

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

И все же думай, не думай, а на поверку выходит, что счастьем-то я не обделенная оказалась: в семье век доживаю, в чистоте, в сытости, в заботе – не какой-то в поле обсевок (З. Королева, **Не в поле обсевок**). *К сердцу подступила горечь оттого, что в свое время он, Сами, учился кое-как, окончил лишь восьмилетнюю школу и таким, как эти беспечные, довольные собой молодые люди, он уже никогда не станет. Однако и он не обсевок в поле, не последний человек в ауле – и сейчас докажет это...* (А. Аминев, Приговор). *Но жизненный театр порой меняет роли. И вот уже, назло прогнозам воронья, Я тоже человек, а не обсевок в поле, В иные берега влилась судьба моя* (Р. Маргулис, Некролог). *За десять лет до взрыва станичного храма Москва приняла постановление «О неперспективных деревнях». Станица Луковская таковой не считалась. Да и сегодня это не в поле обсевок, есть газ, есть асфальт...* (nexaevka.do.am/forum, 20.02.2010). *Вы уже постоянный покупатель с не обсевок в поле репутацией. Своими своевременными выплатами вы доказали устойчивость своих доходов* (caesaclaquief.blogspot.com, 01.01.2009).

Обсевок – это ‘обойденное при посеве местечко на ниве, незасеянная на пашне полоска’ [Даль 1955: II, 624]. Образ фразеологизма восходит к архетипическим противопоставлениям «свое» – «чужое» и «целое» – «часть», и в нем находит отражение древнейшая трудовая земледельческая практика. Принадлежащий природно-ландшафтному коду культуры компонент **поле** символизи-

рует «чужое» пространство, но, будучи включенным человеком в сферу его жизнедеятельности, став «обработанной землей», делается «своим», однако не полностью, «пропущенная» частица этого пространства остается «чужой».

Образ фразеологизма строится на основе метафоры: по каким-либо причинам относимый к маргинальным человек или объект уподобляется бесполезному (поскольку не обработан, не возделан) клочку земли.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о человеке (объекте), являющемся полноценным членом общества (обладающем теми же качественными характеристиками, что и однотипные объекты).

Помимо отмеченных выше культурных значений *поля* как 1) символа «чужого» и 2) «своего» пространства, в которых проявляется амбивалентность этой единицы природно-ландшафтного кода, при анализе фразеологизмов *одного поля ягоды* и *ищи ветра в поле* отмечается также символическая связь *поля* с «простором, раздольем, бескрайней ширию» [БФСРЯ 2006: 282].

Со дна моря [морского] доставать / достать // на дне моря [морском] найти [отыскать] кого / что означает «обнаружить где угодно и невзирая ни на какие трудности», при этом имеется в виду, что лицо (группа лиц) (**1**) готово приложить любые усилия, чтобы раздобыть нечто, требующееся ему или – чаще – другому лицу / лицам (реже – найти кого-то); (**2**) обладает возможностями, позволяющими ему доставать (получать, приобретать) то, что недоступно другим; (**3**) не хочет оставить кого-то в покое, намеревается преследовать этого человека (людей), где бы тот (те) ни находился (в отличие от (**1**), подразумевается, что тот, кого ищут, не хотел бы быть обнаруженным), часто говорится с угрозой.

Речевой стандарт. Синонимы *из-под земли достать; под землей найти* (для **3**); *луну / звезду с неба достать* (для **1** и **2**).

Именная часть неизменяемая.

Используются преимущественно формы простого будущего времени (СВ).

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов нефиксированный.

(1) Скажи, мол, ей, что нет ничего такого, чего я не мог бы исполнить для нее, я **достану со дна морского** все, что она захочет! (В. Катанян, Прикосновение к идолам). Знают ли молодчики мадам Фанг, что именно оказалось у них в руках, или просто позарились на невиданную штуку, как сороки на блестящую безделушку? Если нет, то они могут выбросить капсулу к чертовой матери, как только убедятся в ее полной бесполезности, – но и в этом случае группе предстоит **достать** выброшенное хотя бы **со дна морского**. Задача поставлена ясно и недвусмысленно – без фотопленки хоть домой не возвращайтесь... (А. Бушков, Пирания-2). Олег выставил ладони: – <...> Я хочу, чтобы члены Совета выслушали не только твои горячие речи, но и мои... не столь пламенные. <...> – Хорошо, – выдохнул Яфет. – Я их соберу, даже если придется **доставать со дна морского!** Готовь свои доводы (Ю. Никитин, Башня-2).

(2) Связи борца с бандитизмом позволяли ему **достать** хоть перстень **со дна моря**, но одно то, что его подключили, однозначно говорило о том, что сам Смирнов с задачей не справляется (С. Таранов, Черт за спиной). Неужели, – сказал Анатолий оскорбленно, – я похож на человека, который покупает лотерейные билеты? – Сверхтренированный, всегда знающий что делать, он, по мнению Бориса, конечно же, не был покупателем лотереек. Сам вырвет все, что захочет, **со дна морского достанет**, если возжелает... (Ю. Никитин, Убить человека).

(3) Фонарь освещал только крыльцо. Пас ткнул в кнопку звонка, и почти сразу изнутри послышался низкий женский голос, помянувший барракуду. Потом донеслось гораздо отчетливей: – Кого еще принесло <...>? **Со дна морского достанут**, чтоб их десять раз в ил закопало! (Д. Янковский, Правила подводной охоты). Я ж тебя, поганца, **на дне моря отыщу**, если с их благородием что не так будет! (И. Ратушинская, Одесситы). Если они узнают,

что я про них языком трепал, то мне никакое золото не поможет, **на дне моря-океана сыщут** (С. Шхиян, Крах династии).

Образ фразеологизма восходит к архетипическим оппозициям «своего» и «чужого», «верха» и «низа». Мотив вынужденного «отправления» героя на дно моря (или озера, – в диалектах слово *море* могло также означать «озеро» [Фасмер 1986: II, 654]), во владения Морского (Водяного) царя, встречается в русском фольклоре в новгородских былинах о Садко, в волшебных сказках о Василисе Премудрой и Иване-царевиче и пр.; возвращение из «подводного царства» – «чужого» мира в «свой» мир – на «святую Русь» (см., например, [Сказки 1988: I, 436]) всегда сопряжено с трудностями: Морской царь своей волей никого не отпускает, выбраться оттуда самостоятельно, без помощи волшебства, невозможно (ср. также пословицу *Материнская молитва со дна моря вынимает* [Михельсон 1994а: I, 539]).

Образ фразеологизма строится на основе пространственной метафоры в сочетании с гиперболой: процесс поиска предмета или человека уподобляется спуску в морские глубины до крайнего предела – дна.

Фразеологизм в целом передает эталонизированные представления о намерении или возможности, несмотря ни на какие трудности, получить искомое, будь то предмет или человек.

Море по колено кому означает «все очень легко, не стоит никаких усилий; ничего не страшно». Имеется в виду такое поведение или душевное состояние лица (группы лиц), когда оно (они) совершает или готово совершить отчаянные, безрассудные поступки, ничего не боясь, не опасаясь никаких последствий, будучи уверено в своей полной безопасности, безнаказанности или считая, что для него (них) нет ничего невозможного, недостижимого. Говорится часто с неодобрением.

Речевой стандарт. Синоним (*сам*) *черт не брат*.

Неизм.

Используется в основном в настоящем и прошедшем времени.

Выступает в безличном предложении в роли сказуемого.

Порядок слов-компонентов фиксированный.

*Начинается детектив. Кулик тащит у пьяного Пшукова связку ключей, крадет сумку из квартиры Бурдовой и буквально вкладывает эту сумку в руки Пшукова. Рассчитано точно: у Пшукова душа горит, ему надо опохмелиться. Пшуков в запое, ему **море по колено** (А. Гладилин, Домовой ЖЭКа № 13). Он успел уже прилично заложить за воротник, и теперь ему было **море по колено** (Э. Володарский, Дневник самоубийцы). Молодецкого настроения, когда **море по колено**, уже не бывает (Э. Матонина, Портрет Александра в Левендянском интерьере). Нам было **море по колено**, даже штормовое (Г. Шергова, Об известных всем). Я точно знаю, она теперь занялась иконами, – говорит старшина. – С иностранцами, конечно, связалась. Ей **море по колено**... Но все равно – где-нибудь сцапают ее, голубушку (В. Маканин, Погоня). Настоящему психотерапевту и **море по колено**. Причем до такой степени, что лечить интернет-зависимость доктор Янг предпочитает через Интернет (Л. Аронова, От Интернета спасения нет? Комсомольская правда, 13.03.2001). Но на деле это бессмысленная комедия, делающая отцов в глазах детей скучными или – что еще хуже – потешными: ведь их дети молоды, полны сил, и им, следовательно, **море по колено**, а потому им смешны надменные и властные гримасы бессильного и дряхлого старца, напоминающего пугало на огороде (Я. Голованов, Заметки вашего современника. Комсомольская правда, 15.07.2003). Чего стоят, например, его персонажи, которым и **море по колено**, и жертва – не жертва, и деньги – не деньги, а всего лишь пыль, – их всегда можно прокутить в пьяном угаре, а потом вновь накопить, обманывая других (Л. Лебедина, В Ленкоме играют «Ва-банк». Труд-7, 12.11.2004). Президент СССР шел на уступки Западу при отсутствии для Западу иной, альтернативной угрозы – и наши соседи, возомнившие, что теперь им **море по колено**, в качестве благодарности от-*

платили вторым изданием «холодной войны» (М.Соколов, Календарные споры. Известия, 24.10.2001).

Фразеологизм восходит к пословице *Пьяному (и) море по колено*. «Усечение» первой части, указывающей на конкретную причину (алкогольное опьянение) «неадекватного» поведения или состояния человека (людей), значительно расширяет контекст употребления фразеологизма. Через компонент **море** образ фразеологизма соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры, в котором **море** выступает как мера (эталон) невероятно большого количества, объема – как в «горизонтальном», так и в «вертикальном» измерении, а также символизирует «чужое», следовательно, потенциально опасное пространство. Через компонент **колено** образ фразеологизма соотносится с соматическим (телесным) кодом, где **колено** как элемент телесного низа также несет метрическую функцию, являясь отметкой минимальной (в данном случае) величины на «вертикальной шкале».

Образ фразеологизма строится на противопоставлении «крайне большой» и «весьма малой» метрических единиц. В основе образа фразеологизма также лежит метафора в сочетании с литотой: безудержная лихость, шальное поведение, состояние, когда все нипочем, уподобляется заведомо обреченной на неудачу попытке пересечь пучину на не представляющей никакой опасности глубине.

Фразеологизм в целом передает стереотипное представление о человеке, который пребывает в состоянии куража, бравады или испытывает иллюзорное ощущение собственного всемогущества, и играет роль эталона бесшабашной смелости или глупой удали.

Море разливанное [разливное] означает

1. «огромное количество, невероятное обилие» *кого / чего*, при этом имеется в виду наличие в избытке неких предметов, веществ, явлений, качеств и свойств и пр., а также лиц, живых существ.

Речевой стандарт. Синонимы (*хоть*) *пруд пруди, как деревьев в лесу*.

Употребляется с конкретными и абстрактными, исчисляемыми и неисчисляемыми, неодушевленными и одушевленными зависимыми существительными; зависимое слово может опускаться, но в этом случае обязательно наличие обстоятельства (локума), которое имплицитно содержит информацию о том, какого рода изобилие имеется в виду (см. последний из приводимых ниже примеров).

Выступает в роли именной части сказуемого, подлежащего, дополнения.

Порядок слов-компонентов нефиксированный, однако прилагательное чаще стоит в постпозиции.

*Там водки **море разливанное!** – со смехом сказал кто-то* (Д. Липскеров, Сорок лет Чанчжоэ). *Сегодня экструдированных хлебцов на хлебном рынке **море разливанное*** (Семейный доктор, 15.10.2002). *Будильников сейчас – **море разливанное**. От простых китайских одноразовых до летающих под потолком несбиваемых монстров* (ny.passion.ru, 2010). *Более того, если уровень преступности в МВД снизить еще в 10 раз <...>, то у журналистов и либералов всё равно будет **море разливанное** поводов для истерики* (форум avanturist.org, 17.03.2010). *Экономика распадалась на влачащий дотационное существование бюджетный сектор, на помпезные особняки новых бизнесменов, у которых неизменно находились родственники при должностях, и на **море разливанное** неформальной экономики выживания посредством приусадебного хозяйства, барахолок, частного извоза и шабашиничества* (Г. Дерлугьян, Нальчик как российский Андижан? Известия, 18.10.2005). *Ю. Гусман: Я убежден, что это плата за беспредельное **разливное море** демократии <...> – М. Гананольский: Только не «разливное». Разливным бывает вино. – Ю. Гусман: **Разливанное и разливное море** демократии.* (Радио «Эхо Москвы» echo.msk.ru, 08.03.2008). *Откуда в такой крупной фигуре, во всем его мощном облике, напоминающем одновременно Петра Великого, Бальзака и Портоса, в его массивных, заскоруженных руках плиточника это **море разливанное** нежности, эти полуосязаемые,*

пронзительные переливы чувствительности? (С. Казначеев, Ростом вышел паренек. Труд-7, 28.02.2001). На фестивале «МАМАКАБО-2007» с песнями, спетыми а capella, Машиа Лапишина «держала» зал так, как, порою, не под силу вполне зрелым и взрослым артистам. И дело тут даже не в «детском обаянии», хотя его у юной певицы **море разливанное**, – поражает уровень владения голосом, артистизм, профессионализм, а главное, умение очень искренне и тонко передать залу эмоцию песни, ее тайную суть (livemusicstown.ru, 2007). Ругаетесь? А чего ругаетесь? Таких книг и авторов – **море разливанное** (budo-forums.ru, 03.02.2010). Ну а если эта ниточка оборвется, придется уже не за ниточку тянуть, а вычерпывать **море разливанное** тех, кому было выгодно исчезновение Ивашникова (О. Некрасова, Платит последний). **Море разливное** путников в Архызе и в нынешнем году (<http://clubhotelsunbel.com/news/39/>). Не знаю, может, на питерских рынках **море разливанное**, но по сравнению с московскими местный рынок, на мой взгляд, абсолютно не проигрывает (russiancyprus.info, 17.09.2004).

2. «празднество, пирушка, гульба, пьянка». В этом значении фразеологизм употребляется реже.

В отличие от Рождества в семейной обстановке здесь всегда **море разливанное** и дым коромыслом (П. Волпянский, Йоулупукки – самый шустрый. Труд-7, 27.12.2002). Ровно год назад я приехал в аспу сдавать документы. После оформления в УАиД поднялся на кафедру... дело было уже после обеда. Короче, **море разливанное**... <...> Бутылки стояли батареями, закуска – штабелями (aspirantura.spb.ru/forum, 30.08.2010). Дегустация состоит из 6 видов шампанского грамм по 60, так что не рассчитывайте на **море разливанное** (anapa-south.ru, 2008).

Отмечается, что выражение *море разливанное* «первоначально употреблялось по отношению к разлитому в бокалы вину» [Бирих, Мокиенко, Степано-

ва 2005: 448]²⁶. Для современного русского языкового сознания прилагательное, по-видимому, в первую очередь соотносится с глаголом *разливаться / разлиться* в значении 2. 'выйти из берегов' [Ожегов 1986: 562]. Образ фразеологизма соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры, в котором **море** выступает как мера (эталон) чрезвычайно большого количества, объема; адъективный же компонент «подкрепляет» и усиливает это квантификативное содержание.

Образ фразеологизма строится на основе метафоры в сочетании с гиперболой, при этом первоначальная метафора, легшая в основу образа, для современного языкового сознания оказывается неактуальна и заменяется другой «природной» метафорой, уподобляющей какого-либо рода изобилие вышедшему из берегов, бескрайнему морю.

Фразеологизм в целом играет роль 1. количественного (очень большой меры) эталона и 2. связанного с ним стереотипного представления о разгульном кутеже.

Ключом (за)бить [(за)кипеть] означает «очень активно, бурно проявляться», при этом имеется в виду (1) насыщенная событиями, энергичной деятельностью людей жизнь в целом или отдельная ее сфера; (2) чувства, эмоции, «жизненные соки», творческие способности лица (лиц).

Речевой стандарт. Синоним *бить через край*.

Именная часть неизменяемая (Т. п.).

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов нефиксированный, однако обычно компонент *ключом* стоит в постпозиции к глаголу.

²⁶ В [ФСРЯ 1978: 254; ФСРЛЯ 1995; ФССРЛЯ 2004] отмечается, что данный фразеологизм в первом своем значении употребляется, когда речь идет об алкогольных напитках, и имеет дополнение в родительном падеже, выраженное неодушевленным существительным с соответствующим значением. Однако в современном узусе этот контекст является ни в коей мере не единственным и даже, видимо, не преобладающим, а лишь одним из возможных, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры употребления фразеологизма.

(1) Это только кажется, что за пределами третьего транспортного кольца жизнь останавливается, – пусть она и не **бьет ключом**, как в Центре, но уж сонным царством ее сегодня не назовешь (Мир & Дом. City, 15.02.2004). Ребята, там, где **бьет ключом** общественная жизнь, кончается искусство! (Е. Весник, Дарю, что помню). Вот появится фестиваль дворца, о необходимости которого не устает повторять президент ММКФ Никита Михалков, тогда светская жизнь и **забьет ключом**, а пока... (Л. Павлючик, И немного лапши в придачу. Труд-7, 2.06.2005). Жизнь тут **кипела ключом**, даже странно было представить то сонное царство, которое Андрей оставил позади (Т. Набатникова, День рождения кошки). (2) Вместо того чтобы застенчиво присмиреть и вникнуть в брожение внутри себя, жизнь в ней и вовсе **забила ключом**, и теперь, спрятавшись рядом с ним где-нибудь в колючем кустарнике, женщина требовала от него разрешить ей пальнуть самой, а когда ей доводилось попасть, он замечал в ее глазах новый и злой восторг, от которого ему, мужчине, делалось не по себе (А. Черчесов, Венок на могилу ветра). У молодых дизайнеров фантазия **бьет ключом**, не зная границ и пределов дозволенного (Комсомольская правда, 13.11.2007). Я тоже поражаюсь той силе увлеченности, которая **била ключом** из Андрея Курбатова (Ю. Азаров, Подозреваемый). Ненависть, ничем не прикрытая, здесь **бьет ключом** из каждого слова (С. Куняев, И Свет и тьма. Наш современник, 15.05.2004). Вам, вероятно, встречались полные женщины, из которых энергия буквально **бьет ключом**? (Здоровье, 15.03.1999).

Образ фразеологизма восходит к архетипической оппозиции «внутри» – «снаружи» и соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры через компонент **ключ** – водяной источник, «отпирающий недра земли» [Даль 1955: II, 122], а глагольный компонент указывает на то, что скрытое под спудом стремительно, с силой прорывается наружу.

Образ фразеологизма строится на основе сравнения: бурное протекание, проявление какого-либо процесса (во внешнем по отношению к человеку, но

вовлеченном им в сферу своей жизнедеятельности мире или же во внутреннем его мире) уподобляется бьющему из земли роднику (*ключом = как ключ*).

Фразеологизм в целом функционирует как эталон (1) кипучей деятельности либо (2) очень высокой степени проявления чувств, неких внутренних состояний, качеств и свойств человека.

Чистый родник чего означает «незамутненный, прозрачный источник», при этом имеется в виду, что то или иное событие, явление, место, объект, реже – лицо аккумулирует в себе некие значимые ценности, представления, качества, которые могут быть восприняты другими лицами.

Книжн.

Может употребляться без зависимого слова.

В предложении выступает в роли подлежащего, именной части составного сказуемого, дополнения.

Порядок слов-компонентов нефиксированный, однако обычно прилагательное стоит в препозиции.

На одном дыхании прошел этот замечательный открытый урок. И очень правильным было его название – «Духовные родники Подмосковья», ведь в нем к чистому роднику отеческой веры смогли припасть его многочисленные участники. Верится, что среди этих ребят было немало тех, кто со временем и сам изберет подвижнический путь учителя (Чистый родник веры, сайт Московской епархии РПЦ therag.ru, 21.05.2010). Кабы не боязнь замшелых штампов, можно было бы написать, что в Шаганове есть и душа – горящая свеча, и чистый родник – таланта (Комсомольская правда, 04.04.2007). Прикосновение душой к чистому роднику русской святости – «пречудному острову Валааму» – стало для меня одним из самых ярких жизненных впечатлений (Комсомольская правда, 24.12.2002). Дескать, там уже давно не чистый родник мысли и духа, а одно болото (И. Трегубов, Европа занялась самопожиранием. РБК Daily, 08.07.2004). Для меня она – чистый родник России во всем: и в

нравственном смысле, и в творческом, и в человеческом. Никто не сделал для меня того, что сделала Валечка (сайт радио «Финам FM», 22.03.2010). *Школа, ты чистый родник светлых знаний...* (сайт vigovskiyy.primkray.ru, 10.02.2009). *Каждая такая встреча – это немеркнувшее ощущение от прикосновения к кристально чистому роднику, к вечности...* (Народное творчество, 16.02.2004).

Образ фразеологизма восходит к архетипической оппозиции «чистый» – «грязный» и соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры через компонент **родник** – текущий из глубины земли водный источник. «К родникам и криницам <...> издревле обращались с мольбою о дожде: от них, следовательно, ожидали и просили изобилия плодов земных» [Афанасьев 1983: 196], родниковую воду использовали для различных магических действий, в народной медицине она наделяется лечебными свойствами [Там же: 197]; и по сей день родниковая (ключевая) вода считается лучшей питьевой водой, не просто безопасной, но и полезной для человеческого организма. Прилагательное **чистый** выступает как постоянный эпитет, усиливающий это представление: родник вообще не бывает грязным, его можно только замутировать или испоганить (ср. невозможность в русском языке словосочетаний *грязный родник, *грязный ключ). Каждый может черпать из родника, при этом он нисколько не оскудеет (ср.: *кладезь премудрости*).

Образ фразеологизма строится на основе метафоры: ценности из духовно-нравственной и интеллектуальной сферы уподобляются живительным родниковым струям.

Фразеологизм в целом функционирует как символ неиссякаемого источника, средоточия возвышенных, благородных, «светлых» идей, понятий, представлений и т. п.

(Хоть) пруд пруди означает «очень много, огромное количество». Имеется в виду обилие неких лиц, предметов, объектов, явлений, событий, абстрактных сущностей и пр. Обычно подразумевается, что из-за такого большого их

количества они не представляют особой ценности для говорящего или третьего лица.

Разг. Синоним *море разлитое* 1.

Неизм.

Выступает в роли именной части сказуемого в безличном предложении.

Порядок слов-компонентов фиксированный.

*Нынешнему экскурсанту это обстоятельство как-то безразлично, тем более что любых яблок в любое время года в лавках и на рынках **пруд пруди** (Б. Грищенко, Посторонний в Кремле). Торговец не обманул, все работало лучше некуда, серия «ООО» оказалась представлена в полном объеме, «Мерседесов» там было **пруд пруди**, но красный кабриолет оказался один-единешенек, и владел им Кольчужкин Марлен Фридрихович, здесь же был дан и его адрес (Д. Донцова, Уха из золотой рыбки). Не развлечет ее кукла, – печально вздохнула Фея Жасмина, – она же прин-цес-са! У нее этих кукол – **пруд пруди!** (Т. Рик, Лекарство от плохого настроения). Как будто она не улетала завтра, как будто впереди у них – **пруд пруди** таких вот, как этот, вечеров (И. Безладнова, Дина). В контексте же театра вообще, где врут сегодня часто и отличить ложь от правды непросто; где мнимостей – **пруд пруди**, а сострадание (если уж мы цитируем Достоевского) «даже наукой воспрещено», новый спектакль Ленкома звучит не просто актуально, а вызывающе (Театральная жизнь, 28.06.2004). Здесь-то, в клубе, мужского пола было **пруд пруди**, но что это были за мужчины! (О. Зайончковский, Счастье возможно: роман нашего времени). Ничего особенно подозрительного Артему углядеть в нем не удалось: по виду его собеседник походил на обычного челнока, которых на Рижской было **хоть пруд пруди** (Д. Глуховский, Метро 2033). А когда по примеру матери Терезы она вышла на улицы, чтобы помочь всем сестрам, нуждающимся в помощи, которых, как оказалось, **хоть пруд пруди** на любой станции метро, и начала с того, что подобрала пьяную женщину, – ее, Розочку, тут же арестовали и посадили в СИЗО «по подозрению в грабеже пьяных лиц» (В. Слипенчук, Зинзи-*

вер). *Итак, господа, с самого детства я мечтал стать адептом чистого зла. <...> Я, однако, вполне понимал – таких начинающих магистров тьмы в городе пруд пруди. Было ясно, что надо чем-то от них отличаться...* (В. Пелевин, *Ананасная вода для прекрасной дамы*).

Глагол *прудить* означает ‘перегораживать плотиной (реку)’, а *пруд* – это ‘искусственный водоем в естественном или выкопанном углублении, а также запруженное место в реке’ [Ожегов 1986: 545]. В основе образа фразеологизма лежит «строительная» метафора: запруживали реку в основном землей и камнями, которые требовались в большом количестве. Это отразилось и в первоначальном сочетании фразеологизма с творительным падежом: *хоть пруд пруди кем / чем*. Однако со временем «творительный падеж был вытеснен родительным, что было обусловлено все большей абстрагированностью оборота и влиянием семантического поля ‘много чего-л.’» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 578].

Метафора, на которой был построен образ фразеологизма, неактуальна для современного русского языкового сознания. Внутренняя форма фразеологизма сейчас толкуется приблизительно так: «столь много, что можно заполнить пруд»²⁷; здесь на первый план выходит такое значение глагола *прудить*, как ‘лить много, выпускать струей’ [Даль 1955: III, 529].

Фразеологизм в целом играет роль количественного (очень большой меры) эталона.

Рекой [ручьём, ручьями] течь [литься, струиться и под.] означает «источаться обильно». Говорится *(1а)* об обильном выделении различных секреторных жидкостей (безудержный плач, сильное потоотделение и т. д.), *(1б)* о потоках жидкостей любого иного рода; *(2)* о чем-то, что поступает куда-либо массово, в очень большом объеме, количестве и / или непрерывно.

Речевой стандарт. Синоним для *(1а, б)* – *в три ручья*.

²⁷ По данным проведенного нами пилотажного опроса.

Именная часть неизменяемая (Г. п.).

Глагол используется в форме 3 лица ед. и мн. ч.

В предложении выступает в роли предиката.

Порядок слов-компонентов нефиксированный, однако обычно существительное стоит в постпозиции к глаголу.

(1а) *От палящего зноя и напряжения пот лился ручьем, заливая глаза. Белый песок ненавистной арены был щедро расчерчен красными росчерками. Кровь соперницы лилась ручьем, она же вновь не получила ни единой царапины* (М. Милованова, Ролана. Волчьей тропой). *Она бросила прицел на кровать, ее затрясло, слезы многолетней обиды потекли ручьем* (О. Некрасова, Платит последний). *Синтетическая одежда из полиэстера, полиамида, акрила, эластана и т. д. для жары категорически не подходит. В ней кожа не дышит, духота переносится гораздо сложнее, пот льется ручьями, потому что тело под такой тканью находится словно в теплице* (www.bizbi.ru, 20.07.2011). (1б) *Она улыбается гостям, хорошая жена и хорошая хозяйка. А вино льется рекой. И Светик даже не спрашивает, на чьи деньги эта река, – ясно, на чьи* (В. Маканин, Погоня). *Чешская пивница, господа, – ресторация, а не паб с чипсами и сэндвичами: здесь пиво течет рекой, огромные сочные шпекачки истекают соком, дымится тушеная капуста, плюются жиром шипящие шкварки на ребрышках* (Известия, 22.11.2002). *В Дегтярске вода буквально ручьем льется на головы жильцам одной из квартир* (tvc.ru, 29.03.2011). *Заметил, что внизу двигателя, под коллектором бензин хлещет ручьем, из какой-то круглой «штуковины», которая находится слева от турбины!!! Что делать???* (форум saabclub.su, 29.06.2009). (2) *Выборы превращаются в политическую олимпиаду, где важно если не победить, то поучаствовать в разудалом празднике, когда деньги текут рекой* (АиФ, 12.03.2003). *Казалось бы, для нашей страны все складывается хорошо: нефтедоллары текут рекой, на фондовом рынке подъем* (Известия, 08.11.2007). *Уладятся семейные конфликты, с новой силой вспыхнет старая любовь, ваши заслуги оценят окружающие, что приведет к*

небывалому взлету в карьере. Прибыль **потечет рекой** (Столица, 15.07.1997). Между тем из Прибалтики в Россию уже больше десятка авто **текут рекой**: изо дня в день, тысяча за тысячей (Труд-7, 13.07.2007). Дело в том, молодые люди обычно все откладывают на последний день и не исключено, что 31 июля, когда наступит последний срок сдачи работ, сценарии начинающих уральских кинематографистов **потекут рекой**, – прокомментировала директор кинокомпании (nr2.ru, 09.07.2005). Значение отдельной темы, музыкальной фразы умалено до предела. Важно то, что он творит с ними. Наслаивает и смещает, понукает голоса бежать друг за другом; интервалы видимы и слышимы – пространство **льется ручьем** (А. Балдин, Музыка льется снаружи, ps.1september.ru). Они «высасывают» из страны все что можно, и благодаря тому, что было сделано до них... Может, они реконструировали колхозное хозяйство? и сельхозпродукция наконец-то «**полилась ручьями**»? (форум gambler.ru, 23.07.2005). Дни **струятся ручьем**, Молодость позади. Не сожалей ни о чем и ничего не жди (А. Добрынин, Дни струятся ручьем).

В образе фразеологизма отражаются архетипические противопоставления «движение» – «статичность» и «много» – «мало». Слова-компоненты **река** / **ручей**, являющиеся именованьями двух разновидностей проточных вод, различающихся по объему, размеру, принадлежат к природно-ландшафтному коду культуры, в котором это различие в их значениях снимается, из гиперогипонимических их отношения переходят в парадигматические: они становятся синонимами и получают одно и то же квантификативное содержание – «очень много».

Образ фразеологизма строится на основе сравнения: жидкие, «текучие» или имеющие иную «субстанциональную природу», но находящиеся в некоем «поступательном движении» сущности уподобляются проточным водам (*рекой, ручьем, ручьями* = как река, ручей, ручьи).

Фразеологизм функционирует как количественный (очень большой меры) эталон.

В три ручья означает то же, что *рекой [ручьём, ручьями] течь... (1)*²⁸.

Речевой стандарт.

Неизм.

В предложении выступает в роли обстоятельства, именной части сказуемого, несогласованного определения.

Порядок слов-компонентов фиксированный.

Слезы у Лидии полились в три ручья (О. Некрасова, Платит последний).
Иду через двор, а ко мне навстречу дворничиха, девка молодая, вопит, ничего сказать не может, глаза выпучила и протягивает мне оранжевый сверток. Я говорю, мол, чего орешь, дура, я не понял, чего орешь-то. <...> А она ревет, слезы в три ручья, и лопочет, мол, возьмите, возьмите у меня, не могу (П. Дашкова, Питомник). *Она рыдала в три ручья, не стесняясь прохожих* (Т. Тренина, Русалка для интимных встреч). *Это было уже невыносимо – думать о родителях, и он бы заревел в три ручья, если бы она не заговорила снова...* (Е. Хаецкая, Хальдор из светлого города). *Он буквально выл, обливаясь слезами. Слюни текли в три ручья. Я испугался – что это, такой странный*

²⁸ На первый взгляд, и (2) тоже, о чем, как может показаться, свидетельствуют следующие примеры: *Он приходит в место, где ему должно петься, Место занято, он стоит по соседству, В три ручья из глаз тишина, Время сладко шепчет новые сказки, И, прикрыв ушами свиные глазки, спит большая, как кит, страна* (Машина времени, Пой). *Я. Ниспадающая. Ничья. Беспрекословная, как знаменье. Вздорная. Волосы в три ручья* (В. Полозкова, Я. Ниспадающая...). *Встали волхвы перед Ним с дорогими дарами И поклонились Ему в три ручья бородами* (Ю. Кузнецов, Детство Христа). Однако представляется, что здесь мы скорее имеем дело с окказиональным авторским употреблением фразеологизма, художественным его переосмыслением; во всяком случае, нам не встретилось подобное его использование вне «поэтического дискурса» (ср. также в «Балладе о детстве» В. Высоцкого, 1975 г.: *И било солнце в три ручья, сквозь дыры крыши просеяно, На Евдоким Кириллыча и Гисю Моисеевну*). В первом из приведенных примеров – *в три ручья (из глаз) тишина* апеллирует к широко употребляемому *слезы в три ручья (из глаз)*. В следующем примере компонент **три** имеет не обобщенное, а конкретное значение (три волхва → три бороды); вероятно, это относится и к последнему примеру: *волосы в три ручья* – длинные пряди на спине и перекинутые через плечи; аналогичное обыгрывание внутренней формы фразеологизма наблюдается и в следующем примере, почему он и не был использован в качестве иллюстративного: под заголовком «Мултон» *разливает соки в три ручья* содержится информация о том, что Фирма «Мултон» поставила третью линию по производству соков под торговой маркой Niko (www.dp.ru, 17.12.1997).

припадок? (Г. Николаев, Вещие сны тихого психа). *Хоккеисты, истекая потом в три ручья, бегали с огромными тяжелыми баллонами, привязанными к ногам* (Комсомольская правда, 05.02.2001). *Виктор перевел занявшееся дыхание; с него и с Мальчика текло в три ручья, падающие струи звонко журчали, река под брюхом коня рябила и расходилась кругами, как под крупным дождем...* (С. Бабаян, Ротмистр Неженцев). *Тайка еще плотнее прилипла к зажелтевшему бычьему пузырю, а дождь-то нюнится в три ручья, совсем закрасил волоковое оконце небесной водой, и потому ничегошеньки нельзя на улице выглядеть* (В. Личутин, Скитальцы).

К комментарию, представленному в *рекой [ручьем, ручьями] течь...*, следует добавить, что данный фразеологизм соотносится также с числовым кодом культуры через компонент **три**. В мифологии славян троичная числовая структура принадлежит к ряду целостных числовых структур и несет большую символическую нагрузку [Славянская мифология, 1995: 8]; это отражено, в частности, в русской фольклорной традиции, где число **три** имеет обобщенное значение необходимой полноты, завершенности, а также магического повторения, усиления.

Образ фразеологизма построен на основе метонимического переноса в сочетании с гиперболой: «исторжение» жидкости (в первую очередь связанной с физиологией живого организма, в основном человека) уподобляется быстро текущим полноводным ручьям.

Фразеологизм в целом функционирует как количественный (очень большой меры) эталон.

Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологизмов, соотносимых с природно-ландшафтным кодом через лексемно-компоненты с «водной семантикой» – названия водоемов, источников, позволяет сделать следующие выводы. В «языке культуры» такие единицы, как *море, пруд, река, ручей, ключ, родник*, выполняют роль эталонов (первые четыре – мера большого объе-

ма, количества²⁹, *ключ* – мера полноты проявления процесса, качества, свойства и т. п.; *родник* – эталонное воплощение высоких духовных и интеллектуальных ценностей). *Море* также выступает как символ «чужого», потенциально враждебного пространства, что, помимо рассмотренных выше, проявляется и во фразеологизме *ждать у моря погоды*, значение которого «происходит от практики мореплавания: при бурном море, непогоде суда не отправляются в плавание» [БФСРЯ 2006: 634], так как это смертельно опасно. *Река* тоже может символизировать «чужой», «другой» мир, что отражается в образе фразеологизма *молочные реки, кисельные берега*, который «восходит к фольклорным сказочным текстам, согласно которым молочные реки, кисельные берега находятся в царстве мертвых, на том свете, очень далеко от “мира своих”» [БФСРЯ 2006: 386]³⁰ (вероятно, поэтому данный фразеологизм часто употребляется с иронией: как и *золотые горы, молочные реки с кисельными берегами* – нечто нереальное, «не от мира сего»).

2.4. Отражение кода культуры в поговорках

Паремиологический фонд языка представляет собой важнейший источник лингвокультурологической информации. «В основе большинства поговорок лежат элементы, репрезентирующие оценку содержания с культурной точки зрения» [Барли 1984: 136]; поговорки «безраздельно властвуют на уровне коллективного бессознательного в умах многих поколений людей как уникальный способ организации, хранения и репрезентации знаний народа в языке» [Сергина 2011: 73]. В данном параграфе мы ставим своей целью проследить, как проявляется мифологическое значение исследуемых нами единиц природно-

²⁹ Помимо описанных нами фразеологизмов с компонентом *море*, это значение проявляется во фразеологизме *капля в море*, см. [БФСРЯ 2006: 326–327].

³⁰ Ср.: «В сказках и обмираниях в загробном мире текут молочные реки, причем это молоко может быть предназначено специально для умерших грудных детей» [Славянская мифология 1995: 333].

ландшафтного кода в паремиях, в компонентный состав которых входят соответствующие лексеммы – наименования элементов ландшафта.

Материалом для исследования послужили словари и сборники русских пословиц и поговорок [Аникин, 1988; Даль 2000; Жуков 1998; Пермяков 1988: 154–166], а также другие источники [Даль 1955; Михельсон 1994а, 1994б; Мок-иенко 1999]. Корпус исследуемого материала составил более 300 паремий. Сюда вошли в том числе и архаичные примеры (согласно Л.Б. Савенковой, примерно три четверти бытовавших в середине девятнадцатого века пословиц и поговорок неизвестны современным носителям русского языка [Савенкова 2002]), поскольку они несут определенную «память языка» и отражают особенности национального мировосприятия.

Методом интерпретации отобранных пословиц и поговорок нами было выявлено 3 группы: 1) паремии, в которых преобладающим является представление о природе как освоенном человеком, включенном им в хозяйственно-трудовую практику – «своем» – пространстве, 2) паремии, в которых единицы природно-ландшафтного кода культуры символизируют «чужое», противопоставленное «своему» пространство или границу между двумя пространствами – «своим» и «чужим» и 3) паремии, в которых на первый план выступает эталонная функция единиц природно-ландшафтного кода как количественной меры; внутри названных групп были выделены более конкретные подгруппы.

Следует заметить, что это деление в известной степени условно, поскольку входящие в состав паремий единицы природно-ландшафтного кода культуры полисемичны (и даже амбивалентны) и часто в одной паремии можно заметить проявление нескольких их значений. Наша классификация строится на том, какое из этих значений (иначе говоря – какая из составляющих мифологического значения) является превалирующим в каждом конкретном случае.

I. Паремии, в которых преобладающим является представление о природе как освоенном человеком, включенном им в хозяйственно-трудовую практику – «своем» – пространстве.

1. Лес как часть хозяйственно-бытового уклада.

1.1. Общая характеристика леса как необходимого обеспечения жизнедеятельности человека:

Без расчистки и лес не стоит / не растет; Всем деревня не выйдет: вода близка, ин лес далеко; Лес к селу крест, а безлесье неугоже поместье; На то лесничему лес дан, чтоб мужики голели.

1.2. Лес – материал для отопления и иных хозяйственных нужд:

*Был бы лес, а топор сыщем; В лес дров не возят, в колодезь воды не льют; В лес не съездишь, так и на печке замерзнешь; В лесу дров не нашел; **В лесу не дуги, в копнах не хлеб, в долгу не деньги;** Вырос лес, так выросло и топорнице; Кто в лес, кто по дрова: ин рубль, ин полтора; Лес сечь – не жалеть плеч; Лес рубят – щепки летят; Люди на лес не зинут, лес не сгинет; На лес и поп вор; Недорубленный лес скоро вырастает; Ненароком в лес пошел, невзначай топорнице вырубил.*

1.3. Лес – грибные и ягодные уголья:

По беду – не в лес по малину / не по грибы; Пропустив порину, да в лес по малину / Спустия лето, да в лес по малину; Степь лесу не лучше; В степи простор, в лесу уголье.

2. Лес и поле – охотничьи уголья:

Медведь в лесу, а шкура продана; Барин в поле полюет, мужик в поле горюет; Когда в поле ехать, тогда и овсянку заваривать; Не тогда собак кормить, когда в поле ехать.

3. Поле – обрабатываемая человеком земля.

3.1. Поле – пашня:

Было б поле, найдем и сошку; В поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой; Его учить, что по лесу с бороной ездить; Красно поле пшеном, а бе-

седа умом; Красно поле рожью, а речь ложью / Не бывает поле безо ржи, а слово безо лжи / Будет в поле рожь, будет и в людях ложь; Муж в поле пахать, а жена руками махать; Не поле кормит, а нива; Не то хлеб, что в поле, а то, что в сусеке; Одним конем всего поля не изъездишь; Одной женой да одной кобылой поля не удобришь; Победны / обидны / завидны / бедуют в поле горох да репа <в свете / в мире вдова да девка> <кто ни пройдет, щипнет> / Горох да репа в поле – вдова да девка в людях; Поле мўку любит; Поле-то с угодом, а слово-то с уговором; Рожь в поле не околица, а пьяного речь не пословица; Что в поле ни родится, все в доме пригодится.

3.2. Поле – пастбище:

Бодливую корову с поля долой; Коровки с поля – и пастуху воля; На голодного коня травы в поле много; Не поле родит – загон; не игла шьет, а руки.

3.3. Поле – сенокос:

Догнал батькину полосу до самого лесу! (промотался); Подкошенная трава и в поле сохнет; Худая трава из поля вон.

4. Естественные водоемы как освоенное человеком пространство.

4.1. Мореходство и морская торговля:

В море стрелка не безделка; Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал; Корабли за морем, а бирка (долговая) у соседа.

4.2. Рыбачий промысел:

Море даст, что возьмешь; Море наше / рыбацье поле; С морем / в море горе, а без него нет и того; Рыба в реке – не в руке.

В рассматриваемых паремиях в первую очередь нашли отражение различные обиходно-бытовые практики, связанные с лесными, полевыми и водными угодьями: заготовка дров, сбор грибов и ягод, охота, земледелие, выпас скота, рыболовство, а также иные виды трудовой деятельности человека. Ниже в Таблице 1 наглядно представлено количественное распределение анализируемых 58 паремий по подгруппам.

Таблица 1.

№ п/п	Входящие в I группу подгруппы	Кол-во
1.	Лес как часть хозяйственно-бытового уклада	
1.1.	Общая характеристика леса как необходимого обеспечения жизнедеятельности человека	4
1.2.	Лес – материал для отопления и иных хозяйственных нужд	13
1.3.	Лес – грибные и ягодные уголья	5
2.	Лес и поле – охотничьи уголья	4
3.	Поле – обрабатываемая человеком земля	
3.1.	Поле – пашня	18
3.2.	Поле – пастбище	4
3.3.	Поле – сенокос	3
4.	Естественные водоемы как освоенное человеком пространство	
4.1.	Мореходство и морская торговля	3
4.2.	Рыбачий промысел	4

Содержащие компонент *лес* паремии *Догнал батькину полосу до самого лесу!* и *Его учить, что по лесу с бороной ездить* отнесены нами соответственно в подгруппы 3.3 (Поле – сенокос) и 3.1 (Поле – пашня) на основании того, что именно определенные полевые работы легли в основу их образности.

Таким образом, безусловно преобладающими в количественном отношении – 18 единиц из 58-ми – являются паремии, по своему происхождению связанные с земледельческим трудом; во второй по численности подгруппе – 13 единиц – представлены паремии, в которых отражается представление о лесе как материале для хозяйственно-бытовых нужд (по преимуществу это – дрова). Такое «лидирующее положение» данных подгрупп объясняется, очевидно, осо-

бенностями обусловленного определенными природно-климатическими условиями жизненного и хозяйственного уклада русского крестьянства.

Лексема *лес* содержится в 25-ти из представленных 58 паремий, чуть больше – 27 паремий – включают компонент *поле*, а еще две содержат компонент *степь*, который можно рассматривать как синонимичный *полю*. Наиболее редко встречаются наименования водных источников, и показательно, что в данной группе отсутствуют паремии, содержащие компонент *гора*. Представим полученные данные в виде таблицы.

Таблица 2.

№ п/п	Наименования единиц природно-ландшафтного кода культуры	Кол-во содержащих их паремий
1	<i>Лес</i>	23
2	<i>Поле</i>	26
3	<i>Море и река</i>	6
4	Разные единицы, входящие в состав одной паремии (<i>лес + степь; море + поле</i>)	3 (2+1)

II. Паремии, в которых единицы природно-ландшафтного кода культуры в первую очередь символизируют «чужое», противопоставленное либо сопоставляемое со «своим» пространство или границу между двумя пространствами – «своим» и «чужим».

1. «Чужое» пространство.

1.1. Внеположенное человеческому жилью, обществу пространство без эксплицитно выраженной его оценки:

Беда / Напраслина / Болезнь / Молва / Слух / Речи / Слава не по лесу ходит, а по людям; Была правда, да в лес ушла; Завтра вор авоська обманет, в лес уйдет (Завтрашнему дню не верь); Счастье, что волк: обманет, да в лес уйдет; Наука в лес не ходит; Дело / работа не волк /не медведь, в лес не убежит / не уйдет; В лесу люди лесеют, в людях людеют; Воров в лесу сторожи-

ли, а они из дому выносили; Не гони Бога в лес, коли в избу влез; И мы не в лесу родились, не пенью молились; В лесу и медведь архимандрит; В лесу и сковорода звонка; В лесу кукушка, а в избе хлопушка (т. е. там что хочешь ври, а здесь молчи); Как волка ни корми, он все в лес глядит; Голод и волка из лесу (на село) гонит; Медведь в лесу, так и шкура в лесу; Синица в руках лучше соловья в лесу; Мой талан пошел по горам.

1.2. Обозначение «другого» человеческого мира – внешнего (селение, общество) и внутреннего (душа) – как «неродного», «чужого», «непонятного», отличного от «своего»:

Был бы хлеб да муж, и к лесу привыкнешь; В чужом месте, что в лесе; Чужая сторона дремуч бор; Чужие люди – дремучий лес; Чужая душа – темный лес; В поле (на чужой стороне) и жук мясо; Не на своем поле посеяно – выбором не выберешь (о невесте); Не на том поле трава выросла; Не того поля ягода; Не с поля вихорь (свой, родня); Пошел в мир – попал в вир.

1.3. Выделение «своего» пространства из множества «других», похожих:

Толчитесь, бесы, да не в нашем лесе!; Чей лес, того и пень; Всякая сосна своему бору шумит / своему лесу весть подает; Далеко сосна стоит, а своему лесу веет / шумит / говорит; Хотя сосна и середь поля стоит, да к тому ж бору шумит; Всяк кулик свое болото хвалит; Всяк кулик в своем болоте велик; Всякий черт в своем болоте ворочай; Всякому черту вольно в своем болоте бродить; Вольно черту в своем болоте орать; Всякий бухалень / бугай / выпь в своем болоте голосист; По которой реке плыть, той и песенки / славу петь; Которой рекой плыть, ту и воду пить.

1.4. Сопоставление «чужого» пространства со «своим»:

В лесу медведь, а в дому мачеха / Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь / Из дому жена, а из лесу змея (т. е. выживает); В уйме (чернолесье) не без зверя, в людях не без лиха; Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы / у жены уверток; Правит, как медведь в лесу дуги гнет <гнет – не парит, а переломит – не тужит>; Вертит, как леший в уйме; Ходит, как в лесу, не опознается;

Через лес молитву дает (нехотя, без толку, не в пользу); За ветром в поле не угоняешься <а с бранчливой кумою не попрощаешься / за всякое слово не поверстаешься>; Не верь коню в поле, а жене в доме / воле; В море потоп, в пустынях звери, в мире беды да напасти; В море туманы, в мире обманы; Море житейское подводными камнями переполнено; Лучшие в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить; Идучи на войну, молись; идучи в море, молись вдвое; хочешь жениться, молись втрое; Не грози щуке морем, а нагому горем; Ни моря без воды, ни войны без крови; Пришло горе, взволновалось море: люди тонут, и нас туда же гонят; У моря горе, у любви вдвое.

1.5. «Чужое» пространство как опасное, враждебное:

Был бы лес, будет и леший; Волка бояться, так в лес не ходить; Дрязгу бояться, так и в лес не ходить; В лес ходить, дрязгу не бояться; Не прав медведь, что козу задрал; не права коза, что в уйму / в лес ушла / Не прав медведь, что корову съел; не права и корова, что в лес зашла; Пошла было баба в лес за грибами, да встречу ей медведь с зубами; Радостен бес, что отпущен инок в лес; С рыжим дружбы не води, с черным в лес не ходи; Ушел Вавило по мотовило, да, видно, лесом задавило; Ходить в лесу – видеть смерть на носу <либо деревом убьет, либо медведь задерет>; Не верь ветру в море / в поле; Не верь тишине морской; Кто в море бывал, тот лужи не боится; Кто на море бывал, тот и страху видал; Кто на море не бывал, тот горя не видал; Кто на море не бывал, тот до сыта Богу не маливался; Дале море – меньше горя; Дальше моря, меньше горя. Ближе моря, больше горя; Жди горя с моря, беды от воды; Море, что горе: и берегов не видно; Морских топит море, а сухопутных крушит горе; Не выдавши моря, не видал и горя; Не ищи моря, и в луже утонешь; Не ходи в море без одежды: море удорожит; От горя хоть в море, от беды в воду; Сиди у моря да жди погоды; Со стороны горе, с другой – море, с третьей – болото да мох, а с четвертой – ох!; То пропало, что в море упало. То прошло, что в воду ушло; По морю плыл, да попал в вир; Материнская молитва со дна моря вынимает / достает; Правда со дна моря выносит; Таланный и в мо-

ре сыщет; Уговорившись на берегу, плыви за реку!; Хоть битую быть, а за реку плыть; Было бы болото, а черти будут; В тихой воде омуты глубоки; В тихом болоте / омуте черти водятся; Не ходи при болоте: черт уши обколотит; Хвали горку, как перевалишься; Хвали горку на взлобке лежучи; Хвали заморье, а сиди дома!; Хвали заморье, на печи сидючи; Хвали море с полатей / на полатах лежучи; Море вчуже хвали!; Море – что горе: красно со стороны; Тихо море, поколе на берегу стоишь; Хорошо море – с берега.

1.6. Положительная оценка «чужого» пространства по сравнению со «своим»:

Соколу лес не в / на диво; Не мил белый свет – беги в темный лес!; Чем верить люду мирскому, верить темному лесу.

1.7. Место столкновения «своего» и «чужого»:

Ваша воля, а наше поле: биться не хотим, а поля не отдадим!; В поле – ни отца, ни матери: заступиться некому; В поле враг, дома гость: садись под святы, починай ендову; В поле две воли: чья сильнее / чья возьмет; В поле две воли: кому Бог поможет / чья правее, та и сильнее; В поле кто служит, о доме не тужит: где стал, тут и стан; В поле своя воля; В поле съезжаются, так родом не считаются, а дерутся; Враг выскочил в поле, всем наделал горя; Глупому в поле не давай воли!; Две головни и в поле дымятся / курятся, а одна и в печи гаснет; Двое в поле воют, а один и дома горюет; До поля воля, а в поле поневоле <став у поля дерись>; Коли у поля стал, так бей наповал; Кому на поле божья помощь. Кому на бою божья милость; Лучшие умирать в поле, чем в бабьем подоле; Метко стреляет: в чистое поле, как в копейку; На поле Никола общий Бог; Наши в поле не робеют <на печи не дрожат>; Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле; Не хвались в поле едучи, хвались из поля; Один в поле не воин / не ратный; Умирай в поле, да не в яме!; Чье поле, того и воля; Жить по воле, умереть в поле; Солдату умереть в поле, матросу в море; Вольному воля, спасенному рай, бешеному поле, черту болото; Родишься в чистом

поле, а умрешь в темном лесе; В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково; Весело коням, когда скачут по полям.

2. Граница между двумя пространствами – «своим» и «чужим».

2.1. Паремии, в которых проявляется пространственное осмысление времени:

Дума за горами, а смерть за плечами; Смерть / беда не за горами, а за плечами; Ум за морем, а смерть за воротом / за воротами.

2.2. Паремии, в которых представлено безоценочное обозначение рубежа между «своим» и «чужим» пространством:

Ты от горя за реку – а оно уже стоит на берегу!; Ворона прямо летает, да за море не попадает; касатка крюками летает, а за море попадает; Поехал за море теленком, воротился бычком.

2.3. Паремии, в которых помимо обозначения «рубежа» проявляется оценка того, что за этим рубежом расположено, как

2.3.1. «чужого» пространства, которому противопоставляется «свое»:

Из-за лесу и туча идет; Из-за гор туча встает; За горами петь хорошо, а дома жить хорошо; Звонки бубны за горами; Не страшны злыдни за горами; За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое; За морем и синица птица; За морем телушка полушка, да рубль перевозу; За морем теплее, а у нас светлее / веселее; Добро тому врать, кто за морем бывал; И много за морем грибов, да не по нашему кузову; С Богом хоть за море <а без Бога ни до порога>; Живи, колотило, за рекою, да к нам ни ногою (сварливый);

2.3.2. «чужого» пространства, которое сопоставляется со «своим»:

По горе не за море <не огребешься и дома>; И за морем горох не под печью сеют; Хлеб везде хорош, и у нас и за морем; И за рекой люди живут; Ворона и за море летала, да вороной и вернулась; Для дураков не за море ездить, и дома есть; Журавли за море летают, а все одно курлы!; Полетели за море гуси, прилетели тож не лебеди; Ума за морем не купишь, коли его дома нет.

Данная группа паремий гораздо более многочисленная, чем предыдущая, – она содержит 171 единицу. В Таблице 3 показано, как они распределяются по выделенным подгруппам в количественном отношении.

Таблица 3.

№ п/п	Входящие во II группу подгруппы	Кол-во паремий
1	«Чужое» пространство	143
1.1	Внеположенное человеческому жилью, обществу пространство без эксплицитно выраженной его оценки	18
1.2	Обозначение «другого» человеческого мира – внешнего (селение, общество) и внутреннего (душа) – как «неродного», «чужого», «непонятного», отличного от «своего»	11
1.3	Выделение «своего» пространства из множества «других», похожих	13
1.4	Сопоставление «чужого» пространства со «своим»	20
1.5	«Чужое» пространство как опасное, враждебное	48
1.6	Положительная оценка «чужого» пространства по сравнению со «своим»	3
1.7	Место столкновения «своего» и «чужого»	30
2.	Граница между двумя пространствами – «своим» и «чужим»	28
2.1	Паремии, в которых проявляется пространственное осмысление времени	3
2.2	Паремии, в которых представлено безоценочное обозначение рубежа между «своим» и «чужим» пространством	3
2.3	Паремии, в которых помимо обозначения «рубежа» проявляется оценка того, что за этим рубежом расположено, как	
2.3.1	«чужого» пространства, которому противопоставляется	13

	«свое»	
2.3.2	«чужого» пространства, которое сопоставляется со «своим»	9

Рассмотрим анализируемые паремии с точки зрения их лексического состава. В Таблице 4 представлено количественное распределение лексем – наименований элементов ландшафта по паремиям данной группы.

Таблица 4.

№ п/п	Наименования единиц природно-ландшафтного кода культуры	Кол-во паремий
1	<i>Лес</i> и его гипонимы и диалектные названия леса	50
2	<i>Поле</i>	34
3	<i>Гора</i> и диминутив <i>горка</i>	9
4	<i>Море</i> и его дериваты (<i>морской, заморье</i>), а также другие наименования водоемов или их частей, в том числе диалектизмы	73
5	Вариативно употребляющиеся единицы (<i>поле / море</i>)	1
6	Разные единицы, входящие в состав одной паремии (<i>поле + лес / бор; поле + море / болото</i>)	4 (2+2)

Как видно из таблицы, наибольшее количество паремий из рассматриваемой группы содержит лексему *море* или иные наименования водоемов либо их частей: *река, болото, омут, вир* – диалектное слово, означающее ‘омут и водоворот’ [Даль 1955: I, 206]. Вторыми по численности являются паремии, в состав которых входят такие компоненты, как *лес, бор, уйма* – диал. ‘дремучий, огромный лес’ [Даль 1955: IV, 480]. Компонент *поле* зафиксирован в составе 37 паремий, однако в большинстве из них (30 паремий, составивших подгруппу 1.7) отражается представление о *поле* не как о сельскохозяйственных угодьях, а

как о месте сражения, боя и прослеживается символическая связь поля с безоглядным простором и свободой, удалью, храбростью – волей. Менее всего отмечено паремий, в которых встречается лексема *гора*.

3. Паремии, в которых главным образом отражается эталонная функция единиц природно-ландшафтного кода как количественной меры.

1. Большой объем, предстающий как целостная величина:

Вздыхает так, что леса клонит; Мир заревет, так леса стонут / лес клонится; Соловей – птичка невеличка, а заголосит, так лес дрожит; Бес качает горами, не только нами; Силен враг, и горами качает <а людьми что венниками трясет>; Муравей не велик, а горы копает; Донеси Бог до двора: а брюхо что гора; Дай вору хоть золотую гору, воровать не перестанет; Золотые горы – подставляй полы; Не сули с гору, а подай впору; В богатом житье, как в море; В долгу, что в море: ни дна, ни берегов; В мире, что в море; В мире, что в омуте: ни дна, ни покрывки; В море воды довольно; В море глубины, а в людях правды не изведает; Воды из моря синица немного упьет; Высохло море, а все не луже брат / чета; Глуби моря не высушить, горю сердца не вымучить; Горе – что море: ни переплыть, ни вылакать; Горе не море, выпьешь до дна <охнешь – не издохнешь>; Кабы не кабы, так было б море, не пруды; Ложкой моря не исчерпать; Море по рыбе не тужит; Моря веслом не расплещешь / не раскропить; Моря не пере(раз)городишь; Моря песком не засыплешь; Пасть – не пасть, да уж в море, а что толку в лужу!; Переплыл море, да в луже утонул; Слезою моря не наполнишь; Собака и в море локчет, да не все же выпьет; Не наполним моря слезами, не утешим супостата печалью; Пьяному / дураку море по колена; Тут в горе – ровно кит в море; Шилом / гвоздем моря не нагреешь <и от бурлачества не разбогатеешь>; И большой бадьей реки не вычерпать; Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невеста плачет – как роса падет; взойдет солнце – росу высушит; Пот ключом льет, а жнец свое берет.

2. Большое количество / объем, состоящий из отдельных объектов (сопоставление целого и его части):

Бог и лесу не сравнял; В лесу Бог лесу не уравнил, в народстве людей; Застят деревья – и лесу не видать; Из-за леса стоячего не видать леса лежащего; Из-за лесу дерева не видит; Лес по дереву не тужит; Лес по лесу, что рубль по рублю, не плачет; Лес по топоричу не плачет; Слушай, дуброва, что лес говорит / шумит!; Из крошек кучка, из капель море; Мир по слюнке плюнет, так море; По капельке море, по зернышку ворох / по воложке (былинке) стог; По капле дождь, а дождь реки поит: реками море стоит; И быстрой / большой реке слава до моря; Каждая река своим устьем в море впала.

3. Мера протяженности (горизонтальная пространственная или временная ось):

В чистом поле теснота: один кашу варит, да и ту пролил; Кручиною поля не изъездишь; Ветром море колышет, молвою народ; Кручиною моря не переедешь; Челном (щепкой) моря не перепашать; Век не поле, вдруг не перескочить; Век жить, не реку бресть; Век / жизнь прожить – не поле перейти / не море переплыть. Жалью моря не переедешь, веку не изживешь; Жизнь прожить, что море переплыть.

4. Мера высоты (вертикальная пространственная или временная ось):

Глядя в / на лес, не вырастешь, смотря на людей, богат не будешь; В гору-то семеро тащат, а с горы и один толкнет; Вези под гору, вези временем и в гору; Временем в горку, а временем в норку; И крута гора, да миновать нельзя; Лучше низом, нежели горою; С горки виднее; Что больше под гору, то выше в гору (придется); Схватился, как с горы скатился; Пора, что гора: скатишься, так оглянешься; И крута гора, да забывчива, и лиха беда, да сбывчива.

Данную группу составили 74 паремии. Рассмотрим, в каком количественном соотношении они распределяются по выделенным подгруппам.

Таблица 5.

№ п/п	Входящие в III группу подгруппы	Кол-во паремий
1.	Большой объем, предстающий как целостная величина	38
2.	Большое количество / объем, состоящий из отдельных объектов (сопоставление целого и его части, большого и малого)	15
3.	Мера протяженности (горизонтальная пространственная или временная ось)	10
4.	Мера высоты (вертикальная пространственная или временная ось)	11

В основу нашей классификации легли различные эталонные функции, выполняемые анализируемыми лексемами как единицами природно-ландшафтного кода культуры, обусловленные, в свою очередь, тем, какие признаки обозначаемых ими реалий были выделены и осмыслены в «языке культуры»: размер, форма, наличие горизонтального и / или вертикального измерения. Как видно из собранного материала, главным образом это «масштабность» соответствующих элементов ландшафта, и поэтому не случайно наиболее «востребованным» в функции эталона большой меры оказывается *more*: совместно с наименованиями других водоемов и источников, примеры употребления которых между тем единичны, эта лексема встречается в бóльшем количестве паремий, чем все остальные рассматриваемые лексические единицы вместе взятые (см. Таблицу 6).

Таблица 6.

№ п/п	Наименования единиц природно-ландшафтного кода культуры	Кол-во со- держащих их паремий
----------	---	--------------------------------------

1	<i>Лес</i>	13
2	<i>Поле</i>	3
3	<i>Гора</i> и диминутив <i>горка</i>	17
4	<i>Море</i> и другие наименования источников и водоемов	40
5	Вариативно употребляющиеся единицы (<i>поле / море</i>)	1

Как уже было сказано выше, единицы природно-ландшафтного кода в паремиях данной группы предстают как мера большого количества, объема (цельного или состоящего из отдельных объектов), протяженности. На первый взгляд, противоположное представление отражено в пословицах *Век не поле, вдруг не перескочить; Век жить, не реку бресть; Век / жизнь прожить – не поле перейти / не море переплыть*. Однако, с нашей точки зрения, в этих паремиях с помощью отрицания осуществляется не столько противопоставление «малого» (поле, река, море) и «большого» (век = жизнь человека), сколько сопоставление «большого» (поле, река, море) и еще «бóльшего», т. е. мы имеем дело со своеобразной литотой, используемой для того, чтобы подчеркнуть «огромность» человеческой жизни, ср.: *Жизнь прожить, что море переплыть*³¹. Кроме того, в этих пословицах единицы природно-ландшафтного кода не только выполняют эталонную функцию меры, но и выступают как символы «чужого», связанного с трудностями и опасностями при его преодолении, пространства. На этом основании они, безусловно, могли бы быть отнесены к паремиям второй группы. Данный пример показывает, что границы между выделенными тремя группами паремий достаточно условны, и это объясняется многозначностью входящих в их состав единиц природно-ландшафтного кода

³¹ Паремии с отрицанием, по мнению исследователей, часто свидетельствуют о переосмыслении бытовавших ранее в обществе стереотипных представлений: «Многие из народных афоризмов, содержащих синтаксическое отрицание, отображают отказ от устаревшего стереотипа, с одной стороны, указывая на его былую актуальность, а с другой – фиксируя новый виток познания» [Бочина 2003: 47]; таким образом, пословица *Жизнь прожить, что море переплыть* передает более ранний, по сравнению с вышеприведенными пословицами с частицей *не*, стереотип национального сознания.

культуры. Так, паремии с рифмопарой *море – горе* (всего 20 пословиц) были отнесены нами в различные группы несмотря на то, что во всех них отчетливо проявляется негативная символика воды, моря, отраженная также в паремических текстах, содержащих традиционные фольклорные рифмы *вода – беда, пучина – кручина* (см. об этом [Бочина 2003: 50]). Тем не менее мы сочли возможным в каждом конкретном случае опираться на то значение интересующих нас компонентов паремий, которое, с нашей точки зрения, обнаруживается в наибольшей степени при интерпретации целостного содержания паремии и играет главную роль при создании ее образности.

Выводы по главе 2

1. В иерархизированной совокупности кодов культуры предлагается внутри природного кода различать такие относительно самостоятельные компоненты, как стихийный и природно-ландшафтный коды. Единицами последнего выступают лексемы – наименования различных элементов ландшафта, формирующих определенный пейзаж.

2. В силу определенных географических характеристик ареала обитания носителей русской культуры ядром природно-ландшафтного кода можно считать такие лексемы, как *лес, поле, гора*, и наименования различных водных источников (в первую очередь – *море* и *река*). Будучи денотативно близкими словам из других языков, они могут отличаться от них в своих мифологических значениях, что доказывается в работе путем сравнительно-сопоставительного анализа примеров из разных языков и культур.

3. Национально-культурная специфика выделенных нами лексем как единиц природно-ландшафтного кода ярко проявляется в составе фразеологизмов, которые наиболее наглядно отражают запечатленный в языке и одновременно детерминируемый им национальный образ мира. В ходе исследования нами

были отобраны фразеологические единицы, соотносимые через входящие в их состав лексемы-компоненты с природно-ландшафтным кодом, и сделано их словарное описание. Словарные статьи состоят из нескольких частей, где представлены: толкование фразеологизма, его грамматические характеристики, иллюстративный материал и собственно культурологический комментарий. В культурологическом комментарии основное внимание уделяется соотносительности фразеологизма с кодами культуры, рассматриваются его функции, мотивированные этой соотносительностью, и определяется вид тропа, на основе которого произошло переосмысление образного основания фразеологизма.

4. Результаты проведенного нами лексикографирования фразеологизмов свидетельствуют о том, что в «языке культуры» исследуемые единицы природно-ландшафтного кода являются, как правило, полисемичными; нами сделано комплексное описание мифологического значения каждой из единиц.

5. Еще одним важнейшим источником лингвокультурологической информации является паремиологический фонд языка. Проведенный анализ более 300 русских паремий со словами-компонентами *лес, поле, гора, море, река* и т. д. показал, что мифологическое значение этих единиц природно-ландшафтного кода культуры отчетливо проявляется в малых паремических текстах: здесь они также выступают как символы «своего» и / или «чужого» пространства и несут эталонную функцию.

Глава 3.

Природно-ландшафтный код как компонент содержания обучения русскому языку инофонов

3.1. Место единиц природно-ландшафтного кода в системе уровней владения русским языком как иностранным.

С девяностых годов XX века в отечественной методике преподавания русского языка как иностранного начинает интенсивно разрабатываться концепция уровней владения языком, на основе которой создается и законодательно закрепляется Государственная система тестирования иностранных граждан по русскому языку (ТРКИ; международное название TORFL – Test of Russian as a Foreign Language). У истоков этой научно-исследовательской деятельности и практической реализации ее результатов стоят творческие коллективы ученых-методистов и преподавателей-практиков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов и Института русского языка им. А.С. Пушкина (можно в первую очередь назвать такие имена, как Н.П. Андриюшина, Г.А. Битехтина, Л.П. Клобукова, М.М. Нахабина, И.В. Одинцова, В.А. Степаненко, К.А. Рогова, и др.). Было выделено и описано в форме соответствующих государственных образовательных стандартов³² 6 уровней общего владения РКИ: Элементарный (ТЭУ), Базовый (ТБУ), Первый (ТРКИ-1), Второй (ТРКИ-2), Третий (ТРКИ-3) и Четвертый (ТРКИ-4) сертификационные уровни, которые соотнесены с общеевропейскими стандартами владения иностранными языками³³.

---

³² В новой редакции – «Требования по русскому языку как иностранному».

³³ Ассоциацией лингвистов-тестологов Европы (ALTE) также были выделены 6 уровней (A1, A2, B1, B2, C1, C2), что нашло отражение в принятом Советом Европы в Страсбурге в 1996 г. документе «Общеевропейская компетенция в изучении и преподавании иностранного языка».

В основу описания этой уровневой системы «была положена спрогнозированная модель вербального поведения человека в иноязычной среде, отражающая его реальные потребности» и учитывающая такие факторы, как «мотивы, руководствуясь которыми человек изучает иностранный язык; актуальные сферы языкового общения; социально-коммуникативные роли; типы и виды дискурсов и стоящие за этими дискурсами функционально-стилевые и лексико-грамматические подсистемы языка» [Степаненко 2008: 10–11]. Каждый уровень системы ТРКИ – это «показатель, характеристика коммуникативной компетенции изучающего иностранный язык», позволяющий «определить, в какой степени (адекватно, полно) и какие языковые навыки и речевые умения сформированы и используются им в социальном взаимодействии» [Балыхина 2006б: 106]. Вполне естественно, что помимо образовательных стандартов (требований), программ и типовых тестов одним из обязательных компонентов системы ТРКИ стала градуальная серия лексических минимумов, «которые 1) конкретизируют список лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению; 2) дают иностранному гражданину, изучающему русский язык, четкое представление о лексической базе, на основе которой составлены тестовые материалы; 3) выступают ориентиром для авторов учебных пособий и разработчиков тестов» [Типовой образ... 2011: 2]. В настоящее время апробированы и изданы лексические минимумы по русскому языку как иностранному для Элементарного, Базового, Первого и Второго уровней; минимум для Третьего уровня находится в стадии разработки, а для Четвертого признан неактуальным, так как данный уровень предполагает свободное владение русским языком на уровне образованного его носителя. Объем лексического минимума для Элементарного уровня составляет 780 единиц, Базового – около 1300, Первого – 2300, Второго – немногим более 5000; для Третьего, как считают авторы-разработчики, объем словника должен составлять не менее 10000–10500 единиц [Концептуальные основы... 2009]. Рассмотрим, какое место занимают в ото-

бранной для усвоения на каждом из уровней лексики единицы природно-ландшафтного кода русской культуры.

Лексические минимумы для первых трех уровней (их иногда называют «младшими») состоят из двух частей: в первой подлежащие изучению слова расположены в алфавитном порядке, во второй – организованы по тематическому принципу (третью часть составляют приложения, где представлены наиболее употребительные русские имена, синонимы, антонимы и соотносительные слова, лингвистические термины). «Тематическая классификация соответствует общепринятой традиции идеографического описания лексики, реализованной в тезаурусах европейских языков. Лексические единицы сгруппированы в тематические классы, которые представляют собой центральные понятия, составляющие основу картины мира (“Человек”, “Природа”, “Абстрактные категории”))» [Лексический минимум... Элементарный уровень 2004: 5]. В каждом классе выделены темы и подтемы (подгруппы); с увеличением объема лексики при переходе на следующий уровень семантическое деление становится более дробным.

В словнике Элементарного уровня зафиксированы три из интересующих нас лексем, предлагаемые для активного усвоения, – *море, река, гора* (тематический класс 4. *Природа*, группа 4.1. *География*, подгруппа а) *общие понятия*). На Базовом уровне в группу 4.3. *Животные и растения* добавляется лексема *лес* (подгруппа б) *растения*); лексема *поле*, присутствующая в алфавитном перечне и рекомендуемая, в отличие от лексемы *лес*, не для активного, а для пассивного усвоения, оказывается вне тематической классификации; такая же организация рассматриваемого материала повторяется на Первом уровне. Все слова даны в своем денотативном значении, что оправданно, особенно для первых двух уровней: Элементарный – это минимальный уровень коммуникативной компетенции, его достижение «позволяет иностранцу удовлетворять элементарные коммуникативные потребности при общении с носителями языка» в весьма ограниченном наборе ситуаций повседневного общения [Государствен-

ный стандарт... Элементарный уровень 2001: 4], а достижение Базового уровня свидетельствует о начальном уровне коммуникативной компетенции и «позволяет иностранцу удовлетворять самые необходимые коммуникативные потребности в ограниченном числе предсказуемых ситуаций», связанных с бытовой, социально-культурной и учебной сферами [Государственный стандарт... Базовый уровень 2001: 4].

Структура лексического минимума Второго уровня несколько иная. В издание не вошли тематические группы, но для наших целей важнее отметить другое: лексема *поле* переходит в разряд активной лексики, а в числе приложений появляется новое – «Фразеологизмы, устойчивые словосочетания». Нельзя не согласиться со считающими «данный раздел лексики неотъемлемой частью формирования вторичной языковой личности» авторами минимума в том, что «овладение этой подсистемой русского языка на данном уровне позволит иностранцам лучше понимать живую речь носителей языка, осваивать особенности функционирования слов в речи» [Лексический минимум... II сертификационный уровень 2009: 6]. В это приложение включены, в частности, такие фразеологические единицы, как *ждать у моря погоды*, *капля в море*, *море по колено*, *не за горами*, *обещать золотые горы*.

Тем не менее нам представляется нелогичным, что лексема *поле* переходит в активный словарный запас только на Втором уровне, и это при том, что, скажем, слово *деревня* предлагается для активного усвоения уже на Базовом. С нашей точки зрения, нарушается целостность «картины русского мира»; мы бы рекомендовали вводить эту лексему в ее денотативном значении в активный словарь уже на Базовом (а для пассивного владения – на Элементарном) или по крайней мере на Первом уровне, тем более что содержание коммуникативной компетенции на данном уровне предполагает умение не только понимать, но и строить собственные тексты, посвященные природе и экономике родной страны и России [Программа... 2001: 11], что, в частности, включает такие темы для общения, как «Главные отрасли промышленности и сельского хозяйства»,

«Население страны (городское, сельское)», «Основные занятия населения: сельское хозяйство, государственная работа и служба, частное предпринимательство», «Сельская и городская жизнь» [Лингводидактическая программа... 2010: 16].

Мы также согласны с О.В. Макаровой в том, что появление в лексическом минимуме Второго уровня сразу 146 фразеологизмов не отвечает принципу постепенного наращивания трудности [Макарова 2010: 102]. Кроме того, остается непроясненным, рекомендуют ли авторы данного минимума указанные фразеологизмы для продуктивного или рецептивного освоения.

Между тем единицы кодов культуры самым активным образом проявляют себя в современном «вербальном пространстве»: художественная литература, средства массовой информации, как письменные, так и устные, Интернет, живая речь носителей языка дают многочисленные примеры употребления фразеологизмов (о чем, в частности, свидетельствует и собранный нами иллюстративный материал, отнюдь не в полной степени использованный при словарном описании фразеологических единиц, см. параграф 2.3). И если на Базовом уровне иностранец должен «уметь прочитать короткие простые тексты, взятые из разных источников (названия журналов и газет, вывески, надписи, указатели, объявления и др.); понимать основную и дополнительную информацию адаптированных текстов», то на Первом от него требуется умение «читать небольшие тексты из газет, журналов, книг; понимать общее содержание прочитанного, отдельные детали, выводы и оценки автора» [Федеральные государственные требования... 2009], то есть на Первом уровне значительно расширяется работа с аутентичными текстовыми материалами. Для того чтобы эта работа была более успешной, нужна, с нашей точки зрения, некоторая корректировка содержания языкового материала для изучения в иностранной аудитории.

Следует отметить, что эти вопросы ставят и авторы лексических минимумов. Признавая, что раздел «Фразеологизмы и устойчивые сочетания» для Второго уровня составлялся «во многом эмпирически, на основе опыта препода-

давания русского языка иностранцам на продвинутом этапе обучения» [Андрюшина 2011: 46] и что проблема научно обоснованного отбора и структуры фразеологического минимума требует дальнейшей тщательной разработки, Н.П. Андрюшина предполагает, что данный раздел в будущем должен содержать не менее 200 единиц, а на Третьем уровне возрасти до 400–450³⁴. Более того, фразеологизмам надлежит стать частью всей градуальной серии: «Что касается более низких уровней владения, то, по всей видимости, на Первом уровне число фразеологических единиц не должно превышать 100, на Базовом, учитывая “принцип удвоения материала”, оно составит 40–50 единиц, на Элементарном – 10–20» [там же: 47].

Постулируемое современной методикой как основная цель обучения РКИ формирование у учащихся определенного уровня коммуникативной компетенции, от которой непосредственно зависит успешное участие иностранцев в межкультурной коммуникации, напрямую связано с овладением ими кодами культуры (см. параграф 1.6). Эти коды, в том числе и природно-ландшафтный, очень ярко проявляют себя не только во фразеологизмах, но и вообще в паремиях. Паремии, «как формы выражения этнокультурного восприятия действительности, фиксирующие культурно-маркированные эталоны, стереотипы, образы, знакомят иностранца с особенностями концептуального осмысления русскими окружающего мира и облегчают ему понимание многих жизненных и речевых ситуаций» [Селиверстова 2011: 199]. Логично предположить, что следующим шагом в разработке и конкретизации лексической базы системы ТРКИ может стать определение паремиологических минимумов.

Мы предлагаем алгоритм ввода фразеологизмов, соотносимых через свои компоненты с природно-ландшафтным кодом культуры, начиная с Базового

---

³⁴ Согласно сведениям, представленным в других публикациях, при переиздании лексического минимума Второго уровня авторы планируют увеличить корпус фразеологизмов и устойчивых словосочетаний до 200–250 единиц, а в минимум Третьего уровня должно войти их не менее 500, причем часть из них будет предназначена для рецепции, а некоторые будут снабжены стилистическими пометами (см. [Типовой образ... 2011: 265]).

уровня. При разработке этой схемы мы опирались на следующие два основополагающих принципа: 1) различие активного и пассивного словаря (и, следовательно, рецептивных и продуктивных умений и навыков) и 2) соответствие лексико-грамматическому материалу, составляющему содержание обучения на определенных уровнях; в качестве дополнения рекомендуется по возможности использовать паремиологический материал, иллюстрирующий мифологическое значение единиц природно-ландшафтного кода. Мы предлагаем вводить отобранные фразеологизмы без учета возможных их вариантов, если таковые включают «избыточные» для данного уровня или стилистически маркированные лексемы (например, *переть в гору*).

Представим поуровневое распределение предлагаемого для освоения иностранными учащимися языкового материала в виде сводной таблицы.

№ п/п	Фразеологизмы	ТБУ		ТРКИ-1		ТРКИ-2		ТРКИ-3	
		Рецепция	Продукция	Рецепция	Продукция	Рецепция	Продукция	Рецепция	Продукция
1.	<i>темный лес</i>	+	-	+	+	+	+	+	+
2.	<i>как деревья в лесу</i>	+	-	+	+	+	+	+	+
3.	<i>ищи ветра в поле</i>	+	-	+	+	+	+	+	+
4.	<i>обещать золотые горы</i>	+	-	+	+	+	+	+	+
5.	<i>ждать у моря погоды</i>	+	-	+	+	+	+	+	+
6.	<i>за деревьями не видеть леса</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
7.	<i>смотреть [глядеть] в лес</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
8.	<i>из-за чего сырбор (загорелся)</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
9.	<i>поле зрения</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
10.	<i>одного поля ягоды</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
11.	<i>горой стоять</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
12.	<i>не за горами</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
13.	<i>идти в гору</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
14.	<i>идти [катиться] под</i>	-	-	+	-	+	+	+	+

	<i>гору</i>								
15.	<i>как на каменную гору надеяться</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
16.	<i>гора с плеч (свалилась)</i>	-	-	+	-	+	+	+	+
17.	<i>кто в лес, кто по дрова</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
18.	<i>море по колено</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
19.	<i>разливанное [разливное] море</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
20.	<i>капля в море</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
21.	<i>(с)воротить горы [гору]</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
22.	<i>доставать со дна моря [морского]</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
23.	<i>молочные реки и кисельные берега</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
24.	<i>бить [кипеть] ключом</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
25.	<i>(хоть) пруд пруди</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
26.	<i>рекой [ручьём] течь...</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
27.	<i>в три ручья</i>	-	-	-	-	+	-	+	+
28.	<i>семь верст до небес и все лесом</i>	-	-	-	-	-	-	+	-
29.	<i>идти / пойти лесом</i>	-	-	-	-	-	-	+	-
30.	<i>с бору да с сосенки [с бору по сосенке]</i>	-	-	-	-	-	-	+	-
31.	<i>не обсевок в поле</i>	-	-	-	-	-	-	+	-
32.	<i>чистый родник</i>	-	-	-	-	-	-	+	-

Как видно из таблицы, предполагается, что фразеологические единицы, первоначально предложенные для рецептивного усвоения, на следующем уровне переходят в разряд продуктивной лексики.

В ходе настоящего диссертационного исследования нами была разработана и апробирована система упражнений, связанных с функционированием единиц природно-ландшафтного кода русской культуры и обеспечивающая в рамках учебного процесса знакомство инофонов с данной лексикой. Описание этой системы считаем необходимым предварить указанием на то, какими основными методическими положениями мы руководствовались при ее создании.

3.2. Методическая основа работы с единицами природно-ландшафтного кода в иностранной аудитории.

В отечественной методике преподавания иностранных языков и, в частности, русского как иностранного традиционно большое внимание уделялось такому средству обучения, как упражнения³⁵. Разными методистами выдвигались различные терминообозначения видов упражнений и их классификации различной степени подробности (об этом см., например, [Методика... 1967: 183, 187; Методика... 1988: 72; Бухбиндер 1991: 92–93; Вохмина 1993: 88–100; Лapidус 1986: 45; Миролюбов 1973: 28; Пассов 1989: 67–110; Скалкин 1981: 183–187; Сосенко 1979: 5–23] и др.). Тем не менее все многообразие предлагаемых определений может быть сведено к трем основным группам, в основе выделения которых лежит различие между знаниями, навыками и умениями: это

---

³⁵ «Средствами обучения в дидактике и методике обычно называют учебники. Позволительно спросить: а если обучение проводится без учебников, означает ли это, что не используются средства обучения? Конечно, нет, ведь без средств нельзя достичь цели. Выходит, что учебники – это не средства, а лишь одна из форм организации и воплощения средств обучения. Подлинными средствами обучения являются упражнения. Только выполнение упражнений приводит к цели, а их отсутствие есть отсутствие всякого целенаправленного обучения» [Пассов 1989: 67] – эти слова ученого, пусть и полемически заостренные, приобретают особую значимость в контексте нашей работы, когда система упражнений создается для самостоятельного ее использования в рамках специального или дополнительного курса, без «привязки» к определенному учебнику или учебному пособию, о чем см. ниже.

языковые и речевые, промежуточное положение между которыми занимают условно-речевые, упражнения.

Языковые (доречевые, информационные) упражнения «направлены на усвоение учащимися значения языковой формы» [Щукин 2003: 219], это упражнения на рецепцию, предполагающие наблюдение, осмысление, анализ, сопоставление языковых фактов учащимися и развивающие их языковую компетенцию.

Условно-речевые (предречевые, учебно-речевые, предкоммуникативные, подготовительные, операционные) упражнения носят репродуктивный характер и направлены на формирование отдельных речевых навыков и умений, «их выполнение обеспечивает овладение определенными действиями на уровне сознательного контроля» [Слесарева 2010: 149].

Речевые (собственно речевые, истинно речевые, коммуникативные, творческие, мотивационные) задания «направлены на развитие и совершенствование речевых умений на основе приобретенных знаний и сформированных навыков» [Щукин 2003: 219], это упражнения на продукцию.

Такая классификация была положена нами в основу предлагаемой последовательности методических шагов – от рецепции через репродукцию к собственно продукции, при этом мы учитывали, что сама «граница между разными типами упражнений в значительной мере условна и многие так называемые языковые упражнения являются или могут стать, при условии постановки речевой задачи, собственно речевыми» [Слесарева 2010: 152].

Принятый нами подход к созданию системы упражнений коррелирует с одним из наиболее важных психологических принципов обучения – принципом поэтапного формирования знаний, навыков и умений, определяющим «динамику изменения структуры речевой деятельности в процессе обучения» [Щукин 2003: 164]. В целях обучения инофонов единицам природно-ландшафтного кода русской культуры на первый план выходит еще один базисный психологиче-

ский принцип – принцип мотивации (мотивированности)³⁶, и прежде всего мотивации внутренней, которая «обусловлена значимостью информации о стране, культуре, истории страны изучаемого языка, важностью языка для реализации потребностей» [там же], т. е. имеет не только коммуникативный, но и познавательный характер, когда «интересно что-то узнать при помощи языка, или даже интересно что-то узнать о самом языке» [Методика... 1988: 9].

Из других принципов обучения, выделяемых современной методикой преподавания иностранных языков, для наших целей особо значимы следующие.

1. Общедидактические: а) принцип сознательности, предполагающий обязательное осмысление учащимися учебного материала и собственных действий по овладению им, что в приложении к обучению иностранному языку означает «понимание (осознание) учащимися единиц, которые составляют содержание иноязычной речи, и способов пользования такими единицами для построения высказывания» [Азимов, Щукин 1999: 247], б) принцип систематичности и последовательности, «который конкретизируется в четырех правилах: от простого к сложному, от легкого к трудному, от известного к неизвестному, от близкого к далекому» [Капитонова, Московкин 2006: 69].

2. Собственно методические³⁷: а) принцип функциональности, обеспечивающий «усвоение новых лексических единиц и грамматических структур в тесной связи с их функциями в речи» [Азимов, Щукин 1999: 251]; а) принцип коммуникативности, предполагающий «использование на занятиях ситуаций реального общения, организацию активной творческой деятельности, применение коллективных форм работы, внимание к проблемным ситуациям и творческим видам занятий» [там же: 242]; б) принцип ситуативно-тематической орга-

³⁶ Существует точка зрения, согласно которой этот принцип относится к дидактическим. Так считает, например, А.А. Леонтьев, см. [Методика... 1988: 9–10].

³⁷ Мы придерживаемся мнения тех ученых-методистов, которые не считают необходимым выделение в отдельную группу лингвистических принципов обучения, а рассматривают их в ряду методических, поскольку речь идет именно о методике преподавания языка, см. об этом [Азимов, Щукин 1999: 252].

низации учебного материала, когда она отражает «специфику функционирования отобранного языкового материала в жизненных ситуациях и темах» [там же: 247]; в) принцип стилистической дифференциации (поскольку изучаемый языковой материал характеризует в основном разговорный стиль речи), а также принципы г) изучения лексики на синтаксической основе и д) опоры на высказывание и текст как основные единицы обучения (см. [Методика... 1988: 29–30]).

В особом ракурсе выступает применительно к организации работы с единицами природно-ландшафтного кода культуры методический принцип учета родного языка учащихся. С одной стороны, разработанная нами система упражнений изначально рассчитана на работу в группах со смешанным контингентом обучаемых. С другой стороны, изучаемые языковые явления – фразеологизмы, в составе которых единицы природно-ландшафтного кода особенно ярко проявляют свое мифологическое значение, могут иметь или не иметь эквивалентов в родном языке учащихся, а при наличии эквивалента последний может содержать иную, чем в русском языке, единицу природно-ландшафтного кода или же вообще выступать экспликатором другого кода культуры (или совокупности кодов), что дает богатый материал для наблюдения, анализа и сопоставления языковых фактов. Как показывает опыт, задания, направленные на сравнение изучаемых фразеологизмов с лексикой родного языка, вызывают особый интерес учащихся, что повышает мотивацию и способствует лучшему усвоению нового материала. Поэтому мы считаем, что рассматриваемый методический принцип в процессе освоения единиц кодов культуры целесообразно реализовать в его «открытой форме» – «путем сознательного сопоставления особенностей родного и изучаемого языков» [Щукин 2003: 170], а при возникновении трудностей, обусловленных влиянием родного языка, следует вести дополнительную корректировочную работу, в каждом конкретном случае зависящую от характера этих трудностей.

Процесс обучения иноязычной лексике подразумевает три обязательных этапа: 1) презентация нового материала, 2) организация его усвоения и 3) проведение контроля над усвоенной лексикой. При предъявлении фразеологических единиц в качестве основного способа их семантизации мы использовали такой способ, как семантизация при помощи контекста, отражающий «прежде всего синтагматические связи слова и типичные ситуации его использования» [Слесарева 2010: 139]. Этот способ «состоит в предъявлении нового слова в таком контексте <...> который позволяет учащимся самим догадаться о том, что оно значит» [Методика 1988: 95]. Однако не всегда догадка по контексту обеспечивает точное понимание семантизируемой лексики, поэтому следом мы под рубрикой «Проверьте себя» обязательно давали дефиницию вводимой фразеологической единицы. Первый этап, помимо семантизации и интерпретации нового лексического материала, подразумевает также особое внимание к его собственно языковой форме. «На стадии предъявления материала учащимся необходимо осознать языковую форму отрабатываемого явления. Данная стадия является как раз тем этапом, когда непосредственная цель действия определяется не только содержанием высказывания, но и языковым оформлением его. Это нужно для того, чтобы оформление содержания высказывания могло быть сознательно контролируемым в условиях, когда актуально сознаваемым является содержание высказывания» [Сосенко 1979: 31].

Второй этап является непосредственным продолжением предыдущего, закрепление нового материала «осуществляется в системе упражнений и в ходе комплексного обучения всем видам речевой деятельности. Упражнения имеют целью формирование умений и навыков использования введенного лексического материала (путем действий и операций с ним, что и обеспечивает его окончательное усвоение и запоминание)» [Методика 1988: 99]. Первые такие упражнения рекомендуется выполнять сразу после введения нового материала, причем в устной форме, «так как необходимо сформировать слухо-моторные

образы новых слов и конструкций, независимо от того, предназначены ли они для продуктивного или рецептивного владения» [там же].

Процесс усвоения новой лексики должен быть поддержан контрольными заданиями и работой над ошибками. Своевременный и эффективный контроль способствует повышению результативности работы как преподавателя, так и учащихся. «В практике обучения довольно часто наблюдаются расхождения между программой обучения и реальными результатами, достигнутыми учащимися. В связи с этим необходимо систематически получать информацию о том, как проходит усвоение изучаемого материала. Такую обратную связь в учебном процессе обеспечивает контроль» [Федотова 2013: 118].

В процессе обучения с помощью контроля реализуются несколько педагогических функций (см. [Азимов, Щукин 1999: 123]), из которых считаем необходимым особо выделить как наиболее релевантные задачам обучения инофонов природно-ландшафтному коду русской культуры следующие функции: обучающую, корректирующую и стимулирующую.

Обучающая функция контроля проявляется в том, что он «способствует повторению и закреплению пройденного на занятиях материала. Тем самым контроль является одним из способов обучения языку» [Щукин 2003: 278], с его помощью синтезируется ранее изученный материал. Корректирующая (корректировочная) функция проявляется «во внесении преподавателем изменений в процесс обучения языку на основе полученных в ходе контроля данных» [там же]. Преподаватель получает возможность оценить эффективность используемых приемов обучения, их адекватность поставленным целям и усовершенствовать свою работу. Стимулирующая функция обеспечивает «создание положительных мотивов учения. Проведение или ожидание контроля стимулируют учебные действия учащихся, являются дополнительным стимулом их учебной деятельности» [там же].

В методике преподавания РКИ с учетом организационно-временного фактора и степени сформированности навыков и умений выделяются следую-

щие виды контроля: предварительный (стартовый), цель которого – «установить исходный уровень владения языком»; текущий (носит «регулярный характер», т. е. проводится на каждом занятии); промежуточный («проводится по завершении темы» и «позволяет судить об эффективности овладения конкретным разделом программного материала»); итоговый, который «направлен на установление уровня владения языком, достигнутого в результате усвоения значительного по объему материала (в конце семестра, учебного года)» [Щукин 2003: 278–279]. В ходе диссертационного исследования нами были разработаны материалы для текущего и промежуточного контроля, что отвечает поставленным целям и объему изучаемого материала.

Систему упражнений и заданий для обучения инофонов единицам природно-ландшафтного кода культуры мы строили в соответствии с вышеназванными этапами обучения иноязычной лексике. При этом разработанная нами последовательность методических шагов предполагает переход от языковых упражнений через предкоммуникативные к собственно коммуникативным, что должно обеспечивать переход от овладения языковыми средствами к формированию речевых навыков и развитию речевых умений, от рецептивных видов речевой деятельности к продуктивным. С этой целью нами также использовались задания репродуктивного, репродуктивно-продуктивного и продуктивного характера, иногда задания разного типа комбинировались в одном упражнении: одна его часть предлагалась на рецепцию, другая на репродукцию и затем на продукцию.

По своему назначению разработанные нами упражнения являются комплексными, т. е. они предназначены «для овладения аспектами языка в их взаимодействии» [Щукин 2003: 220], а по способу выполнения – вербальными (не предусматривающими обязательное привлечение средств наглядности) и рассчитаны как на индивидуальную, так и коллективную работу в учебной аудитории или – выборочно – могут быть предложены в качестве заданий для самостоятельной подготовки.

Для работы над единицами природно-ландшафтного кода русской культуры в иноязычной аудитории автором диссертации была создана текстотека, которая легла в основу предлагаемой системы упражнений. В текстотеку вошли учебно-аутентичные материалы монологического и диалогического типа. Эти учебно-аутентичные материалы подразделяются на две группы. Первую составляют тексты из печатных и устных средств массовой информации, которые были подвергнуты нами сокращению, композиционной перестройке в соответствии с определенными задачами обучения и с учетом уровня владения языком того или иного контингента учащихся. Такая «обработка» позволяет минимизировать неизвестный учащимся языковой материал, нерелевантный нашим целям. Другая группа – тексты, специально созданные нами с учетом параметров аутентичного учебного текста, т. е. они представляют собой аутентичный дискурс (текст, взятый в событийном аспекте, которому присущи логическая целостность и тематическое единство), характеризующийся естественностью лексическо-фразеологического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью используемых языковых средств и иллюстрирующий случаи аутентичного словоупотребления (см. [Носонович, Мильруд, 1999: 11–18]).

Отобранный материал предполагает выход в такие разговорные темы, как «Актуальные жизненные проблемы и ситуации», «Характер, состояние и поведение человека», «Отношения между людьми», – с учетом следующих коммуникативных задач: дать эмоциональную оценку проблеме, ситуации; эмоционально охарактеризовать человека; эмоционально описать состояние, поступки, взаимоотношения людей. При этом один и тот же фразеологизм может служить для решения разных задач общения, реализации разных интенций в предлагаемых учащимся учебных коммуникативно-речевых и речевых ситуациях (о разных типах учебных ситуаций см. [Одинцова 2010: 46–49]).

Создавая систему упражнений и заданий для работы с единицами природно-ландшафтного кода русской культуры, мы учитывали тот факт, что в реальном учебном процессе последовательность, сроки освоения и организация

материала обуславливаются различными причинами, и в первую очередь – уровнем языковой подготовки учащихся. В зависимости от нее предлагаемые учебные материалы могут быть адаптированы – упрощены или, наоборот, осложнены актуальными для рецептивной и / или продуктивной речевой деятельности учащихся языковыми средствами, а также использоваться выборочно.

Предполагается, что работа с единицами природно-ландшафтного кода начинается со знакомства преподавателя со словарным описанием этих единиц и содержащих их фразеологизмов (см. параграф 2.3). «Задача преподавателя-практика состоит в том, чтобы, приступая к прохождению той или иной темы в аудитории, владеть тем материалом, который составляет ее лингвистическую основу, владеть той системой перевода методических рекомендаций для преподавателя в методические рекомендации для учащихся, которые разработал методист <...> и, наконец, в том, чтобы адаптировать предлагаемый языковой материал и предлагаемую методическую систему относительно конкретного контингента учащихся» [Добровольская 2008: 90].

3.3. Система заданий и упражнений для обучения инофонов природно-ландшафтному коду русской культуры.

Как известно, «правильное предъявление и семантизация лексики создают необходимые условия для адекватного ее усвоения» [Методика 1988: 84]. В разработанной нами системе заданий и упражнений предусматривается первоначальное предъявление изучаемых фразеологических единиц в диалогах как фрагментах живого речевого общения, причем, по возможности, в сильном семантизирующем контексте (см. [Методика 1988: 95]), когда учащимся легко самим догадаться о том, что означает данное выражение. Проиллюстрируем сказанное примером.

А) Прочитайте диалоги. Обратите внимание на выделенные фразеологизмы.

Диалог 1.

– Почему ты решил стать филологом?

– Надо было выбрать профессию. Математика для меня **тёмный лес**, физика и химия – тоже. Но мне всегда нравилось читать книги и изучать иностранные языки.

Диалог 2.

– Куда ты идёшь?

– На почту. Надо послать письмо бабушке.

– Почему ты не пишешь ей по электронной почте?

– Моя бабушка не пользуется компьютером. Для неё всё, что связано с компьютером, – **дремучий лес**.

Б) Как вы поняли значение выделенных фразеологизмов? Можно ли сказать, что это один и тот же фразеологизм?

Проверьте себя: **тёмный / дремучий лес** означает «что-то непонятное, совсем неясное, слишком сложное, запутанное».

Презентация новых фразеологических единиц должна предусматривать знакомство с моделями, по которым они функционируют в речи. Учащимся может быть предложено самостоятельно вычленить эту модель в том случае, если она достаточно проста и легко просматривается в представленном текстовом материале – например, *что для кого **тёмный лес***. Однако при этом обязательно следует обращать внимание на фиксированность или нефиксированность слов-компонентов, а также факультативное употребление некоторых из них: *что (для кого) **тёмный лес** = (для кого) что **тёмный лес*** и т. д. Кроме того, некоторые компоненты фразеологизма могут быть вариативными, как,

например, адъективный компонент в рассматриваемом случае: *тёмный* = *дремучий*. Все эти особенности строения и употребления фразеологизма, его сочетаемости в структуре предложения также целесообразно продемонстрировать в контексте. Одновременно полезно провести работу по разграничению денотативного и мифологического значения входящих в состав фразеологизма лексем – единиц природно-ландшафтного кода русской культуры.

В) Прочитайте предложения. Скажите, в каких предложениях слово лес употребляется в прямом значении, а в каких входит в состав фразеологизма?

1. За рекой до самого горизонта простирался тёмный лес. 2. Телевизионные передачи на экономические темы, по-моему, это тёмный лес для обычного человека. 3. В Тверской области сохранились дремучие леса, где водятся волки и медведи. 4. Не говори, что фонетика для тебя дремучий лес, а лучше садись и готовься к экзамену. 5. В дремучем лесу трудно выжить молодым деревьям, потому что им мешает расти тень от старых ветвистых деревьев. 6. Любая наука – тёмный лес, пока не начнёшь заниматься ею всерьёз. 7. Почему Анна и Виктор всё время ссорятся, хотя дня не могут друг без друга прожить? – Не знаю. Их отношения для всех нас – тёмный лес.

Если фразеологизм является стилистически маркированным, т. е. имеет ограниченную сферу употребления, это необходимо отметить уже на этапе первичного ознакомления с ним инофонов. Так, например, для фразеологизма *идти / пойти лесом* можно предложить задания *А* и *Б* в следующей формулировке.

А) Прочитайте диалоги. Обратите внимание на выделенные фразеологизмы, которые носят разговорный характер.

Диалог 1.

– Маша, кто звонил?

– Опять с работы звонили. Не дают поболеть спокойно, всё время там какие-то проблемы. Просят, чтобы я завтра вышла на работу.

– *Пошли* они лесом со своими проблемами! Тебе врач сказал, что как минимум три дня надо провести в постели.

Диалог 2.

– Почему у всех мужья как мужья, а ты ничего не умеешь: ни гвоздь вбить, ни яичницу приготовить, ни с детьми позаниматься!

– Как мне надоело слушать твои претензии! *Иди ты лесом!* И найди себе там другого мужа, если я такой плохой!

Б) *Как вы поняли значение выделенных фразеологизмов? Можно ли сказать, что это один и тот же фразеологизм?*

*Проверьте себя: **идти / пойти лесом** означает «прочь и как можно дальше» и используется для выражения крайне негативного отношения к кому-либо или чему-либо. Как вы думаете, в какой ситуации можно, а в какой нельзя употребить этот фразеологизм?*

а) в беседе с начальником

б) в разговоре с другом о посторонних людях

в) при ссоре с близким человеком

г) в разговоре с незнакомым человеком

Таким образом учащиеся подводятся к пониманию того, что данный фразеологизм используется при неформальном общении с близкими людьми.

Иногда одна и та же фразеологическая единица, в зависимости от контекста, используется для характеристики разных явлений действительности, свойств и действий человека и пр. Такие фразеологизмы при знакомстве с ними инофонов должны быть представлены в различных семантизирующих контекстах и нуждаются в более пристальном внимании к их семантике и особен-

ностям как лексической, так и грамматической сочетаемости. Поясним сказанное на примере заданий В для ФЕ *ключом* (*за*)*бить* / (*за*)*кипеть*.

*В1) Прочитайте предложения. Скажите, в каких предложениях слово **ключ** употребляется в прямом значении ‘бьющий из земли источник’, а в каких входит в состав фразеологизма?*

1. Летом на улицах курортных городов ночная жизнь кипит *ключом*. 2. Мы остановились на небольшой поляне, где росла земляника, а из-под камня бил холодный прозрачный *ключ*. 3. С этим ребёнком невозможно справиться, энергия из него просто бьёт *ключом*. 4. Злость в нём кипела *ключом*, но он старался не показать этого. 5. Овраг был большой и глубокий, а на его склонах были *ключи*. 6. Каникулы кончатся, студенты вернутся в общежитие, и жизнь там опять забьёт *ключом*. 7. У молодых художников, картины которых мы видели вчера на выставке, фантазия просто бьёт *ключом*. 8. Сергей склонился над *ключом* и подставил флягу под его струи. 9. Когда-то здесь было большое село, жизнь в нём кипела *ключом*, а теперь осталось только несколько одиноких стариков. 10. Из каждой строчки этой книги *ключом* бьёт оптимизм её автора.

В2) Прочитайте упражнение В1 ещё раз. Отметьте, в каком случае фразеологизм используется для характеристики жизни вообще или отдельной её сферы, какой-либо общественной деятельности людей, а в каком – для характеристики их чувств, эмоций, жизненных сил или творческих способностей.

В3) Познакомьтесь с моделями употребления фразеологизма и найдите в упражнении В1 примеры, соответствующие этим моделям. Чем различаются эти модели?

1. где (у кого, в ком / в чём, на чём) что + бьёт / кипит *ключом*

2. откуда (из кого / из чего) что + бьёт *ключом*

Запомните, что модель 1 является основной, она может употребляться вместо модели 2 и поэтому рекомендуется для использования в любом контексте.

Приведём ещё один вариант предъявления новой ФЕ – на примере многозначного фразеологизма *под гору идти / пойти, катиться / покатиться*.

А) Прочитайте диалоги. Обратите внимание на выделенные фразеологизмы.

Диалог 1.

– Как дела у тебя на работе?

– Зарплату второй месяц не платят, потому что нет заказов, а заказов нет, потому что наша продукция никому не нужна. В общем, дела *идут под гору*. Наверное, надо искать новую работу.

Диалог 2.

– Я давно не видел Олега. После развода с Аней он переехал в другой район и не отвечает на мои звонки. Ты с ним не общаешься?

– Виделись несколько раз. По-моему, он *покатился под горку*. Ходит небритый, в каком-то мятом плаще. И, кажется, скоро останется без работы.

Диалог 3.

– Когда у тебя отпуск? Лето уже *идёт под гору*, а ты ещё не отдыхал.

– Не дают мне пока отпуск. Слишком много работы.

Б) Как вы поняли значение выделенных фразеологизмов? Можно ли сказать, что это один и тот же фразеологизм?

Проверьте себя: в каком из диалогов фразеологизм используется для характеристики ухудшения, неблагоприятного развития какого-либо дела, процесса, в каком – для указания на неблагоприятное состояние человека, а в каком указывает на то, что какой-то отрезок времени заканчивается, близится к завершению?

В1) Ознакомьтесь с моделями употребления фразеологизма.

1. что идёт / катится под гору / горку

2. кто катится под гору / горку

Чем отличаются эти модели? В каком значении по какой модели функционирует фразеологизм?

*В2) Прочитайте предложения. Скажите, в каких предложениях словоформа **под гору** употребляется в прямом значении, а в каких входит в состав фразеологизма?*

1. У Антона появилось слишком много конкурентов, и его бизнес быстро пошёл *под гору*. 2. Дорога пошла *под гору*, и шагать стало легче. 3. Если человек покатился *под гору*, друзья должны помочь ему остановиться. 4. Жизнь его шла *под гору*, и здоровье с каждым годом становилось всё хуже. 5. *Под гору* туристы шли намного быстрее, чем в гору. 6. Если мы не придумаем хорошую рекламу, дела нашей фирмы покатаются *под горку*. 7. Посмотри на молодёжь: как они разговаривают, как одеваются, как относятся к старшим. Мир просто катится *под гору*! 8. Зима уже идёт *под гору*, а тепла нет.

В3) Вспомните значение фразеологизма идти / пойти в гору³⁸ и прочитайте упражнение В1 ещё раз. Отметьте, в каких случаях этот фразеологизм является антонимом.

Подбор синонимов и антонимов, как известно, – весьма эффективные приемы семантизации. Так, например, среди фразеологизмов, содержащих единицы природно-ландшафтного кода, в синонимический ряд выстраиваются ФЕ, функционирующие как количественные (очень большой меры) эталоны, однако, в связи с различиями в их грамматической сочетаемости, в целях презентации инофонам эти ФЕ целесообразно разделить на 2 группы: *как деревьев в лесу, (хоть) пруд пруди, море разливанное [разливное] и в три ручья, рекой [ручьём] течь...*, причем внутри каждой группы должны быть продемонстрированы и различия в употреблении фразеологизмов, обусловленные их лексической со-

³⁸ Мы предлагаем вводить этот фразеологизм раньше рассматриваемого, поскольку семантически он менее сложно «структурирован».

четаемостью. Приведем разработанный нами алгоритм знакомства иностранных учащихся с данными фразеологизмами.

А) Прочитайте диалоги. Обратите внимание на выделенные фразеологизмы.

Диалог 1.

– Света, как отдохнула в Испании? Ты переживала, что не знаешь испанского языка.

– Это оказалось не страшно. Там русских **как деревьев в лесу**.

Диалог 2.

– Мы вчера ходили в новую картинную галерею на улице Высотной. Нам там очень понравилось. Прекрасные картины!

– Знаю, я была в этой галерее. Но в ней залов – **как деревьев в лесу**, я и половину обойти не смогла.

Б) Как вы поняли значение выделенного фразеологизма?

*Проверьте себя: как **деревьев в лесу** означает «очень много». Обратите внимание, что этот фразеологизм используется для обозначения большого количества оказавшихся вместе единичных предметов, отдельных объектов, как одушевленных, так и неодушевленных.*

*В1) Прочитайте диалоги 3 и 4. Обратите внимание на выделенный фразеологизм. Скажите, в каком из диалогов можно, а в каком нельзя заменить фразеологизм его синонимом **как деревьев в лесу** и почему?*

Диалог 3.

– Что ты купишь дочке на день рождения? Куклу?

– У неё кукол и разных игрушек **хоть пруд пруди**. Хочу купить ей книгу – красивое подарочное издание сказок Пушкина. Пора ребёнку знакомиться с классикой.

Диалог 4.

- Пойдём скорее, спектакль скоро начнётся.
- У нас времени ещё **пруд пруди**. Даже успеем выпить кофе в буфете.

B1) Ознакомьтесь с моделью употребления фразеологизмов.

(хоть) пруд пруди

(где / у кого) + кого? чего?

как / будто / словно / что деревьев в лесу

После этого учащимся предлагается ознакомиться с синонимичным фразеологизмом *море разливанное / разливное*, при этом отмечаются совпадения и различия в лексико-грамматической сочетаемости данного фразеологизма и двух рассмотренных выше: во-первых, как и ФЕ (хоть) пруд пруди и в отличие от ФЕ как деревьев в лесу, этот фразеологизм может иметь в качестве зависимых слов неисчисляемые существительные; во-вторых, он может употребляться в соответствии с двумя моделями, различающимися обязательным компонентом:

(где / у кого) + кого? чего

море разливанное / разливное

где / у кого

И в-третьих, рассматриваемый фразеологизм является многозначным; второе его значение 'празднество, пирушка, гульба' целесообразно продемонстрировать, сравнивая предложения, где реализуется это значение, с такими, где фразеологизм в другом своем значении функционирует по второй, общей для обоих значений, модели.

После этого рекомендуется вводить синонимичные фразеологизмы, содержащие такие единицы природно-ландшафтного кода культуры, как *река* и *ручей*. С этой целью могут быть предложены следующие задания.

А) Прочитайте диалоги. Как вы думаете, что общего у выделенных фразеологизмов и чем они отличаются? (Предполагается, что учащиеся – самостоятельно или при помощи преподавателя – выделяют общий для всех представленных ФЕ квантификативный компонент значения ‘очень много’, обратят внимание на различие в моделях употребления, а также на то, что имеющийся в составе нового для них фразеологизма глагольный компонент добавляет в его образ представление о «поступательном движении».)

Диалог 1.

– Саша – большой любитель боевиков. Он посмотрел **море разлитое** таких фильмов.

– А я терпеть не могу кино, где кровь **течёт рекой**.

Диалог 2.

– Говорят, вчера на дне рождения у Кати вино **текло рекой**.

– Кто это говорит?! Ничего подобного! Вот еды действительно было хоть **пруд пруди**.

Диалог 3.

– Как проходит конкурс по русскому языку? Правда, что участников – **как деревьев в лесу**?

– Да, сочинения **текут рекой**. И все очень интересные. Трудно будет выбрать лучшие.

Б) Ознакомьтесь с существительными, с которыми часто используется фразеологизм **течь рекой** в различных своих вариативных формах.

1) кровь, пот, слёзы...

текут

2) вино, вода, бензин

льются

рекой

и др. жидкости

струятся

ручьём / ручьями

хлещут

3) деньги / прибыль...

идеи, воспоминания...

(т. е. конкретные и абстрактные,

исчисляемые и неисчисляемые существительные)

*В) Для синонимичного фразеологизма **в три ручья**, сочетающегося с существительными 1 и 2 групп, в настоящем времени употребление глагольного компонента факультативно. Скажите, в каких из прочитанных вами диалогов этот фразеологизм может быть использован вместо фразеологизма **течь рекой**? Где он может, а где не может быть использован без глагола?*

После выполнения работы по семантизации вводимых ФЕ, знакомства с грамматическими моделями и стилистическими особенностями их употребления мы предлагаем учащимся-инофонам упражнения, способствующие усвоению новой лексики, формированию навыков и умений ее использования в собственной речи. Приведем примеры таких заданий.

А) Закончите высказывания, выбрав фрагменты, которые даны справа.

1. «Кто в лес, кто по дрова» говорят о людях, которые...	не опасаются никаких последствий своих действий
2. «Одного поля ягоды» говорят о людях, которые...	не хуже других
3. «Море по колено» говорят о людях, которые...	обладают сходными качествами
4. «Не обсевок в поле» говорят о людях, которые...	действуют в какой-нибудь ситуации несогласованно, вразнобой

Б) Закончите высказывания, используя фразеологизмы из задания А.

1. Ну что ты всё время ругаешь свою дочь? Про Сашку ты тоже говорила, что ничего хорошего от него ждать нельзя, а он и профессию получил, и на работе его ценят. Вырос нормальный человек, ...

2. Давайте хоть один праздник проведём вместе, как другие семьи. А то как только появляется возможность отдохнуть, мы все ... .

3. Ни муж, ни сын совсем мне не помогают. Вся домашняя работа только на мне. А они даже посуду за собой не вымоют, поедят – и один бежит к телевизору, а другой к компьютеру. В общем, ...

4. Семёнов, опять опоздал? И ещё улыбаешься? А клиенты, между прочим, уже полчаса тебя ждут! Каждый день с тобой проблемы, а тебе ... .

Приведем еще пример аналогичного упражнения на тренировку навыков употребления ФЕ, но в рамках не монологического микротекста, а микродиалога. Кроме того, здесь мы представляем такой вариант этого задания, когда фразеологизм стоит в высказывании (тексте) не в абсолютной конечной позиции, а может занимать в нём любое место.

*А) вспомните значение и модели употребления фразеологизмов **не за горами, капля в море, молочные реки и кисельные берега, чистый родник**.*

Б) Дополните диалоги, используя данные фразеологизмы.

Диалог 1.

– Теперь тебе, наверное, стало полегче жить. Кирилл уже закончил учиться, начал работать, приносит в дом зарплату.

– Его зарплата в семейном бюджете – ... , её пока с трудом хватает на его собственные траты, но главное – у него на работе есть большие перспективы.

Диалог 2.

– Ты слышала, Игорь с Ольгой вернулись в Россию!

– Да что ты говоришь! Они ведь и пяти лет не прожили в Америке. Зачем тогда уезжали?

– Думали, что там ... , а оказалось всё совсем не так.

Диалог 3.

– Наташа, поздравляю! Не зря, видно, ты решила стать учительницей. Видела тебя вчера по местному каналу в передаче про вашу школу.

– Как жаль, что я не смогла посмотреть! Хорошая передача получилась?

– Да, очень хвалили школу. Сказали, что в нашем районе она ... знаний и творчества.

Диалог 4.

– Куда так спешишь с утра пораньше?

– В греческое консульство. Хочу подать документы на визу. Собираюсь поехать в отпуск на Родос.

– Да, ты прав: лето ... , пора уже думать об отдыхе.

Поскольку фразеологизмы – это сложные по составу языковые единицы, мы считаем целесообразным предлагать такие задания, в которых особое внимание уделяется связи между их компонентами, что способствует выработке навыков правильного употребления ФЕ в речи. Приведем примеры подобных заданий.

1) Соедините правильно части фразеологизмов.

идти	золотые горы
ждать	в гору
обещать	в лес
доставать	у моря погоды
смотреть	со дна моря

2) Завершите высказывания, правильно восстановив фразеологизмы.

– У тебя много друзей?

– Близких – немного, зато я знаю, что в любой ситуации...

...могу на них *положиться*, как ... .

...они будут за меня *стоять* ... .

...они ради меня готовы *свернуть* ... .

3) *Какими глаголами можно дополнить фразеологизмы в данных высказываниях? Укажите как можно больше возможных вариантов. Отметьте, в каких случаях употребление глагола обязательно, а в каких – факультативно.*

1. Почему вы так шумите? Из-за чего *сыр-бор* ... ? 2. Лена, поздравляю! Мне сказали, что ты получила на экзамене пятёрку! – Да, у меня просто *гора с плеч* ... . 3. Везёт тебе! Твой старший брат всегда за тебя *горой* ... . 4. Когда ищите новую работу, не верьте, если вам сразу *золотые горы* ... . 5. Кто обидел Лиду? Почему у неё слёзы *в три ручья* ... ? 6. Хотя наш городок маленький, в нём есть два музея, картинная галерея, театр и концертный зал. В общем, культурная жизнь у нас *ключом* ... .

В предлагаемой системе заданий и упражнений используются также такие, в ходе выполнения которых требуется, сохраняя смысл высказывания, заменить фразеологизмы нейтральными языковыми средствами или, наоборот, вместо нейтральных языковых средств использовать более экспрессивные – изучаемые фразеологические единицы.

1) *Прочитайте диалоги. Выразите ту же мысль, используя вместо выделенных фразеологизмов нейтральные языковые средства.*

Диалог 1.

– Вы сняли квартиру?

– Да, и недорого. И метро рядом. Одно плохо – неудобная какая-то квартира: мебель там **с бору да с сосёнки**.

Диалог 2.

– Ты слышал, что Андрей Смирнов открывает новый ресторан? Уже третий за последние полгода.

– Да, вот у кого бизнес **идёт в гору**.

Диалог 3.

– Почему Аня вышла замуж за Сергея? Мне кажется, она его совсем не любит.

– Зато он её обожает. Что она ни попросит – готов **со дна моря достать**.

2) Прочитайте диалоги. Выразите ту же мысль более эмоционально, используя вместо выделенных слов подходящие по смыслу фразеологизмы³⁹.

Диалог 1.

– Ты ездил вчера на экскурсию в Кремль? Понравился тебе московский Кремль?

– Погода была плохая, экскурсовод говорил очень быстро, а на обратном пути автобус попал в пробку, и мы очень долго ехали до общежития.

– Думаю, что ты за **этимися мелочами не заметил главного**.

Диалог 2.

– Не могу закрыть читательский билет. За мной ещё учебник по фонетике.

– Ты его потерял?

– Нет, дал Амине. А теперь, когда начались каникулы, **её не найти**.

Диалог 3.

– Как твои дела? Устроилась на работу?

– В наше время невозможно найти хорошую работу.

---

³⁹ В зависимости от того, над какими именно фразеологизмами ведется работа, в задании может быть предложен их список.

– Конечно, невозможно, если **ничего не делать**. Надо быть энергичнее, рассылать везде своё резюме, звонить в фирмы, искать по Интернету.

После выполнения подобных упражнений следующим шагом является переход к собственно коммуникативным заданиям. Прежде всего это респонсивные упражнения, в частности вопросно-ответные и репликовые. «Вопросы, даже праздные, всегда коммуникативны, они нацелены на собеседника, требуют от него отклика. Таким образом, вопрос – это одновременно и побуждение к речевой реакции» [Скалкин 1981: 210]. В то же время «реплики в живом диалоге далеко не всегда соотносятся между собой как “вопрос – ответ”. Другими, наиболее частотными диалогическими единствами являются: “утверждение – вопрос”, “утверждение – утверждение”, “утверждение – отрицание”», т. е. стимулом к речевой реакции также служат высказывания невопросительного или непобудительного характера [там же: 211]. Учащимся могут быть предложены, например, следующие задания.

*1. Ответьте на вопросы, используя фразеологизмы как **деревьев в лесу, пруд пруди, море разлитое**. (Задание может быть предложено в другой формулировке, когда учащиеся должны извлечь необходимые лексические единицы из долговременной памяти: *Ответьте на вопросы, используя фразеологизмы, обозначающие большое количество, объём.*)*

- 1) У вас много друзей?
- 2) У вас есть свободное время?
- 3) Вы прочитали много или мало книг на русском языке?
- 4) Сколько в русском языке фразеологизмов?
- 5) Сколько русских слов вы знаете?

Это задание можно сделать более творческим, предложив студентам а) задать аналогичные вопросы друг другу, б) задать друг другу вопросы, поставив условием употребление в ответе того или иного фразеологизма.

Приведем пример другого упражнения, когда, наоборот, в ответ на реплику собеседника требуется задать вопрос с целью уточнения информации, т. е. вопрос служит репликой-стимулом к дальнейшему развитию диалога (что и может быть предложено учащимся без программирования их последующих речевых реакций; к беседе могут подключаться и другие студенты).

*2. Расспросите собеседника, уточните информацию с помощью вопроса. Используйте фразеологизмы **сыр-бор загорелся, идти в гору, молочные реки и кисельные берега.***

- 1) Вчера мои соседи так скандалили! Весь дом их слышал. – ...
- 2) Сергей пригласил меня в субботу в ресторан. – ...
- 3) Получила письмо от Тани. Они ведь с мужем уехали в прошлом месяце на работу в Японию, преподают теперь в одном из университетов в Токио. – ...

Приведем еще примеры упражнений респонсивного характера.

*3. Согласитесь с собеседником, используя фразеологизмы **гора с плеч, своротить горы, надеяться как на каменную гору, обещать золотые горы, не за горами.***

- 1) Как хорошо, что кончились экзамены! – ...
- 2) Пришлось нам потрудиться, чтобы хорошо сдать сессию. – ...
- 3) Я был уверен, что Иван поможет нам готовиться к экзаменам. – ...
- 4) Обидно, что он нас обманул. – ...
- 5) Но главное – скоро уже едем домой! – ...

В такого рода упражнениях могут быть использованы ФЕ, содержащие один и тот же компонент, эксплицирующий природно-ландшафтный код русской культуры (в этом случае задание может быть усложнено, например: *Согласитесь с собеседником, используя фразеологизмы с компонентом **гора***), или разные компоненты; реплики могут выстраиваться в более развернутый диалог, как в представленном выше упражнении 3, либо не иметь связи между собой.

4. Возразите собеседнику, используя фразеологизмы в три ручья, одного поля ягоды, море по колено, горой стоять, бить ключом.

- 1) Маша так радовалась, когда получила тройку на экзамене! – ...
- 2) Сыновья Анны такие разные: один вежливый, тихий, а другой просто хулиган. – ...
- 3) У Сергея болят зубы, но он очень боится идти к врачу. – ...
- 4) В детстве мой брат никогда не защищал меня, если кто-нибудь меня обижал. – ...
- 5) В новогодние праздники на улицах будет тихо, все будут сидеть по своим квартирам, смотреть телевизор и есть салаты. – ...

Весьма интересны и помогают оживить атмосферу на занятии упражнения, когда студентам предлагается выразить ту или иную эмоциональную реакцию (удивление, досаду, возмущение, одобрение, радость и пр.).

5. Отреагируйте на реплику собеседника, выразив удивление или осуждение. Используйте фразеологизмы за деревьями не видеть леса, ждать у моря погоды, катиться под гору, течь рекой, глядеть в лес.

- 1) Представляешь, Анне не понравилось в Париже! Жалуется, что номер в гостинице был тесный, завтраки скудные, а на улицах и в метро полно народу. – ...
- 2) Я решил не менять работу. Начальство обещало все-таки повысить зарплату в этом году. – ...
- 3) Виктор продаёт свою роскошную квартиру, хочет купить другую, маленькую, а оставшиеся деньги положить в банк, чтобы жить на них и не работать. – ...
- 4) Наша фирма заработала за этот год в пять раз больше, чем за предыдущий! – ...
- 5) Света отменила свадьбу, потому что узнала, что её жених одновременно встречался с другой девушкой. И даже не с одной! – ...

Весьма эффективными для развития коммуникативной компетенции учащихся являются ситуативные упражнения. Для овладения единицами природно-ландшафтного кода культуры мы предлагаем задания, в основе которых лежат учебно-речевые и проблемные ситуации (последние отличаются от учебно-речевых «деперсонификацией» (по отношению к говорящему) обстановки, экстерииоризацией речевого стимула, разнохарактерностью последовательных операций [Скалкин 1981: 211]). Приведем примеры таких упражнений как монологического, так и диалогического характера.

6. Вы готовитесь к экзамену по очень трудному для вас предмету. Попросите знакомого студента, хорошо знающего этот предмет, помочь вам, выскажите заранее свою благодарность.

Используйте фразеологизмы: не за горами, тёмный лес, капля в море, со дна моря достать.

7. Работаем в парах!

Ваша подруга поссорилась с мужем и решила подавать на развод. Расспросите её о причинах ссоры и убедите помириться с мужем.

В вопросах и ответах используйте фразеологизмы: сыр-бор разгорелся, за деревьями не видать леса, как деревьев в лесу, как на каменную гору надеяться, своротить горы, обещать золотые горы, одного поля ягоды, не обсевок в поле.

Данное упражнение может быть дополнено, например, таким заданием дискуссионного характера, предполагающим участие всей группы: *Обсуждаем проблему! Какой, по-вашему, должна быть идеальная семья? Выражая своё мнение, используйте изученные фразеологизмы.*

8. Работаем в парах!

После окончания университета ваш друг хочет устроиться на работу. Расспросите его, где бы он хотел работать, и посоветуйте ему, как найти хорошую работу.

В вопросах и ответах используйте фразеологизмы: ждать у моря погоды, молочные реки и кисельные берега, бить ключом, течь ручьём, кто в лес, кто по дрова, идти в гору.

Последнее задание может легко перерасти в дискуссию, если в его выполнение вовлечь всю группу, предложив для обсуждения такой, например, вопрос: *Что такое «хорошая работа», какой она должна, по-вашему, быть, чтобы человек был ею доволен?* Другие варианты работы с представленными в этом задании фразеологизмами (их список может быть расширен) – это инициативные упражнения, направленные на порождение текста-диалога («интервью») или полилога («пресс-конференция»):

9. Вы – корреспондент(ы). Ваш собеседник – Пётр Чернышов, генеральный директор предприятия «Универсал», получившего премию «Компания года». Пятнадцать лет назад П. Чернышов приехал в Москву из провинции, не имея даже денег на обратный билет, а сегодня является одним из самых успешных российских предпринимателей.

В разработанной нами системе также наличествуют упражнения, созданные на основе более развернутых текстов преимущественно диалогического типа (как наиболее приближенного к живому общению). Приведем пример такого упражнения, объединяющего задания на рецепцию (А), репродукцию (Б) и продукцию (В).

А. Прочитайте интервью с известным российским актёром театра и кино Евгением Мироновым. Скажите, когда он выбрал свою профессию.

– Евгений, вы – народный артист России, лауреат двух Государственных премий, да и других наград за заслуги в области искусства у вас просто **море разлитое**, все не перечислить. Вы мечтали о таком признании, когда решили стать артистом?

– Сколько себя помню, я всегда был артистом. И мечтал тогда не о славе, а чтобы родители и друзья остались довольны. У нас дома имелся свой малень-

кий театр, я был и режиссёром, и драматургом, и костюмы шил – устраивал кукольные представления вместе с сестрой Оксаной. Мы с ней **одного поля ягоды**, оба связали свою жизнь с искусством, только сестра посвятила себя балету.

– Это правда, что вы очень привязаны к своей матери и сестре? Говорят, что вы готовы **со дна моря достать** всё, что они ни попросят.

– Только они ничего и не просят, просто я сам очень люблю делать им подарки. А главное – мы во всём можем друг на друга **положиться, как на каменную гору**. Ведь это самое важное в человеческих отношениях.

– Ваша сестра замужем, у неё уже трое детей, а вы по-прежнему живёте вдвоём с мамой, хотя поклонниц у вас **хоть пруд пруди**, да и в силу своей профессии вы постоянно окружены красивыми женщинами. Когда же наконец Евгений Миронов женится?

– Моей маме тоже хочется, чтобы это событие оказалось **не за горами**, но оно, наверное, никогда не произойдёт. Свободное время, досуг в моём расписании дня – **капля в море**. Я просто не смогу сделать счастливой свою семью, у меня не будет на это ни времени, ни сил.

– Ваша карьера с самого начала резко **пошла в гору**. А сейчас вы руководите Театром наций, одним из самых престижных в Москве, да и предложения сниматься в кино и играть в других театрах **текут рекой**... Не поделитесь ли вашими ближайшими творческими планами?

– «Карьера», «престижный» – мне не нравятся эти слова применительно к моей профессии. Для меня театр, как, кстати, и для многих, – это, как ни высокопарно звучит, **чистый родник** искусства. И жизнь артиста, по-настоящему увлечённого своим делом, не **молочные реки и кисельные берега**. Это прежде всего труд, тяжёлый, изматывающий, но и приносящий огромную радость. Что же касается планов... Планов много, но я не люблю их обсуждать – боюсь, что тогда они не осуществятся.

– Ну что же, Евгений, позвольте вам пожелать, чтобы творческая энергия всегда в вас **била ключом!**

Б. Расскажите своей сестре, поклоннице творчества Евгения Миронова, об отношении артиста к его родным и к профессии. В своём рассказе используйте фразеологизмы из текста.

В. Примите участие в обсуждении проблемы «Семья или работа». Выразая свою позицию, используйте фразеологизмы из текста.

Известно, что лучшему освоению учебного материала способствуют письменные упражнения (см., например, [Методика 1988: 142–143]). Такой вид коммуникативных письменных заданий, как написание сочинения, представляющее собой «особый, сложный вид творческого упражнения» [Общая методика... 1991: 270], имеет своим результатом продуцирование текста монологического характера и требует особого внимания к лексико-грамматической сочетаемости и стилистическим свойствам изучаемых языковых явлений. Для работы над единицами природно-ландшафтного кода русской культуры мы считаем особенно полезным предлагать учащимся написать сочинение в форме частного (бытового) письма: во-первых, в этом случае налицо четкая коммуникативная установка, во-вторых, стилистические особенности фразеологизмов, присущие им образность и экспрессивность делают эти лексические единицы весьма уместными в текстах данного жанра, поскольку его отличительными чертами являются непринужденность и неформальность.

Задание 1. Вы уже месяц живёте и учитесь в Москве. Напишите письмо вашему другу, с которым вы вместе изучали русский язык в вашей родной стране, расскажите о своей учёбе, жизни в общежитии, знакомстве с городом. Сообщите, насколько реальность соответствует тем ожиданиям и представлениям, которые у вас были до поездки в Россию. В своём письме используйте изученные фразеологизмы.

Задание 2. Ваша близкая знакомая, с которой вы подружились в России, вышла замуж. Вы были приглашены, но не смогли приехать на свадьбу. Напи-

шите ей письмо, поздравьте, выразите свои пожелания и расспросите о жизни молодожёнов. В своём письме используйте изученные фразеологизмы.

Задание 3. У вас неприятности на работе. Напишите письмо своему русскому другу, расскажите о своих проблемах, о том, что вас не устраивает, попросите у него совета и заручитесь его помощью в возможных поисках нового места работы. В своём письме используйте изученные фразеологизмы.

Как уже говорилось выше, особый интерес учащихся вызывают задания, направленные на сопоставление изучаемого фразеологического материала с лексикой родного языка. В группах студентов-филологов мы предлагаем письменные задания, направленные на выявление сходства и различия в мифологических значениях единиц природно-ландшафтного кода русской культуры и родной культуры учащихся. Мы считаем целесообразным начинать с написания отдельных работ для каждой из рассматриваемых единиц. Фразеологизмы с компонентом *бор* могут анализироваться отдельно или же быть объединены в одном задании с ФЕ, содержащими лексему *лес*; фразеологизмы с компонентом *море* целесообразно рассматривать отдельно от ФЕ с компонентами – названиями других водоемов и источников. Могут быть использованы и другие принципы группировки материала, когда выбираются несколько фразеологизмов с одним и тем же или разными компонентами. Учащиеся, переводя русские ФЕ на свой родной язык, должны пронаблюдать, какие языковые средства использованы для перевода, а при наличии эквивалента отметить совпадения и различия в составе ФЕ. Дополнительно студентам может быть предложено найти в родном языке другие идиоматические выражения с единицами природно-ландшафтного кода культуры, привести их русские эквиваленты или толкование и сделать выводы о том, какое значение несут анализируемые единицы как экспликативы природно-ландшафтного кода.

В группах филологов-магистров мы предлагаем следующее, весьма трудное, творческое задание, которое можно было бы определить как написание сочинения-эссе.

Прочитайте отрывок из стихотворения русского поэта Ф.И. Тютчева (1803–1873).

Не то, что мните вы, природа:
 Не слепок, не бездушный лик –
 В ней есть душа, в ней есть свобода,
 В ней есть любовь, в ней есть язык...

Как можно развить выраженную поэтом мысль, используя известные вам русские фразеологизмы и фразеологизмы вашего родного языка?

Важной частью разработанной нами системы упражнений являются задания, призванные обеспечить контроль за усвоением изучаемой лексики. Текущий контроль направлен на проверку усвоения учащимися той части учебного материала, которая именно на данном занятии является объектом работы. Для проведения этого вида контроля мы широко использовали различного типа тестовые задания (альтернативные тесты, тесты на соответствие, тесты множественного выбора). Так, например, после работы на занятии над фразеологизмами *тёмный лес* и *за деревьями не видеть леса* учащимся предлагается следующее задание.

Прслушайте диалоги. Отметьте на матрице описание ситуации (А или Б), соответствующее содержанию каждого диалога.

Диалог 1.	А	Б
Диалог 2.	А	Б

Диалог 1.

– Денис, в картинной галерее открывается новая выставка. Пойдёшь с нами в субботу?

- У меня были другие планы на субботу... А какая выставка?
- Называется «Европейская живопись двадцать первого века».
- Спасибо за приглашение, но лучше я займусь своими делами. Современное искусство для меня **тёмный лес**.

А. Денис решил не ходить на выставку, потому что не понимает современную живопись.

Б. Денис не может пойти на выставку, потому что занят в субботу.

Диалог 2.

– Я слышала, что ваша группа готовит какой-то спектакль к новому году. Это правда?

– Да. Стас и Катя написали небольшую пьесу о студенческой жизни, теперь под их руководством каждый день репетируем.

– Ну и как идут репетиции?

– Лучше не спрашивай. **Кто в лес, кто по дрова.**

А. Репетиции студенческого спектакля проходят плохо, потому что пьеса неудачная.

Б. На репетициях студенческого спектакля не складывается актёрский ансамбль.

Приведём ещё пример использования тестовой формы заданий как вида контрольных упражнений – после работы над фразеологизмами *со дна моря достать* и *ждать у моря погоды*.

Прочитайте диалоги. Отметьте на матрице информацию (А или Б), соответствующую содержанию каждого диалога.

Диалог 1.

– Лена, тебя искал Борис. Три раза заходил. Какое-то срочное дело. Я не сказала, что ты в столовой, хотела дать тебе возможность спокойно пообедать.

– Спасибо, но он и без подсказки меня нашёл и испортил мне аппетит!
Да, если Борису что-то от человека нужно – **со дна моря достанет**.

Диалог 2.

– Начальник нашего департамента уходит на пенсию. Интересно, кто будет назначен вместо него?

– Борис! Тебе давно пора получить повышение. Ты ведь делаешь основную работу в вашем департаменте! Сколько ещё ты будешь **ждать у моря погоды**? Ты должен пойти к директору и попросить эту должность.

А. Борис активный, решительный человек, привыкший добиваться своего.

Б. Борис пассивный человек, неспособный бороться за свои интересы.

Диалог 1.	<i>А</i>	<i>Б</i>
Диалог 2.	<i>А</i>	<i>Б</i>

Как уже говорилось выше, при изучении фразеологизмов большое значение имеет работа над их сочетаемостью и особенностями употребления. В качестве контрольных могут быть предложены, например, следующие задания.

Отметьте на матрице, в каком случае можно использовать фразеологизмы (1) кто в лес, кто по дрова и (2) с бору по сосёнке: когда речь идёт

А. о людях

Б. о вещах, предметах

В. о людях, о вещах и предметах

<i>Фразеологизм 1.</i>	<i>А</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>
<i>Фразеологизм 2.</i>	<i>А</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>

Прочитайте высказывания. В каких из них для большей эмоциональности можно использовать фразеологизмы (1) течь ручьём и (2) течь в три ручья? Отметьте на матрице все возможные варианты.

А. Зарплата в этом месяце будет совсем небольшая. Вот когда наконец закончим строительство нового торгового центра, у нас появится много денег.

Б. Что случилось? Кто тебя обидел? Немедленно перестань реветь и расскажи всё подробно.

В. Удивляюсь, почему люди жалуются на свою работу вместо того, чтобы искать новую. В Интернете есть специальные сайты, куда можно отправить своё резюме. Я это сделала неделю назад и за эту неделю получила массу предложений.

<i>Фразеологизм 1.</i>	<i>А</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>
<i>Фразеологизм 2.</i>	<i>А</i>	<i>Б</i>	<i>В</i>

В отличие от заданий, предназначенных для текущего контроля, задания для промежуточного контроля содержат материал, связанный с функционированием большего количества изученных фразеологизмов. По методике, разработанной У.Л. Тейлором, нами составлялись клоуз-тесты (см. [Балыхина 2006: 29–30], представляющие собой связный текст с пропущенными лексическими единицами, при этом шаг пропуска не является строго фиксированным, поскольку основная цель теста в нашем случае – проверка владения определенным лексическим материалом – ФЕ с лексемами – единицами природно-ландшафтного кода культуры. Приведем пример такого клоуз-теста.

Восстановите текст, используя фразеологизмы

- 1) *бить ключом*
- 2) *в три ручья*
- 3) *горы свернуть*
- 4) *ждать у моря погоды*
- 5) *ищи ветра в поле*
- 6) *как на каменную гору надеяться*
- 7) *молочные реки и кисельные берега*
- 8) *море разливанное*

9) *не за горами*

10) *пойти под гору*

11) *со дна моря достать*

12) *тёмный лес*

Родители Насти безумно любили свою единственную дочь и ради неё могли ... (№...). Что ни пожелает девочка – готовы были ... (№...). Игрушки, сласти, наряды – всего у неё было ... (№...), причём высшего качества, на зимние каникулы её возили в Альпы, на летние – на какое-нибудь экзотическое побережье. Одним словом, не жизнь, а ... (№...). И хотя все школьные науки для Насти были ... (№...), папа с мамой умели договариваться с учителями, чтобы те не огорчали девочку плохими оценками. Но когда уже ... (№...) были выпускные экзамены и обсуждался вопрос, в какой престижный вуз устроить Настю, всё внезапно кончилось. Дела компании, которой руководил её отец, резко ... (№...): не удалось выполнить несколько очень важных контрактов. Тогда его заместитель перевёл все деньги фирмы на свой счёт и сбежал – ... (№...)! Отец, на которого Настя привыкла ... (№...) во всём, изменился неузнаваемо. Человек, в котором жизненная сила, казалось, всегда будет ... (№...), за считанные дни превратился в бессильного старика. А мать целыми днями рыдала ... (№...), пока не заболела от горя. Настя не могла больше ... (№...), и пришлось вчерашней школьнице брать все семейные дела в свои руки.

Для проверки уровня сформированности лексического компонента языковой компетенции инофонов можно также рекомендовать упражнения, когда требуется соотнести ту или иную ситуацию общения, коммуникативный акт с определенной фразеологической единицей. Представим пример такого задания рецептивного типа.

Прочитайте высказывания. Соотнесите каждое из них с фразеологизмом из числа данных ниже.

А. гора с плеч

Б. в лес глядеть

В. обещать золотые горы

Г. бить ключом

1. Как она могла не выйти замуж за Игоря? Она всегда стремилась прежде всего стать богатой, а он говорил, что всё у неё будет: свой дом, и деньги, и модная одежда, и путешествия, отдых на Канарских островах. А в результате живут на её зарплату в однокомнатной квартире.

2. Врач меня совсем запугал. Пока не стали известны результаты анализов, я не могла спокойно спать. Зато теперь чувствую такое облегчение!

3. Сколько энергии в этом ребёнке! Ни минуты не может усидеть на месте. Надо отдать его в спортивную секцию, иначе все с ним с ума сойдём.

4. Оля очень переживает, что её муж подал на развод. И даже не пожелал ничего с ней обсуждать. Она ведь и красивая, и умная, и хозяйка замечательная. А он не хочет с ней жить – и всё тут!

<i>№ высказывания</i>	<i>Фразеологизмы</i>
1.	
2.	
3.	
4.	

Нами были также разработаны контрольные задания, нацеленные на проверку уровня сформированности репродуктивных речевых навыков и умений. Приведем примеры.

Прочитайте микротексты. Передайте их содержание, используя выделенные фразеологизмы.

1. Антон вырос в сибирском селе. Но он с детства мечтал о том, что станет известным учёным, будет сначала учиться, а потом работать в Московском университете. Ради этой своей мечты он готов был **горы свернуть**. Занимался даже по ночам, сам выучил два иностранных языка, школу окончил с золотой

медалью. А чтобы заработать деньги на поездку в Москву, три года в каникулы работал на стройке.

2. В школе будущий чемпион, мягко говоря, никакими талантами не блистал. Учился плохо, с двойки на тройку, убегал с уроков. Его ругали и учителя, и родители, а ему было **море по колено**. Всем урокам он предпочитал урок физкультуры. Единственным местом, которое его интересовало в школе, был спортивный зал, и там Коля мог пропадать часами.

3. Сколько себя помнит, Света играла – сначала на пианино, потом на пианино и скрипке. Когда другие дети гуляли, веселились, Света учила гаммы. Когда они ходили в кино, катались на лыжах, она разучивала сонаты. Света была лучшей ученицей в музыкальной школе. Уже в двенадцать лет стала выступать с концертами, но родители каждый день повторяли ей, что всё, что она делает, только **капля в море**, она должна ещё больше трудиться ради своего будущего. И Света возненавидела музыку...

4. Саша не любит вспоминать школьные годы. Отец бросил семью, когда мальчик был ещё совсем маленьким. Мать с утра до вечера на работе, ей не до сына, лишь бы заработать на жизнь. Саша рос настоящим хулиганом: плохая компания во дворе, драки, сигареты, выпивка... Так бы и **катился под гору**, если бы не влюбился в шестнадцать лет в девочку, которая переехала в соседнюю квартиру. Эта любовь изменила всю его жизнь.

В контрольных заданиях репродуктивно-продуктивного типа предлагаются тексты-источники, в которых отсутствуют фразеологизмы, самостоятельно употребить их – задача учащихся. Например:

Прочитайте текст. Передайте его содержание, используя известные вам фразеологизмы.

Маша пришла домой, бросила сумку, огляделась и удивилась: где же Мурка? Маша привыкла, что кошка встречает её в коридоре и требует немедленно идти на кухню и кормить её. Жизнь у Мурки была чудесная: Маша и её

родители приходили домой в разное время, и каждый должен был покормить требовательную кошку. Уходили родители на работу, а Маша в университет тоже в разное время, поэтому кошка у них была толстая и ленивая. Почти весь холодильник занимали кошачьи консервы...

Девушка заглянула на кухню: ведь это любимое кошкино место в доме. И увидела открытое окно... Скоро последний экзамен, а это был самый трудный и непонятный для Маши предмет. Она много занималась и мало спала, вот и забыла утром закрыть окно. Маша бросилась на улицу: вдруг кошка лежит под окном? Но Мурки нигде не было. Исчезла!

Вечером Маша плакала, мама тоже рыдала, а папа сказал: «Кошки – неблагодарные животные. Мы её кормили-кормили, а она мечтала удрать от нас... Ну что же, окно на кухне теперь всегда будет открыто. Хотя это бесполезно, но больше ничего мы сделать не можем».

Прошло время, уже кончалась зима. И вот однажды Маша вернулась из университета, открыла дверь и не поверила своим глазам: в коридоре сидела худая Мурка, а рядом с ней – два котёнка. Маша почувствовала невероятное облегчение. Не зря семья мёрзла всю зиму с открытым окном!

Теперь в коридоре дежурят три кошки. «Все вы одинаковые. Дети такие же, как их мама», – ворчит Маша и идёт на кухню.

Подразумевается, что, пересказывая данный текст, учащиеся используют такие ФЕ, как *молочные реки и кисельные берега, пруд пруди* (или синонимичные этому фразеологизмы), *не за горами, темный лес, в лес смотреть, ищи ветра в поле, в три ручья, течь рекой, ждать у моря погоды, катиться под гору, гора с плеч, одного поля ягоды*. Работу с текстом можно продолжить, предложив учащимся пересказать его от лица Маши, ее родителей. Также для проверки репродуктивно-продуктивных навыков и умений уже не говорения, а письма можно предложить студентам выполнить задание в письменном виде.

Среди разработанных контрольных заданий репродуктивно-продуктивного характера есть такие, когда учащиеся должны не только понять, но и, используя синонимичные языковые средства, вербально семантизировать ФЕ. Этот вид работы предназначен для студентов-филологов. Выполняя подобные задания, студенты работают не с матрицей, а отвечают на вопросы после прослушивания текста, который может иметь монологическую или диалогическую форму, например:

– Таня, ты была у директора? Сказала ему, что не успеешь до пятницы закончить отчёт?

– Нет, и я решила не делать этого. Не буду ничего ему говорить. Не хочу потерять работу. Понимаете, Ольга Ивановна, я боюсь, что он просто уволит меня.

– В этом случае я **стану** за тебя **горой**. Но будет хуже, если ты не предупредишь его, а отчёт всё равно не сделаешь.

Вопросы:

1. Что должна сделать Таня до пятницы?
2. О чём она боится сказать директору?
3. Что будет делать Ольга Ивановна, если директор решит уволить Таню?

Студентам негуманитарного профиля такой диалог может быть дан на рецепцию, им предлагается тест альтернативного выбора:

1. Таня должна закончить отчёт до пятницы.	А. Да. Б. Нет.
2. Таня может закончить отчёт до пятницы.	А. Да. Б. Нет.
3. Таня не боится потерять работу.	А. Да. Б. Нет.
4. Ольга Ивановна будет защищать Таню, если директор решит уволить её.	А. Да. Б. Нет.

Задания такого рода, содержащие более одного фразеологизма, рекомендуем предъявлять не в виде аудиотекста, а в виде текста для чтения:

Как только ребята ушли, мама решила высказать Мише всё, что она думает о его друзьях. Такой **сыр-бор загорелся!** Миша, конечно, **горой стоял** за ребят: да, они грубые и невоспитанные, но это не значит, что они плохие люди. Кончилось всё тем, что мама хлопнула дверью и сказала: «Ты с ними **одного поля ягода!**»

Вопросы (для учащихся-гуманитариев):

1. Что случилось после того, как друзья Миши ушли?
2. Как вёл себя Миша?
3. Что мама думает о Мише?

Тест для проверки рецептивных навыков (для учащихся-негуманитариев):

1. Друзья Миши нравятся его маме.	А. Да. Б. Нет.
2. После ухода друзей Миши дома начался скандал.	А. Да. Б. Нет.
3. Миша оправдывал и защищал своих друзей.	А. Да. Б. Нет.
4. Мама сказала, что Миша не похож на своих друзей.	А. Да. Б. Нет.

Завершают блок контрольных упражнений задания, направленные на проверку сформированности умений и навыков в продуктивных видах речевой деятельности. Для проверки навыков и умений говорения учащимся предлагается принять участие в диалоге. Работая в парах, они должны разыграть диалог в предлагаемой ситуации общения.

Ситуация 1. Вы очень плохо сдали экзамен. Обратитесь к преподавателю, объясните, почему вы оказались неподготовлены, выслушайте его мнение и ответьте на его вопросы. Попросите предоставить вам возможность пересдать экзамен. В разговоре используйте известные вам фразеологизмы.

Ситуация 2. Вы случайно встретили спустя десять лет бывшего однокурсника. Расспросите его о том, как он живёт, чем занимается, поддерживает ли связь с другими однокурсниками, узнайте, что ему о них известно. Ответьте на его вопросы. В разговоре используйте известные вам фразеологизмы.

С целью контроля навыков и умений, необходимых для передачи информации в письменной форме, мы предлагаем учащимся написать частное письмо, например, следующего содержания.

Задание 1. В студенческом общежитии праздновали встречу Нового года. Напишите по электронной почте письмо студентке, которая уехала встречать Новый год к родителям в другой город. Расскажите подробно о том, что происходило в новогоднюю ночь. В своём письме используйте известные вам фразеологизмы.

Задание 2. У вас новая работа. Напишите письмо вашей русской подруге (другу), расскажите о своих впечатлениях, о том, оправдывает ли эта работа ваши ожидания. Опишите свой первый рабочий день, охарактеризуйте ваших новых коллег. В своём письме используйте известные вам фразеологизмы.

Отметим также контрольные задания, ориентированные одновременно на несколько видов речевой деятельности – чтение, говорение и письмо, например:

А) Прочитайте заголовок статьи в интернет-газете. Как вы думаете, о чём эта статья?

«Сыр-бор из-за девушки: певцы Григорий Лепс и Стас Пьеха не поделили топ-модель»

Б) Прочитайте фрагмент статьи. Совпало ли её содержание с вашим предположением? Почему?

Недавно состоялись съёмки клипа на дуэтную песню популярных певцов Григория Лепса и Стаса Пьехи «Она не твоя». На экране предстанут два ярких образа: опытный, умудрённый жизнью, роскошный мужчина зрелых лет, на которого в любой ситуации можно **надеяться как на каменную гору** (Лепс), и его молодой, модный, очень привлекательный и самоуверенный конкурент, которому **море по колено** (Пьеха). Клип частично снимался в ресторане «Этаж», где дым **струился ручьём**: Григорий Лепс не расставался с сигаретой, то элегантно раскуривая её, то пуская кольца. В процессе съёмок долго принимали решение: вводить ли в клип третье действующее лицо – девушку, ради которой оба соперника готовы **горы свернуть**. В результате роль героини исполнила профессиональная модель Катерина Виноградова.

Обстановка на съёмочной площадке была дружелюбной. Григорий Лепс поддерживал Стаса и давал советы. В перерывах между дублями веселье **было ключом**: чтобы отдохнуть от эмоционального напряжения, артисты постоянно шутили, не только дуэтом пели, но и танцевали! А ещё Лепс, как оказалось, большой любитель колбасных изделий, поэтому после съёмки удачных дублей по площадке разносилось: «Колбаску Лепсу!»

Премьера нового клипа **не за горами**.

В) Напишите по электронной почте письмо вашей подруге, которая является поклонницей таланта Григория Лепса, и сообщите о том, что вы узнали нового о творчестве певца, о его характере и пристрастиях. Используйте фразеологизмы.

Отдельно выделим задание для текущего (итогового) контроля, которое адресовано студентам-филологам, будущим преподавателям русского языка как иностранного, и непосредственно связано с их будущей профессиональной деятельностью. Им предлагается написать конспект урока, посвященного изучению содержащих единицы природно-ландшафтного кода культуры фразеологизмов (по выбору), с опорой на родной язык, т. е. с привлечением иноязычного

фразеологического материала. В продолжение задания ситуация такого урока может быть разыграна на занятии.

Представленная выше система упражнений и заданий предназначена для занятий с учащимися различных уровней владения русским языком. С учетом языковой и речевой компетенции обучаемых предлагаемые дидактические материалы упрощаются или, наоборот, осложняются актуальными для данного уровня владения языковыми средствами, меняется соотношение разных видов упражнений: чем выше уровень, тем меньше в обучении «удельный вес» языковых упражнений и быстрее совершается переход к коммуникативным заданиям.

3.4. Результаты опытного обучения.

Система заданий и упражнений, разработанная в ходе настоящего диссертационного исследования для обучения инофонов единицам природно-ландшафтного кода русской культуры, использовалась нами и другими преподавателями Института русского языка и культуры (ранее – Центр международного образования) МГУ имени М.В. Ломоносова в 2011 / 2012, 2012 / 2013 учебных годах в процессе работы с различными контингентами обучаемых.

Всего обучение прошло более 250 человек:

- учащиеся Первого (будущие студенты основных факультетов МГУ и других российских вузов) и Второго (будущие магистранты и аспиранты) уровней владения русским языком как иностранным – в рамках курса развития речи,
- учащиеся Третьего уровня владения РКИ (стажеры) – в рамках специального тематического семинара,
- учащиеся, владеющие русским языком в объеме Элементарного и Базового уровней. Данным категориям учащихся единицы природно-ландшафтного

кода русской культуры предлагались как дополнительный материал на отдельных занятиях. При этом, если студенты обучались по программе подготовительного отделения, то есть полноценный учебный год, за который их уровень владения языком возрастал с нулевого до Первого сертификационного, мы в соответствии с этапами обучения распределяли материал и, возвращаясь на следующем уровне к уже изученному ранее, имели возможность констатировать, что его усвоение оказывалось прочным и глубоким.

Апробация разработанной методики проводилась также летом и в феврале – марте 2012 и 2013 гг. на дополнительных занятиях по развитию речи для учащихся, владеющих русским языком на уровне от Базового до Второго сертификационного, на краткосрочных курсах в Центре международного образования МГУ. Обучение проходили студенты 2–4 курсов Университета Питтсбурга, США, Университета Центральной Флориды, Орландо, США, Университета Альдо Моро, Бари, Италия, Университета ТООБ, Анкара, Турция, Сычуаньского университета иностранных языков, Чунцин, Китай, Университета Саппоро, Япония и старшеклассники из Финско-русской школы Восточной Финляндии. Отметим, что среди последних половину составляли учащиеся с русским языковым наследием – дети из семей соотечественников, проживающих за рубежом, однако работа с единицами природно-ландшафтного кода культуры неизменно вызывала стойкий интерес и у этого контингента обучаемых.

В течение указанных двух учебных лет опытное обучение проводилось также на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова – преподавателями кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ. Обучение проходило в группах иностранных стажеров различных гуманитарных факультетов МГУ, владеющих русским языком в объеме Первого и Второго сертификационных уровней.

По результатам апробации предложенные автором диссертации дидактические материалы были включены кафедрой русского языка Института русско-

го языка и культуры (бывшего Центра международного образования) в программу основного курса практического русского языка в качестве дополнительного информационно-дидактического материала, способствующего развитию коммуникативной компетенции учащихся. Данные материалы также включены кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ филологического факультета в программы курсов русского языка для стажеров Первого и Второго уровней владения РКИ.

Преподаватели, работавшие по созданной автором диссертации методике с использованием соответствующих учебных материалов, отмечали, что, помимо расширения словарного запаса, данные учебные материалы способствовали развитию у учащихся рецептивных и продуктивных речевых навыков и умений, в первую очередь – аудирования монологической и диалогической речи, а также продуцирования собственных высказываний, в том числе в условиях диалогического общения. «Диалогичность» большинства предлагаемых заданий облегчала преподавателям работу по активизации речевой коммуникации учащихся на занятиях (см. Приложение 1 «Анкета преподавателя»).

В группах, где проходило внедрение результатов исследования, по окончании курса обучения наряду с проведением итогового контроля с использованием заданий, специально разработанных с этой целью (см. параграф 3.3), проводился зачет по материалам субтеста «Говорение» (теста соответствующего уровня), в которые вводился фразеологический компонент. Специалисты-тестеры на листах экспертной оценки (куда вводилась особая позиция, см. об этом подробнее ниже) отражали свое мнение по поводу умения инофонов адекватно реагировать на реплики собеседника и вербально реализовать определенные интенции, т. е. определять коммуникативные намерения собеседника и выражать свои собственные в различных речевых ситуациях, вести беседу на предложенную тему.

Показатели итогового контроля в целом свидетельствуют о положительной динамике развития коммуникативной компетенции учащихся, а также об

успешном освоении ими единиц природно-ландшафтного кода культуры по предложенной методике: эксперты отмечали адекватность понимания и активность использования фразеологизмов учащимися.

Приведем в качестве примера данные, полученные и систематизированные по результатам тестирования в ЦМО (ИРЯиК) МГУ в течение двух учебных лет групп учащихся, занимавшихся по программе предвузовской подготовки. Эти учащиеся начинали изучение единиц природно-ландшафтного кода русской культуры после достижения Элементарного уровня (приблизительно в середине первого учебного семестра). По результатам сдачи теста Элементарного уровня (не менее 424 баллов из 530 возможных, или 80%) формировались 3 учебные группы – по 8–9 человек каждая. Занятия в группах вели разные преподаватели; мы координировали их работу по целенаправленному введению интересующего нас языкового материала по разработанной в диссертации методике.

По окончании учебного года проводился итоговый контроль – учащиеся сдавали тест Первого сертификационного уровня. Как известно, субтест «Говорение» теста данного уровня состоит из 4 заданий: первые два нацелены на проверку «уровня сформированности навыков и умений диалогической речи», а третье и четвертое – на проверку «уровня сформированности навыков и умений монологической речи» [Типовой тест... I сертификационный уровень 2006: 60], в то же время третье и четвертое задания включают в себя и ответы на вопросы, участие в беседе, т. е. диалогическое общение. Методика оценивания результатов субтеста «Говорение» предполагает возможность получения тестируемым дополнительных баллов за «элементы самостоятельности в интерпретации содержания текста и в использовании языковых средств» (задание 3) и «элементы самостоятельности в раскрытии темы и в использовании языковых средств» (задание 4) – до +5 баллов за каждое задание [Типовой тест... I сертификационный уровень 2006: 65–66].

В целях проведения данного диссертационного исследования эксперты-тестеры отдельно фиксировали в рейтерских таблицах использование единиц природно-ландшафтного кода русской культуры учащимися тех групп, где проводилось опытное обучение. Для этого в структуру рейтерских таблиц нами были внесены дополнительные подпункты – 10а (таблица к заданию 3) и 9а (таблица к заданию 4):

Субтест «Говорение». Задание 3

10.	Элементы самостоятельности в интерпретации содержания текста и в использовании языковых средств,	
10а.	в том числе фразеологизмов, содержащих единицы природно-ландшафтного кода культуры	

Субтест «Говорение». Задание 4

9.	Элементы самостоятельности в раскрытии темы и в использовании языковых средств,	
9а.	в том числе фразеологизмов, содержащих единицы природно-ландшафтного кода культуры	

Для каждого задания субтеста «Говорение» в рейтерских таблицах предусмотрены пункты, в которых отмечаются допущенные тестируемым коммуникативно значимые и коммуникативно незначимые ошибки. В целях настоящего диссертационного исследования экзаменаторам было предложено особо отмечать те случаи, когда наличие подобных ошибок связано с использованием единиц природно-ландшафтного кода культуры.

Материал для заданий 3 и 4 отбирался в рамках таких разговорных тем, как «Отношения между людьми», «Характер, состояние и поведение человека», «Актуальные жизненные проблемы и ситуации», – с учетом следующих ком-

муникативных задач, стоящих перед тестируемым: описать взаимоотношения, поступки людей; охарактеризовать человека, описать его интересы, занятия, планы; дать оценку проблеме, ситуации; выразить свое отношение к фактам, событиям и лицам.

Обобщенные нами результаты тестирования учащихся, отмеченные в рейтинговых таблицах в подпунктах 10а (задание 3) и 9а (задание 4), представлены ниже.

В 2011 / 2012 учебном году обучение прошли 25 человек.

При выполнении задания 3 фразеологизмы с компонентами – единицами природно-ландшафтного кода русской культуры использовали 17 учащихся (68% от общего числа обучаемых):

1 учащийся – 2 раза,

16 учащихся – 1 раз (всего 18 случаев употребления ФЕ);

8 учащихся ни разу не употребили изученные фразеологизмы.

При выполнении задания 4 фразеологизмы были использованы 21 учащимся (84%):

3 учащихся – 2 раза,

18 учащихся – 1 раз (всего 24 случая употребления ФЕ);

у 4 учащихся не отмечено ни одного употребления изученных фразеологизмов.

Можно заметить, что в целом учащиеся несколько активнее использовали изученный фразеологический материал при выполнении задания 4, чем при выполнении задания 3. Очевидно, это связано со спецификой самих заданий: задание 3 нацелено на проверку умения «построить монологические высказывания репродуктивного характера на основе прочитанного текста» [Типовой тест... I сертификационный уровень 2006: 61], при этом в тексте-источнике фразеологизмы отсутствовали, а задание 4 – это подготовленное сообщение на предложенную тему, т. е. изначально тестируемый более свободен в выборе языковых средств при выполнении последнего задания.

Особо отметим тот факт, что в ответах использовались не только те фразеологизмы, которые были предназначены для пополнения активного словаря учащихся, но и те, что предлагались в процессе обучения для рецептивного освоения. Этот факт говорит о востребованности данного языкового материала, о существовании определенного «социального заказа» и подтверждает актуальность настоящего диссертационного исследования.

На основании представленных выше данных можно сделать вывод о том, что опытное обучение в целом оказалось достаточно успешным. В то же время экзаменаторы отмечали наличие у учащихся ошибок в употреблении фразеологических единиц, главным образом в их лексической и грамматической сочетаемости: в 11-ти из зафиксированных суммарно по двум заданиям 42 случаях использования фразеологических единиц были сделаны ошибки, классифицированные тесторами как коммуникативно незначимые.

После анализа результатов тестирования нами были внесены коррективы в предлагаемую для обучения единицам природно-ландшафтного кода систему упражнений. Во-первых, было увеличено количество заданий, направленных на совершенствование языковой компетенции обучаемых. Во-вторых, увеличено количество коммуникативных заданий, прежде всего репродуктивных (пересказ текста, видеосюжета) и композиционных (устное выступление на предложенную тему, импровизация, в том числе в дискуссии). Скорректированная система упражнений и заданий была апробирована в следующем учебном году.

Представим результаты второго года опытного обучения.

В 2012 / 2013 учебном году обучение прошли также 25 человек.

При выполнении задания 3 фразеологизмы использовали 22 учащихся (88% от общего числа обучаемых):

2 учащихся – 2 раза,

20 учащихся – 1 раз (всего 24 случая употребления);

3 учащихся не использовали изученные фразеологизмы.

При выполнении задания 4 фразеологизмы использовали все прошедшие опытное обучение (100%):

6 учащихся – 2 раза,

19 учащихся – 1 раз (всего 31 случай употребления).

Таким образом, по сравнению с первым годом опытного обучения, возросло количество учащихся, использовавших в речи изученные фразеологические единицы, выросло и общее число употреблений ФЕ – на 24%. В то же время снизилось количество языковых ошибок, допущенных учащимися: только в 6-ти из зафиксированных суммарно по двум заданиям 55 случаях использования фразеологизмов были отмечены коммуникативно незначимые ошибки.

Учебный год	Количество учащихся	Общее количество употреблений ФЕ	Количество ошибок при употреблении ФЕ (% от общего количества употреблений ФЕ)
2011 / 2012	25	42	11 (26%)
2012 / 2013	25	55	6 (11%)

Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что, с методической точки зрения, коррекция системы упражнений и заданий была произведена в нужном направлении. В целом результаты опытного обучения студентов отделения предвузовской подготовки позволяют сделать вывод о том, что знакомство инофонов с единицами кодов культуры по разработанной методике с использованием соответствующих учебных материалов способствует развитию умений и навыков монологической и диалогической речи, формированию более высокого уровня коммуникативной компетенции.

Как указывалось выше, итоговый контроль речевых умений и навыков студентов Первого сертификационного и других уровней, изучавших единицы природно-ландшафтного кода русской культуры в рамках специальных семи-

наров и курсов, также подтверждает эффективность применявшейся в обучении системы упражнений и заданий.

Регулярно проводившиеся во время и по окончании обучения опросы разных категорий учащихся (см. Приложение 2 «Анкета студента») показали, что они весьма положительно оценивают как предложенные им учебные материалы, так и виды и формы работы с этими материалами, благодаря которой они не испытывали затруднений при идентификации изученных единиц в текстах устных и печатных средств массовой информации, в общении с носителями языка, в том числе в интернет-коммуникации. Анализ анкетирования показал (см. Приложение 2 «Анкета студента»), что выполняемые студентами упражнения и задания не только расширяют и углубляют их языковые знания и вызывают желание продолжать изучение русского фразеологического фонда, но и обогащают их представления о жизни в России, о проблемах, типичных для современного российского общества и семьи, что позволяет провести сравнение с ситуациями, характерными для их родной страны, знакомыми им по собственному жизненному опыту. Этот «познавательный компонент» во многом мотивировал студентов к дальнейшей работе.

Таким образом, опытное обучение доказало целесообразность включения единиц природно-ландшафтного кода русской культуры в содержание обучения русскому языку как иностранному. Результаты апробации свидетельствуют о научной и практической состоятельности предлагаемой в настоящей диссертации методики работы с этими языковыми единицами, направленной на развитие рецептивных и продуктивных речевых навыков и умений. Обучение на основе разработанных автором диссертации учебных материалов, с одной стороны, стимулирует интерес учащихся к русскому языку как предмету изучения, с другой стороны, повышает их готовность к межкультурной коммуникации и способствует ее успешности.

Выводы по главе 3

1. После рассмотрения лексических минимумов, определенных для Элементарного, Базового, Первого и Второго уровней владения русским языком как иностранным, с точки зрения присутствия в них единиц природно-ландшафтного кода русской культуры, становится очевидной необходимость корректировки содержания языкового материала в минимумах. Введение таких лексем, как *лес* и *поле*, в их денотативном значении, с нашей точки зрения, должно происходить уже на Элементарном уровне хотя бы для рецептивного освоения.

2. При дальнейшей работе над градуальной серией лексических минимумов целесообразно, отбирая и структурируя фразеологические минимумы для каждого уровня, начиная с Элементарного, давать указание на то, к активному или пассивному словарю относят авторы минимумов те или иные фразеологизмы и устойчивые сочетания, как это принято в отношении остальной лексики.

3. Нами предложено поуровневое распределение фразеологизмов, соотносимых через свои компоненты с природно-ландшафтным кодом культуры, начиная с Базового уровня и с учетом различения активного и пассивного словаря. Разработанный алгоритм ввода фразеологических единиц предполагает, что ФЕ, дающиеся на одном уровне владения языком только для рецептивного освоения, на следующем уровне переходят в разряд продуктивной лексики. При этом целесообразно исключить такие варианты рассматриваемых фразеологизмов, которые содержат неактуальные для данного уровня и / или стилистически маркированные лексеммы.

4. На основе требований современной методики преподавания русского языка как иностранного разработана система упражнений и заданий, обеспечивающая освоение инофонами единиц природно-ландшафтного кода русской культуры. Эта система может использоваться в процессе работы с иностранными учащимися разных уровней владения языком и различных профилей обуче-

ния. При ее создании учтены все три обязательных при обучении иноязычной лексике этапа: презентация нового материала, организация его усвоения и проведение контроля над усвоенной лексикой.

5. Разработанная система упражнений и заданий предусматривает первоначальное предъявление изучаемых фразеологических единиц в сильном семантизирующем контексте, а в качестве контекстообразующей формы выбирается диалог как фрагмент живого речевого общения. Также в контексте должны быть продемонстрированы особенности строения, сочетаемости и употребления фразеологизмов, проведена работа по разграничению денотативного и мифологического значения компонентов фразеологизмов – единиц кода культуры.

6. Принятая нами для освоения учащимися новой лексики последовательность методических шагов предполагает переход от языковых упражнений через предкоммуникативные к собственно коммуникативным, что обеспечивает переход от овладения языковыми средствами к формированию речевых навыков и развитию речевых умений, от рецептивных видов речевой деятельности к продуктивным.

7. В качестве контрольных хорошо себя зарекомендовали различного типа тестовые задания – альтернативные тесты, тесты на соответствие, множественного выбора, клоуз-тесты. Широко использовались также «классические» задания репродуктивного, репродуктивно-продуктивного и продуктивного характера, предназначенные к выполнению как в устной, так и в письменной форме.

8. Для текстового наполнения системы упражнений и заданий разработаны учебно-аутентичные материалы по преимуществу диалогического, а также монологического типа. Среди этих материалов подвергнутые сокращению и композиционной перестройке тексты из печатных и устных средств массовой информации и тексты, специально созданные автором диссертации. При отборе материала для текстотеки мы ставили перед собой цель готовить учащихся к

реальной коммуникации и знакомить их с моделями вербального поведения в актуальных ситуациях общения.

9. Результаты проведенного опытного обучения и итогового тестирования подтверждают целесообразность включения единиц природно-ландшафтного кода русской культуры в содержание обучения инофонов (начиная с Базового уровня) и эффективность созданной в ходе диссертационного исследования системы упражнений и заданий для работы с этими единицами. Данная методика, направленная на развитие рецептивных и продуктивных речевых навыков и умений, повышает готовность учащихся к межкультурной коммуникации и способствует ее успешности, а также стимулирует их интерес к русскому языку как предмету изучения.

Заключение

В ходе настоящего диссертационного исследования впервые в теории и практике преподавания РКИ выявлены, проанализированы и описаны единицы природно-ландшафтного кода русской культуры, предложена методика работы с ними в иноязычной аудитории. Были сформированы два корпуса текстов: аутентичные тексты, отражающие специфику функционирования означенных единиц в русском языковом сознании и дискурсе языковой личности и использованные в качестве материала для иллюстративной части соответствующих словарных статей, и учебно-аутентичные тексты, ставшие основой системы упражнений и заданий для обучения и контроля. Разработанная методика предполагает поэтапное освоение единиц данного кода культуры начиная с Базового уровня общего владения РКИ, весь материал классифицирован с учетом существующих лексических минимумов для различных уровней системы ТРКИ.

Результаты проведенного лингвокультурологического анализа природно-ландшафтного кода русской культуры дали возможность перейти к рассмотрению лингводидактических аспектов их использования на практических занятиях с инофонами. Были сделаны следующие выводы:

1) овладение кодами культуры напрямую связано с вопросами совершенствования коммуникативной компетенции инофонов, особую значимость оно имеет для формирования и развития предметной компетенции зарубежных филологов-русистов;

2) природно-ландшафтный код культуры является носителем информации о характерных чертах определенного фрагмента русской языковой картины мира;

3) единицы кода культуры как знаки второго, по отношению к естественному языку, уровня обладают специфическим («мифологическим») значением;

4) денотативно идентичные в разных языках лексемы могут не совпадать в своих «мифологических» значениях как единицы кода культуры, что обуславливает необходимость их словарного описания;

5) наиболее ярко и полно «мифологическое» значение единиц кода культуры проявляется во фразеологизмах, что требует введения этого материала в содержание обучения инофонов;

6) адекватное понимание инофонами и использование ими в собственной речи фразеологизмов с компонентами – единицами природно-ландшафтного кода способствует осуществлению успешной межкультурной коммуникации;

7) знакомство инофонов с природно-ландшафтным кодом русской культуры можно начинать уже на Базовом уровне общего владения РКИ;

8) представленное в диссертации поуровневое распределение фразеологического материала предполагает переход от рецептивного усвоения определенного количества фразеологических единиц на одном уровне к активному владению ими на следующем уровне;

9) разработанная система упражнений и заданий обеспечивает переход от овладения языковыми средствами к формированию навыков и развитию умений во всех четырех видах речевой деятельности;

10) неотъемлемой частью созданной системы упражнений являются контрольные задания, нацеленные прежде всего на проверку уровня сформированности рецептивных и продуктивных навыков и умений.

Проведенное диссертационное исследование дало определенные результаты, которые, тем не менее, не позволяют считать данную проблематику исчерпанной. Наметим некоторые возможные перспективы дальнейшей исследовательской деятельности.

Представляется актуальным продолжение изучения и описания кодов русской культуры. Коды культуры имеют безусловную ценность как материал для научной реконструкции русской языковой картины мира, а следовательно, и как элемент содержания обучения русскому языку как иностранному. Кроме

того, особые значения единиц кодов культуры оказываются лакунизированными не только для представителей других лингвокультурных сообществ. Многие из этих значений не осознаются и носителями языка, не являются достоянием их языкового сознания, т. е. представляют собой своеобразные лакуны внутри самого лингвокультурного сообщества, что ставит задачу выявления и заполнения этих лакун. Другое направление исследований лежит в области сравнительно-сопоставительного изучения, в том числе в лингводидактических целях, кодов культуры, являющихся структурообразующими составляющими различных национальных культурных пространств, и, в частности, русского природо-ландшафтного кода и его инокультурных аналогов.

Важным подспорьем во всех этих видах научной и научно-методической деятельности (и в то же время одним из ее итогов) мог бы стать словарь, в котором были бы зафиксированы особые значения единиц кодов культуры. Представленные в диссертации лексикографические результаты могли бы составить фрагмент такого словаря, а сам алгоритм описания мог бы быть применен к другим кодам культуры.

Материал, содержащийся в настоящей работе, также может быть использован в целях совершенствования лексических минимумов и других куррикулярных компонентов системы ТРКИ.

Разработанная в диссертации опытная модель обучения инофонов прошла успешную апробацию в Институте русского языка и культуры (Центре международного образования) и на гуманитарных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты апробации подтвердили общую гипотезу исследования и основные положения, выносимые на защиту. В частности, стало очевидным, что включение единиц природно-ландшафтного кода в содержание обучения (начиная с Базового уровня владения языком) по предложенной автором диссертации методике повышает способность и готовность иностранных учащихся к межкультурной коммуникации, а также стимулирует их познавательный интерес, что содействует успешности обучения в целом.

Созданные дидактические материалы получили положительную оценку как со стороны проводивших апробацию преподавателей-экспертов, так и со стороны учащихся. Предложенная автором диссертации система обучающих и контрольных заданий и упражнений может служить моделью для работы с единицами других кодов культуры.

Список литературы

1. *Акишина А.А., Каган О.Е.* Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. – М.: Русский язык. Курсы, 2012. – 256 с.
2. *Андрюшина Н.П.* Градуальная серия лексических минимумов по русскому языку как иностранному // Русский язык в современной социокультурной ситуации: Тезисы докладов и сообщений III Всеросс. науч.-практ. конф-ции РОПРЯЛ (разделы V–IX). Ч. 2. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 2001. – 232 с. – С. 62–66.
3. *Андрюшина Н.П.* Уровни владения русским языком как иностранным: проблема описания языкового материала // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве / Под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Т. 3. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – 750 с. – С. 43–49.
4. *Апресян Ю.Д.* Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1974. – Т. XXXII. Вып. 4. – С. 320–330.
5. *Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с. – С. 156–177.
6. *Арутюнова Н.Д.* От редактора // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с. – С. 3–4.
7. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
8. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 315 с.
9. *Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1983. – 464 с.

10. *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
11. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 261 с.
12. *Байденко В.И.* Концептуальная модель государственных образовательных стандартов в компетентностном формате (дискуссионный вариант): Материалы ко второму заседанию методологического семинара. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 18 с.
13. *Балыхина Т.М.* Основы теории тестов и практика тестирования. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 240 с. – 2006а.
14. *Балыхина Т.М.* Словарь терминов и понятий тестологии. – М.: Русский язык. Курсы, 2006. – 160 с. – 2006б.
15. *Баранов А.Н.* Аксиологическая стратегия в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74–91.
16. *Барли Н.* Структурный подход к максиме // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 127–149.
17. *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 468 с. – С. 114–163.
18. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
19. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005. – 528 с.
20. *Баско Н.В.* Русские фразеологизмы в ситуациях общения. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 160 с.
21. *Беликов В.И.* Паремиологические заметки // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике. Памяти А.Н. Журина. – М.: Русский учебный центр МС, 1994. – 304 с. – С. 252–261.
22. *Белякова Г.С.* Славянская мифология. – М.: Просвещение, 1995. – 238 с.

23. *Бетокурова Т.В.* Упражнение – задание – тестовое задание: точки пересечения // www.testrf.ru/biblioteca/30-2011-3/100-2011-09-21-09-10-31.
24. *Бельчиков Ю.А.* Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения. – М.: Русский язык, 1988. – 157 с.
25. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
26. *Бим И.Л.* Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. – М.: Русский язык, 1977. – 288 с.
27. *Бим И.Л.* Подход к проблеме упражнений с позиции иерархии целей и задач // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 5. – С. 30–37.
28. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Значение языка как предмета изучения // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2 / отв. ред. С.Г. Бархударов; сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
29. *Болдырев В.Е.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: Курс лекций. – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 144 с.
30. *Бочина Т.Г.* Русская пословица как диалог времен // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2 т. Т. I / Под ред. Е.Е. Юркова, Н.О. Рогожиной. – СПб.: Политехника, 2003. – 469 с. – С. 46–53.
31. *Брутян Г.А.* Язык и картина мира // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
32. *Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е.* Национально-культурные единицы общения в современном коммуникативном пространстве – лингвометодический аспект // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2 т. Т. II / Под ред. Е.Е. Юркова, Н.О. Рогожиной. – СПб.: Политехника, 2003. – 469 с. – С. 56-60.

33. *Буслаев Ф.И.* Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. – М.: Русский язык, 1954. – 176 с.
34. *Бухбиндер В.А.* О системе упражнений // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / сост. Леонтьев А.А. – М.: Русский язык, 1991. – 360 с. – С. 92–98.
35. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
36. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / отв. ред. М.А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
37. *Величко А.В.* Особенности усвоения лексических и грамматических явлений русского языка, обусловленные сходством и различием русского и национального языкового сознания // Мир русского слова. 2011. № 2. – С. 85–90.
38. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
39. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
40. Взаимодействие языков и культур: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы. Сб-к научных статей / под ред. Ю.Е. Прохорова. Вып. 1. – Рига: Изд-во БРИ, 2005. – 476 с.
41. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с. – С. 140–161.
42. *Владимирова Т.Е.* Русская языковая личность в контексте межкультурной коммуникации // Вестник ЦМО МГУ. – 2008. – № 8. – С. 58–67.
43. *Вольская Н.П.* Освоение семантического пространства // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009. – № 3. – С. 24–27.

44. *Воркачев С.Г.* Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафорических показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – 259 с. – С. 16–24.
45. *Воркачев С.Г.* *Anglica selecta*: избранные работы по лингвоконцептологии. – Волгоград: Парадигма, 2012. – 205 с.
46. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. – М.: Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1997. – 332 с.
47. *Воробьев В.В.* Культурная грамотность как основа межкультурного взаимодействия и общения // Русский язык в полиэтнической среде: Социокультурные проблемы лингвистического образования: Мат-лы Международной науч.-практ. конф. 26–28 октября 2006 г. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 532 с. – С. 30–32.
48. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.
49. *Вохмина Л.Л.* Хочешь говорить – говори: 300 упражнений по обучению устной речи. – М.: Русский язык, 1993. – 176 с.
50. *Гак В.Г.* Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260–268.
51. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ, 2003. – 192 с.
52. *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2006. – 335 с.
53. *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. – М.: Академический проект, 2007. – 511 с.
54. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.

55. *Гез Н.И.* Некоторые вопросы теории урока иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 1968. – № 4. – С. 47–57.
56. *Геннер Ю.Р.* Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения // Проблемы фразеологии: Исследования и материалы / под ред. А.М. Бабкина. – М.–Л.: Наука, 1964. – 320 с. – С. 57–69.
57. *Говорящий и слушающий: языковая личность: Материалы Международной научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 26–28 февраля 2001 г. / редкол.: В.Д. Черняк и др. – СПб.: СОЮЗ, 2001. – 541 с.*
58. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Нахабина М.М. и др. – М.– СПб.: Златоуст, 2001. – 32 с.
59. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Владимирова Т.Е. и др. – М.– СПб.: Златоуст, 2001. – 28 с.
60. *Грузинская И.А.* Методика преподавания английского языка в средней школе. – М.: ГУПИ РСФСР, 1947. – 223 с.
61. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
62. *Гудков Д.Б.* Единицы кодов культуры: проблема семантики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – 168 с. – С. 39–50.
63. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
64. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
65. *Гуревич П.С.* Культурология. – М.: Проект, 2003. – 336 с.
66. *Демьяненко М.Я., Лазаренко К.А., Мельник С.В.* Основы общей методики обучения иностранным языкам: Теоретический курс. – Киев.: Вища школа, 1984. – 256с.

67. *Добровольская В.В.* Исследователь – методист – преподаватель // Язык – Культура – Человек: Сб-к научн. статей к юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой / редкол.: Ремнева М.Л. и др. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 360 с. – С. 89–96.
68. *Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
69. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
70. *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
71. *Жуминова А.Б.* Частотность и культура // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве / под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Т. 2. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – 800 с. – С. 120–126.
72. *Задорнова В.Я., Матвеева А.С.* «Море» как элемент создания образа в английской поэзии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – Вып. 35. – 148 с. – С. 121–137.
73. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
74. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 1999. – 382 с.
75. *Захаренко И.В.* К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – 192 с. – С. 104–113.
76. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
77. *Зимняя И.А.* Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 42 с.

78. *Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
79. *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.
80. *Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного). – М.: Русский язык, 1989. – 220 с.
81. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
82. *Изаренков Д.И.* Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 4. – С. 54–60.
83. *Изаренков Д.И.* Обучение диалогической речи. – М.: Русский язык, 1981. – 136 с.
84. *Ильин М.С.* Основы теории упражнений по иностранному языку. – М.: Педагогика, 1975. – 152 с.
85. *Кабакова С.В.* Механизм культурной интерпретации образного основания идиом: Результаты направленного ассоциативного эксперимента // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках: сб. ст. / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 340 с. – С. 77–85.
86. *Казакевич М.А., Клобукова Л.П., Судиловская О.И.* Обучение профессиональному общению: Учебное пособие / под. ред. Л.П. Клобуковой. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 135 с.
87. *Капитонова Т.И., Московкин Л.В.* Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. – СПб.: Златоуст, 2006. – 272 с.
88. *Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Щукин А.Н.* Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / под ред. А.Н. Щукина. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 312 с.
89. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

90. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
91. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.
92. *Кирейцева А.Н.* Азбука тестирования. Практическое руководство для преподавателей РКИ. – СПб.: Златоуст, 2013. – 184 с.
93. *Кирсанова Н.А.* О некоторых семантических признаках фразеологических единиц (к вопросу о многозначности и синонимике в сфере фразеологии) // Проблемы фразеологии: Исследования и материалы / под ред. А.М. Бабкина. – М.–Л.: Наука, 1964. – 320 с. – С. 84–101.
94. *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – 192 с. – С. 25–31.
95. *Клобукова Л.П.* Структура языковой личности на разных этапах ее формирования // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 2. – 124 с. – С. 70–77.
96. *Клобукова Л.П.* Структурный анализ коммуникативной компетенции с учетом особенностей реальной коммуникации // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2002.
97. *Клобукова Л.П.* Современные подходы к описанию коммуникативных потребностей иностранцев, обучающихся на гуманитарных факультетах российских вузов // Филология. Русский язык. Образование: Сб. статей, посвященный юбилею проф. Л.А. Вербицкой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – 360 с. – С. 137–142.
98. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В. Величко. – М.: Изд-во Московского университета, 2009. – 648 с.

99. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
100. *Ковшова М.Л.* Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты). – АР КД. – М.: Институт языкознания РАН, 1996.
101. *Ковшова М.Л.* Культурная коннотация фразеологизмов: к постановке вопроса // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.) / сост. Н.К. Онипенко. – М.: ИРЯ РАН, 2003. – 451 с. – С. 139–141.
102. *Ковшова М.Л.* Фразеологизмы как «сжатые» тексты культуры в экспериментальном исследовании // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: Мат-лы XV Межд. Симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М.– Калуга: Эйдос, 2006. – С. 151.
103. *Колесникова Л.Н.* Языковая личность в аспекте диалога культур. – Орел: Орл. гос. ун-т, 2001. – 286 с.
104. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове: Мир человека. – СПб.: Филол. ф-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. – 326 с.
105. *Колосницына Г.В.* Технология обучения РКИ и гуманитарным дисциплинам на ритмической основе // Вестник ЦМО МГУ. – 1998. – № 1.
106. *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
107. *Концевой М.П.* Оценка эффективности дидактического тестирования в педагогической системе учебного курса // www.testrf.ru/biblioteca/31-2011-4/110-2011-09-21-09-26-21.
108. Концептуальные основы разработки лексического минимума Третьего сертификационного уровня общего владения РКИ / Н.П. Андрюшина, И.Н. Афанасьева, Л.А. Дунаева, Л.П. Клобукова, Л.В. Красильникова, И.И. Яценко // Международная научно-практическая интернет-конференция.

Москва, 23–29 ноября 2009 г. –

http://world.russianforall.ru/forum/index.php?PAGE_NAME=list&FID=16

109. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

110. *Коростелев В.С.* Сущность процесса формирования лексических навыков при коммуникативном методе обучения говорению // Проблемы коммуникативного метода обучения иноязычной речевой деятельности: сб. ст. / отв. ред. Е.И. Пассов. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1980. – 221 с. – С. 85–92.

111. *Костомаров В.Г.* Жизнь языка. – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.

112. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С. 252–260.

113. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.

114. *Коул М.* Культурно-историческая психология: Наука будущего. – М.: Когито-центр: Ин-т психологии, 1997. – 431 с.

115. *Красных В.В.* Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий»? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования: Сб. статей по лингвистике. Вып. 4. – М., 1997. – С. 50–56.

116. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

117. *Красных В.В.* Русское культурное пространство: концепт «сторона» // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов.

В 2 т. Т. I / Под ред. Е.Е. Юркова, Н.О. Рогожиной. – СПб.: Политехника, 2003. – 469 с. – С. 256–264.

118. *Красных В.В.* Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве / Под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Т. 2. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – 800 с. – С. 12–17.

119. *Кронгауз М.А.* Семантическая типология: время и пространство // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 600 с. – С. 326–333.

120. *Крысин Л.П.* Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. – М.: Знак, 2008. – 320 с.

121. *Кузьмина Л.Г.* К вопросу о содержании обучения иноязычной письменной речи // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2001. – Вып. 1. – С. 97–99.

122. *Кулиш Л.Ю.* Психолингвистические аспекты восприятия устной иноязычной речи. – Киев: Вища школа, 1982. – 208 с.

123. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

124. *Латидус Б.А.* Проблемы содержания обучения языку в языковом вузе. – М.: Высшая школа, 1986. – 144 с.

125. *Ласкарева Е.Р.* Прогулки по русской лексике. – СПб.: Златоуст, 2010. – 224 с.

126. *Леви-Строс К.* Структура и форма // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с. – С. 423–452.

127. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 535 с.

128. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Т.В. Козлова. – М. – СПб.: ЦМО МГУ – Златоуст, 2004. – 80 с.
129. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, Т.В. Козлова. – СПб.: Златоуст, 2011. – 116 с.
130. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина и др. – СПб.: Златоуст, 2011. – 200 с.
131. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Под ред. Н.П. Андриюшиной. – СПб.: Златоуст, 2009. – 164 с.
132. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 88 с.
133. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. – М.: РУДН, 2010. – 181 с.
134. Ли Су Хён, Рахилина Е.В. Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова – М.: Индрик, 2005. – 672 с. – С. 425–439.
135. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 320 с. – С. 280–287.
136. *Ломакина О.В.* Пословица в тексте или текст в пословице? (из опыта анализа паремий) // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве / Под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Т. 2. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – 800 с. – С. 175–181.

137. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
138. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: Прогресс: Гнозис, 1992. – 270 с.
139. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1996. – 447 с.
140. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. – СПб.: Искусство-СПБ, 1994. – 398 с.
141. *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 560 с. – С. 17–245.
142. *Лютикова В.Д.* Языковая личность и идиолект. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 187 с.
143. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. унта, 1979. – 335 с.
144. *Львов М.Р.* Вопросы теории речевой деятельности // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 6 – С. 18–26.
145. *Лян Сяонань.* Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка). Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 175 с.
146. *Макарова О.В.* Лингвометодические основы исследования архитектурно-домоустроительного кода русской лингвокультуры в целях преподавания русского языка как иностранного. – Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2010. – 193 с.
147. *Макарова О.В.* Методика работы в иностранной аудитории с единицами архитектурно-домоустроительного кода русской культуры // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. – Вып. 7. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 372 с. – С. 289–297.
148. *Мальцева Д.Г.* Страноведение через фразеологизмы. – М.: Высшая школа, 1991. – 173 с.

149. *Марков В.Т.* Методическая концепция обучения общению иностранных студентов гуманитарного профиля (на базе интегративно-когнитивного подхода). – М.: МПГУ, 2003. – 304 с.
150. *Маслова В.А.* Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 340 с. – С. 69–76.
151. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
152. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 482 с.
153. Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов / Под ред. А.А. Леонтьева). – М.: Русский язык, 1988. – 180 с.
154. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролубов А.А. и др. – М.: Высшая школа, 1982. – 373с.
155. Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. – 304 с.
156. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / под ред. А.Н. Щукина. – М.: Русский язык, 1990. – 231 с.
157. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе / Дергачева Г.И., Кузина О.С., Малашенко Н.М. и др. – М.: Русский язык, 1989. – 248 с.
158. *Минакова Е.Е.* Современная русская идиоматика. Учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 136 с.
159. *Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г.* и др. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 270 с.

160. *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – СПб.: Паритет, 1999. – 224 с.
161. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.
162. *Морковкин В.В.* Опыт идеографического описания лексики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 168 с.
163. *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом. – 1997. – № 1–2. – С. 44–53.
164. *Московкин Л.В.* Методологические аспекты лингводидактики и методики обучения языку: пособие для студентов и аспирантов. – СПб.: Корифей, 2002. – 46 с.
165. *Назарова Т.С., Полат Е.С.* Средства обучения: Технология создания и использования. – М.: УРАО, 1998. – 203 с.
166. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справочное пособие / Е.А. Маслыко и др. – Минск: Вышейша школа, 1996. – 522 с.
167. Национальный менталитет и языковая личность: Межвуз. сб-к научных трудов. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2002. – 232 с.
168. *Немов Р.С.* Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 688с.
169. *Носонович Е.В., Мильруд Г.П.* Параметры аутентичного учебного текста // Иностранные языки в школе . – 1999. – № 1. – С. 11–18.
170. Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / сост. Леонтьев А.А. – М.: Русский язык, 1991. – 360 с.
171. *Одинцова И.В.* Учебная коммуникативно-речевая ситуация и учебно-речевая ситуация как методические категории // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2010. – № 1. – С. 44–51.
172. *Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.

173. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / ред. И.В. Рахманов. – М.: Педагогика, 1972. – 318 с.
174. *Падучева Е.В.* Феномен Анны Вежбицкой. Вступ. ст. // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 5–32.
175. *Панченко Н.Н.* Национально-специфическая интерпретация понятий «обман» / «ложь» в паремиологическом аспекте // Языковая личность: вербальное поведение: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1998. – С. 26–30.
176. *Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностр. яз. – М.: Просвещение, 1985. – 208 с.
177. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989. – 276 с.
178. *Пассов Е.И.* Диалог культур: социальный и образовательный аспекты (статья вторая) // Мир русского слова. – 2001. – № 2. – С. 54–59.
179. *Пассов Е.И.* Русское слово в методике как путь в Мир русского Слова или Есть ли у методики будущее? – СПб.: МИРС, 2008. – 60 с.
180. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии / сост. Г.Л. Капчиц. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 240 с.
181. *Пестова О.Г.* Слова с символическим значением как объект учебной лексикографии // Актуальные проблемы учебной лексикографии. Мат-лы общесоюзной конференции – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1988. – С. 92–93.
182. *Питина С.А.* Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира: дисс. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2002. – 364 с.
183. *Пономаренко В.А.* Фразеологические единицы как зеркало культуры // Лингвистическая организация дискурса: функциональные и содержательные аспекты: Межвуз. сб-к трудов молодых ученых. – Вып. 2. – Краснодар: КубГУ, 2005. – С. 154–160.

184. Преподавание русского языка студентам-иностранцам. Основные методические положения / под ред. И.М. Пулькиной. – М.: Высшая школа, 1965. – 164 с.
185. *Привалова И.В.* Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.* – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 18. – 132 с. – С. 10–16.
186. Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы междунар. науч. конф., 21–23 мая 2002 г. – Архангельск: Изд. центр ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – 268 с.
187. Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Андрюшина Н.П. и др. – СПб.: Златоуст, 2001. – 176 с.
188. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 215 с.
189. *Пугачева Л.С.* Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов-филологов русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам (на материале фразеосемантического поля «Деятельность человека») // *Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена.* – 2011. – № 129. – С. 192–198.
190. *Рахманов И.В.* Обучение устной речи на иностранном языке. – М.: Высшая школа, 1980. – 120 с.
191. *Ревзина О.Г.* О понятии коннотации // *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб-к научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой.* – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 496 с. – С. 436–446.
192. *Рогова Г.В., Верещагина И.Н.* Методика обучения английскому языку на начальном этапе в средней школе. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.
193. *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. – М.: Высшая школа, 1990. – 380 с.

194. *Рождественский Ю.В.* Введение в культуроведение. – М.: ЧеРо, 1996. – 286 с.
195. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
196. Русский язык и культура (изучение и преподавание): мат-лы междунар. науч. конф. Москва, РУДН, 28–30 нояб. 2000 г. / отв. ред. В.М. Шаклеин. – М.: Экон, 2000. – 325 с.
197. *Рябкова Г.С.* Лингвокультурный концепт и смежные категории // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 32. – С. 115–118.
198. *Савенкова Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002а. – 240 с.
199. *Савенкова Л.Б.* Русские паремии как функционирующая система. – Дисс. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002б. – 484 с.
200. *Салистра И.Д.* Очерки методов обучения иностранным языкам: Система упражнений и система занятий. – М.: Высшая школа, 1966. – 252 с.
201. *Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996. – 238 с.
202. *Сахно С.Л.* «Свое – чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с. – С. 95–101.
203. *Селиверстова Е.И.* Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект). – Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2010. – 47 с.
204. *Селиверстова Е.И.* Пословица в аспекте русского языка как иностранного // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве / Под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. – Т. 3. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. – 750 с. – С. 198–203.

205. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
206. *Серебренников Б.Л.* Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.Л. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 215 с. – С. 87–107.
207. *Серегина М.А.* Паремии: теоретический анализ дефиниций // II Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «День науки» (17–18 ноября 2011 г.). – Дніпропетровськ : Біла К.О., 2011. – 120 с. – С. 70–73.
208. *Скалкин В.Л.* Основы обучения устной иноязычной речи. – М.: Русский язык, 1981. – 248 с.
209. *Скляревская Г.Н.* Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 288 с. – С. 63–71.
210. *Скляревская Г.Н.* Современная русская лексикография: достижения и лакуны // Теория и история славянской лексикографии: Науч. мат-лы к XIV съезду славистов / отв. ред. М.И. Чернышева. – М.: Институт Русского языка РАН, 2008. – 468 с. – С. 435–439.
211. *Слесарева И.П.* Проблемы описания и преподавания русской лексики: Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176 с.
212. *Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: Гнозис, 2003. – 158 с.
213. *Сосенко Э.Ю.* Коммуникативные подготовительные упражнения. – М.: Русский язык, 1979. – 136 с.
214. *Софронова И.Н.* Эпистемический сбой и его национально-культурная специфика // Мир русского слова и русское слово в мире. Мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Т. 1 / под ред. А.А. Градинаровой, Т.И. Алексеевой. – Sofia: Heron Press, 2007. – С. 374–380.

215. *Степаненко В.А.* Сложно ли обучать сложному предложению? – М.: Издательский дом «Качество жизни», 2008а. – 280 с.
216. *Степаненко В.А.* Лингвометодическая модель обучения коммуникации с учетом сертификации уровней владения русским языком как иностранным. Дисс. ... д-ра пед. наук. Москва, 2008б. – 336 с.
217. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
218. *Стернин И.А.* Структурная семасиология и лингводидактика // Русское слово с лингвострановедческим аспектом: межвузовский сб-к научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 167 с. – С. 104–121.
219. *Стрелкова Г.Г.* Отбор русских фразеологических единиц для усвоения иностранными учащимися в рецептивных целях // Актуальные проблемы учебной лексикографии. Мат-лы общесоюзной конференции – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1988. – С. 113–114.
220. *Сурыгин А.И.* Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. – СПб.: Златоуст, 2000. – 225 с.
221. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
222. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
223. *Телия В.Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов / отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1993. – 351 с. – С. 302–314.
224. *Телия В.Н.* О методологических основаниях лингвокультурологии // XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». Тезисы докладов. – М.; Обнинск: ИФ РАН, 1995. – 199 с. – С. 102–104.
225. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

226. *Телия В.Н.* Концептообразующая флуктуация константы культуры «родная земля» в наименовании *родина* // *Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова* / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 600 с. – С. 409–418.
227. *Телия В.Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей* / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. – С. 4–42.
228. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – С. 776–782.
229. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе / под ред. А.Д. Климентенко, А.А. Мирянова; Науч.-исслед. ин-т содержания и методов обучения Академии пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1981. – 456 с.
230. Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузе. Материалы межвузовского научно-практического семинара / под ред. Белякова М.В. – М.: Изд-во МГИМО Университет, 2005. – 152 с.
231. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 261 с.
232. Типовой образ языковой личности инофона как основа разработки лексического минимума (третий уровень общего владения РКИ) / Андрияшина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. // *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей* / ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. – Вып. 7. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 372 с. – С. 259–266.
233. Типовой тест по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение. Второй вариант / Андрияшина Н.П. и др. – М.: ЦМО МГУ; СПб.: Златоуст, 2006. – 80 с.

234. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Аверьянова Г.Н. и др. – М.–СПб.: Златоуст, 1999. – 112 с.
235. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / Аверьянова Г.Н. и др. – М.–СПб.: Златоуст, 1999. – 112 с.
236. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение / Г.Н. Аверьянова и др. – М.–СПб.: Златоуст, 2000. – 108 с.
237. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
238. *Толикина Е.Н.* О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы // Проблемы фразеологии: Исследования и материалы / под ред. А.М. Бабкина. – М.–Л.: Наука, 1964. – 320 с. – С. 150–172.
239. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
240. *Толстой Н.И.* К реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание: VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август 1973 г.: Докл. сов. делегации. – М.: Наука, 1973. – 520 с. – С. 272–293.
241. *Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 320 с. – С. 306–315.
242. *Томахин Г.Д.* От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании // Русский язык за рубежом. – 1995. – № 1. – С. 54–58.
243. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

244. Требования к Первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль / Н.П. Андриюшина и др. – СПб.: Златоуст, 2011. – 64 с.
245. *Трушина Л.Б.* Тестовая система по РКИ как инструмент интеграции в европейское образовательное пространство // Мир русского слова. 2004. № 4. – С. 77–80.
246. *Туманова А.Б.* К вопросу о менталитете и ментальности // Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты: Сб-к научно-метод. мат-лов I Междунар. конгресса / Под ред. Т.М. Балыхиной. – Астана: ИД «Сарыарка», 2007. – 244 с. – С. 209–215.
247. *Тхорик В.И.* Языковая личность: Лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000. – 304 с.
248. *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 716 с.
249. *Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 223 с.
250. *Фархутдинова Ф.Ф.* Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология-2000: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25–26 апреля 2000 г.) / Отв. ред. В.Т. Бондаренко. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. – 321 с. – С. 100–101.
251. Федеральные государственные требования по русскому языку как иностранному. Приложение к Приказу Министерства образования и науки Российской Федерации № 463 от 28.10.2009 г. http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm463-1.htm
252. *Федотова Н.Л.* Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). – СПб.: Златоуст, 2013. – 192 с.
253. *Филиппова М.М.* Взаимосвязь языка, мышления и культуры и преподавание иностранного языка // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей

- / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – Вып. 36. – 124 с. – С. 105–118.
254. *Фридман Л.М.* Мотивация учения и ее воспитание у школьников. – М.: Педагогика, 1983. – 64 с.
255. *Хаймс Д.Х.* Два типа лингвистической относительности // Новое в лингвистике. VII. – М.: Прогресс, 1975. – 486 с. – С. 229–298.
256. *Хан Санг Хюунг.* Языковые единицы с национально-культурной семантикой в произведении Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». – АР КД. – М., 1998.
257. *Цетлин В.С.* Знания, умения и навыки в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 1969. – № 5. – С. 3–9.
258. *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.
259. *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура (Постановка вопроса) // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 58–70.
260. *Чжао Чжицян.* Межъязыковые фразеологические эквиваленты с компонентами – наименованиями животных (на материале русского и китайского языков) // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2011. – № 3. – С. 83–87.
261. *Чулкина Н.Л.* Антропоцентрическая лингвистика и лингвокультурологические словари в РКИ // Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного / под общ. ред. С.А. Хаврониной, Т.А. Балыхиной. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2002. – 436 с. – С. 162–172.
262. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.
263. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

264. *Шубин Э.П.* Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1972. – 350 с.
265. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – 428 с.
266. *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. – М.; Л.: Акад. пед. наук РСФСР, 1947. – 96 с.
267. *Щукин А.Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2003. – 334 с.
268. Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка / под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Магнитогорск. пед. ин-т, 1994. – 124 с.
269. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
270. Язык и личность: Сб. статей / отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1989. – 211 с.
271. *Яранцев Р.И., Горбачева И.И.* Сборник упражнений по русской фразеологии: Эмоции и чувства человека. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 92 с.
272. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте / Т.В. Симашко, Т.С. Нифанова, А.Г. Бондарева и др. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – 182 с.
273. *Bachmann L.F.* Fundamental Considerations in Language Testing. – Oxford: Oxford University Press, 1990.
274. *Brown G.* Speakers, Listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis. Cambridge, NY, 1995.
275. Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching. Draft 1 of a Framework proposal. Language Learning for European Citizenship. – Strasbourg, 1996.
276. *Morrow K.* Background to the CEF // Insights from the Common European Framework / ed. Morrow K. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

277. *Hymes D.H.* On Communicative Competence // The Communicative Approach to Language Teaching. – Oxford University Press, 1979.
278. *Omaggio A.C.* Teaching Language in Context. – Boston, 1986.
279. *Stevenson Ch.* Ethics and Language. New-Haven: Yale Univ. Press, 1960.

Словари и справочники

280. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
281. *Аникин В.П.* (ред.) Русские пословицы и поговорки. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
282. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
283. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под. ред В.М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
284. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – *БФСРЯ 2006.*
285. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 700 с., 780 с.; 556 с.; 684 с.
286. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 608 с.
287. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 537 с.
288. *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка: Около 730 синоним. рядов / Под ред. В.П. Жукова. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.

289. *Кимягарова Р.С.* Словарь языка басен Крылова / Р.С. Кимягарова. Избранные басни / И.А. Крылов. – М.: Оникс: Мир и образование: Русские словари, 2006. – 928 с.
290. *Кононенко Б.И.* Большой толковый словарь по культурологии. – М.: АСТ, 2003. – 512 с.
291. *Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. – М.: Виктория плюс, 2008. – 432 с. – <http://enc-dic.com/krylov>
292. *Львов М.Р.* Словарь-справочник по методике преподавания русского языка. – М.: Просвещение, 1988. – 240 с.
293. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 863 с.
294. Мир географии: География и географы. Природная среда / Быков В.Д., Саушкин В.Д. и др. – М.: Мысль, 1984. – С. 367. <http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000056/index.shtml>
295. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 736 с.
296. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1991–1992. – 671 с.; 719 с.
297. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. – М.: ТЕРРА, 1994а. – 792 с.; 832 с.
298. *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). – М.: ТЕРРА, 1994б. – 616 с.
299. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
300. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН; Российский фонд культуры. – М.: Азбуковник, 1997. – 940 с.

301. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
302. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. – М.: Гнозис, 2004. – 320 с.
303. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / авт.-сост. В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын; под общ. ред. В.Л. Телицына. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – 494 с.
304. Сказки (Библиотека русского фольклора): Кн. I–III / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. – М.: Сов. Россия, 1988–1989. – 544 с.; 576 с.; 624 с.
305. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; науч. ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
306. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995, 1999, 2004, 2009, 2012. 584, 704, 704, 656, 736 с.
307. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с. – *САНРЯ 1977*.
308. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. – М.: Индрик, 1999. – 621 с.
309. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987. – 576 с.; 672 с.; 832 с.; 864 с.
310. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с. – *ФСРЯ 1978*.
311. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Т. 1: А – М. Т. 2: Н – Я. – Новосибирск: Наука, 1995. – 391 с.; 396 с. – *ФСРЛЯ 1995*.

312. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова / сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 832 с.; 832 с. – *ФССРЛЯ 2004*.
313. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1999. – 624 с.; 560 с.
314. *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Школьный этимологический словарь русского языка. – М.: Дрофа: Русский язык, 1997. – 400с.
315. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
316. *Яранцев Р.И.* Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1985. – 304 с.

Приложение № 1
Анкета преподавателя

Укажите, пожалуйста:

Пол – мужской женский

Возраст –

Стаж преподавательской работы –

1. Как в целом вы оцениваете качество учебных материалов?

Отлично

Хорошо

Удовлетворительно

Неудовлетворительно

Затрудняюсь ответить

2. Была ли вам интересна изучаемая тема?

Да

Нет

3. Чему, по вашей оценке, способствовало обучение по предложенным материалам?

Расширение словарного запаса учащихся

Развитие рецептивных навыков и умений:

чтения

аудирования

Развитие продуктивных навыков и умений:

письма

устной монологической речи

устной диалогической речи

Повышение речевой активности

Формирование социокультурной компетенции

Повышение интереса к изучению русского языка

Другое _____

Обучение по предложенным материалам не дало результатов

4. Какие материалы из предложенных вы считаете наиболее полезными и почему?

_____

5. Какие материалы вы рекомендуете переработать и почему?

_____

6. Чем, с вашей точки зрения, следовало бы дополнить предложенные материалы?

_____

7. Считаете ли вы целесообразным изучение на уроках РКИ других кодов русской культуры?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

8. Другие замечания и предложения

_____

Спасибо за ваши ответы!

Приложение № 2

Анкета студента

Укажите, пожалуйста:

Пол – мужской женский

Возраст –

Страна –

1. Как в целом вы оцениваете качество учебного курса?

Отлично

Хорошо

Удовлетворительно

Неудовлетворительно

Затрудняюсь ответить

2. Какие задания и виды работы вы оцениваете положительно?

Выполнение лексических и грамматических упражнений

Сравнение русских фразеологизмов с фразеологизмами моего родного языка

Выполнение тестов

Чтение текстов

Прослушивание текстов:

    монологов

    диалогов

Пересказ прочитанных / прослушанных текстов

Участие в диалоге (работа в парах)

Участие в дискуссии (работа в группе)

Написание сочинений

3. Как вы относились к изучаемому материалу?С интересом Без интереса **4. Вы оцениваете своё участие в работе на занятиях как**активное пассивное **5. Какие новые знания вы получили?**Я выучил(а) новые слова и фразеологизмы Я получил(а) представление о кодах культуры Я расширил(а) своё представление о жизни людей в современной России

Другое _____

Я не узнал(а) ничего нового **6. Принесли ли вам занятия практическую пользу?**

Да, изученный материал помогает мне

при чтении художественной литературы при чтении газет при чтении статей в Интернете при прослушивании / просмотре радио- и телепередач при просмотре художественных фильмов при устном общении с русскими при переписке с русскими при общении в социальных сетях

другое _____

Нет, я не получил(а) никакой практической пользы от занятий

7. Хотели бы вы изучать другие коды русской культуры?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

Спасибо за ваши ответы!